

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 н.
ПЕТРОГРАДЪ. № 4. АПРѢЛЬ 1915.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ.—Съверъ	1	С. ЛЕВЪ БРУНИ—Художникъ о худож- никѣ	36
НИКОЛАЙ БРУНИ.—Лѣсникъ	7	Н. КЛАДО.—Очерки мировой войны	39
А. ТРИЩАТОВЪ.—Дѣвица со стран- ностями	13	ЧЕРНЯЕВЪ.—Внутреннее обозрѣніе	54
А. ИСАКОВА.—Среди враговъ	19	Г. ВЯТКИНЪ.—О Чайковскомъ	55
АНАТОЛЬ ФРАНСЪ.—Непризнанный геній	30	АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.—Лѣсъ пошелъ	57
СТИХОТВОРЕНІЯ:— Анна Ахматова, Рюрикъ Ивневъ, Николай Бруни, А. Добровольскій, А. Боане, Т. Кладо, Д. Глушковъ, Сергѣй Есенинъ	35	СРЕДИ ЖУРНАЛОВЪ	58
		БИБЛОГРАФІЯ	59
		РИСУНКИ НАТАНА АЛЬТМАНА. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Майскій номеръ будетъ иллюстрированъ работами В. Д. ЗАМИРАЙЛО.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Контора „НОВАГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСѢХЪ“ проситъ г.г. подписчиковъ—при заявленіяхъ претензій на неполученіе номера—прилагать свой адресъ съ бандероли.
При перемѣнѣ адреса подписчики уплачиваютъ—40 коп.—нигородніе, и 20 коп.—петроградскіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорно просятъ г.г. сотрудниковъ при доставленіи рукописей въ редакцію четко писать адресъ и имя автора на самой рукописи.
Стихотворенія не принятыя для напечатанія, въ редакціи не сохраняются.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при конторѣ журнала

„НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Петроградъ, Эртелевъ пер., 3. Телефонъ 107-88.

Книжный складъ выполняетъ заказы на всевозможныя книги по различнымъ отраслямъ. Пересылка по стоимости почтового тарифа за счетъ заказчика. При заказахъ, превышающихъ 10 руб., слѣдуетъ переводить или полностью причитающуюся всю сумму, или задатокъ въ размѣрѣ 1/3 стоимости.
При высылкѣ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается 20 коп. дополнительныхъ.

Тарифъ объявленій

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“.

Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-я стр. обложки.

1/1 страница	60 руб.	100 руб.	120 руб.
1/2	35 .	55 .	65 .
1/4	20 .	30 .	35 .

Строка непарели: Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-я стр. обложки.
50 коп. 60 коп. 80 коп.

Приложенія вѣсомъ до 1-го лота 10 руб. съ тысячи, за каждый послѣдующій лоть по 2 р. 50 к. за каждый лоть.

Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ.

Во избѣжаніе задержки въ высылкѣ слѣдующей майской книжки журнала, контора „Новаго журнала для Всѣхъ“ проситъ г.г. подписчиковъ, внесшихъ по льготной подпискѣ 80 коп., поспѣшить съ высылкой слѣдующаго взноса.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

для всѣхъ

1915 г. апрѣль № 4

Сѣверъ.

Посвящается В. А. З.

Разсказъ Бориса Зайцева.

Свободной стоять земля и теперь еще для великихъ душъ. Много еще мѣстъ для отшельниковъ. Тамъ вѣгъ благоуханіе тихихъ морей.

Фр. Ницше.

I.

Давно, когда мы были молоды, пылки, и когда кровь кипѣла въ насъ, мы ушли разъ съ Семеномъ на сѣверъ. Мы забрали ящики съ красками, зонты, распрощались съ убогой усадьбой Сенина дяди—въ одной изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ жили почти каждое лѣто,—и ушли.

Сначала мы долго плыли на подкѣ, по теченію рѣки; по утрамъ, скользя внизъ, въ зеленыхъ фиолетовыхъ утреннихъ тонахъ, мы трепетали отъ восторга, жадно глядявались въ эту тянущуюся передъ нами лентой гладь рѣки, уходившей въ сумрачные и таинственные лѣса; впивали эту особенную, нездѣшную музыку утра, и въ той яснѣющей уже, недостигаемой, безсмертной дали намъ чувствовалось вѣчное солнце: вѣчное солнце—какъ мы ждали его!

А потомъ мы продали лодку и дальше бродили ужъ пѣшкомъ, ѣли консервы, сухари, спали подъ открытымъ небомъ. Вскорѣ, на „монастырской тропѣ“ наткнулись на монаха Феду. Федя, въ сущности, уже не былъ монахомъ, когда мы познакомились и подружились съ нимъ; онъ довольно давно сбѣжалъ изъ монастыря и шлялся безъ опредѣленной цѣли. Но онъ понравился намъ, мы—ему, и онъ остался съ нами. Онъ таскалъ наши ящики, стулья и зонты, мы кормили его. Иногда по вечерамъ у костра, въ старомъ прямоствольномъ тихомъ лѣсу онъ пѣлъ намъ странныя, бродяжническія пѣсни, и его богатырская фигура, громовой басъ отзывался полумистическимъ, сказочнымъ, угасшимъ.

Помню, разъ онъ выломилъ сукъ съ оглоблю, засучилъ рукава и, размахивая сукомъ, кричалъ:

— Пятъсотъ лѣтъ назадъ такъ разилъ монаха Ослабя несмѣтные полчища татаръ!

И онъ бѣжалъ куда-то впередъ, какъ будто и правда, тамъ были татары, а мы съ Семеномъ смѣялись,—но странно, помню мгновенья, когда мнѣ казалось, что это на самомъ дѣлѣ все такъ, что на самомъ дѣлѣ мы наткнемся сейчасъ на глухой, благоговѣйный и бѣдный скитъ старца Сергія, и тамъ будетъ ждать насъ этотъ трехъ-аршинный молодецъ Федя.

— А видали-ль вы Бѣлое море?—спросилъ онъ разъ.

— Нѣтъ,—отвѣтили мы.

Федя презрительно улыбнулся.

— Что-жъ вы знаете послѣ этого!

II.

Лѣто выдалось чудное—кроткое сѣверное лѣто! Не жарко, воздухъ тихъ, блѣдно небо, часто неподвижно стоятъ на немъ сѣровато-бѣлыя облака, и такъ прямо, такъ остро пахнутъ безконечными, священными, хвойными лѣсами. Боръ: по темнозеленой, глянцевиной листьѣ брусники ярко алѣютъ точки-ягодки, а дальше прячется подъ листики сѣро-сизая, скромная черника, мохъ тихъ, зеленъ, тягучъ; онъ скрадываетъ шаги, по немъ идешь—и становится жутко, такой онъ загадочный, прячущій. Но вотъ выглянетъ изъ-за набѣжавшаго облачка солнце, и онъ сразу запестритъ изумрудными, невѣроятно-яркими пятнами. И все вокругъ заиграетъ, на все ляжетъ четкая, тонкая сѣтка свѣта-тѣни.

А сосны прямы, коричневы и змѣевидно бугристы снизу, и только тамъ, на высотѣ, гдѣ тянутся ужъ во всѣ стороны вѣтки, отливаютъ онъ горячей латуною. Тамъ шуршитъ нѣжная, оторвавшаяся пленка коры и гудятъ зе-

ленные верхи. Можно часами лежать внизу, слушать ихъ таинственный гулъ, необъяснимый, широкій и говорящій о вѣчности, хаосѣ, о рожденіи и гибели всего.

Иной разъ мы разбрѣдались на цѣлые дни. Приходилось изъ большого бора выбирать въ низкія, безконечно-тянувшіяся заросли по сѣдымъ и зеленымъ мхамъ; это ужъ преддверіе тундръ, намеки на нихъ. Тутъ сразу становится жарче, мохъ раскаленный, глубокой и мягкой, попадаютъ сухіе, пышащіе зноемъ, выросшіе на бѣломъ мху сосоннички; сосенки крошечныя, не выше пояса; нестерпимо пахнетъ хвоей—кладбищемъ; иммортельки, безконечныя блѣдно-пестрыя иммортельки подъ ногами—ничего больше не растеть на этомъ пустынномъ мху. Потомъ вдругъ опять все мѣняется; передъ вами ужъ мелкая березка, въ перемежку съ ельничкомъ и можжевельникомъ; ползучій сухой верескъ кое-гдѣ; ягоды, кочки; въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ птичій пометь, два-три сѣрыхъ или черныхъ пера—это ночевали тетерева. Тутъ нетрудно согнать мохнатого, красноброваго черныша, а иной разъ изъ крѣпкой, низенькой можжевельовой чаши съ трескомъ вырываются куропатки—сѣверныя бѣлыя куропатки. Хорошо было лежать тутъ на полянкахъ, на горячемъ мягкомъ мху, глядѣть въ блѣдно-зеленое небо, на тощія елочки и березки, подбирать вылинявшія перья чернышей, рвать высокую красную тетеревиновую травку, нюхать мохъ—душистый и душиный.

А кругомъ кольцо синяго лѣса: дикаго, суроваго, неизвѣданнаго.

И мы работали. Мы писали странно и грубо, и Федя часто покачивалъ головой надъ нашими этюдами.

— Чудаки вы ребята—говорилъ онъ.—А впрочемъ.... Федя это напускалъ на себя, потому что и самъ онъ былъ такой: и самъ бродилъ здѣсь съ нами, среди лѣсовъ и болотъ, неизвѣстно зачѣмъ, ни къ чему не привязанный, такой же оборванный, какъ и мы, выгнанный, въ изодранной рясѣ, точно его толкала какая-то сила.

Нѣтъ, должно быть, ужъ очень нелѣпая, кипящая и бессмысленная кровь бурлила во всѣхъ насъ, и въ Федѣ, и во мнѣ, и въ Семенѣ.

Или другое: сіяла искра одного общаго огня.

III.

Медленно, отклоняясь въ сторону, плулая иной разъ, мы все же подавались къ сѣверу. Разъ, наткнувшись на полотно, проѣхали всю

ночь на тормазѣ товарнаго поѣзда, а больше брели наугадъ, часто шли ночью, до зари, и больше глазѣли въ небо: блѣдныя, вѣчныя звѣзды сіяли тамъ одноцвѣтными, какъ будто утомленными лучами, и съ одной изъ нихъ—полярной—мы постоянно справлялись.

Иногда мы забредали въ деревни, отпайвались молокомъ, раздобывали корму и опять шли дальше и дальше, какъ будто очень намъ нужно было куда-то поспѣть.

Мѣстность мѣнялась. Меньше встрѣчалось теперь деревень, по цѣлымъ недѣлямъ приходилось бродить по лѣсу.

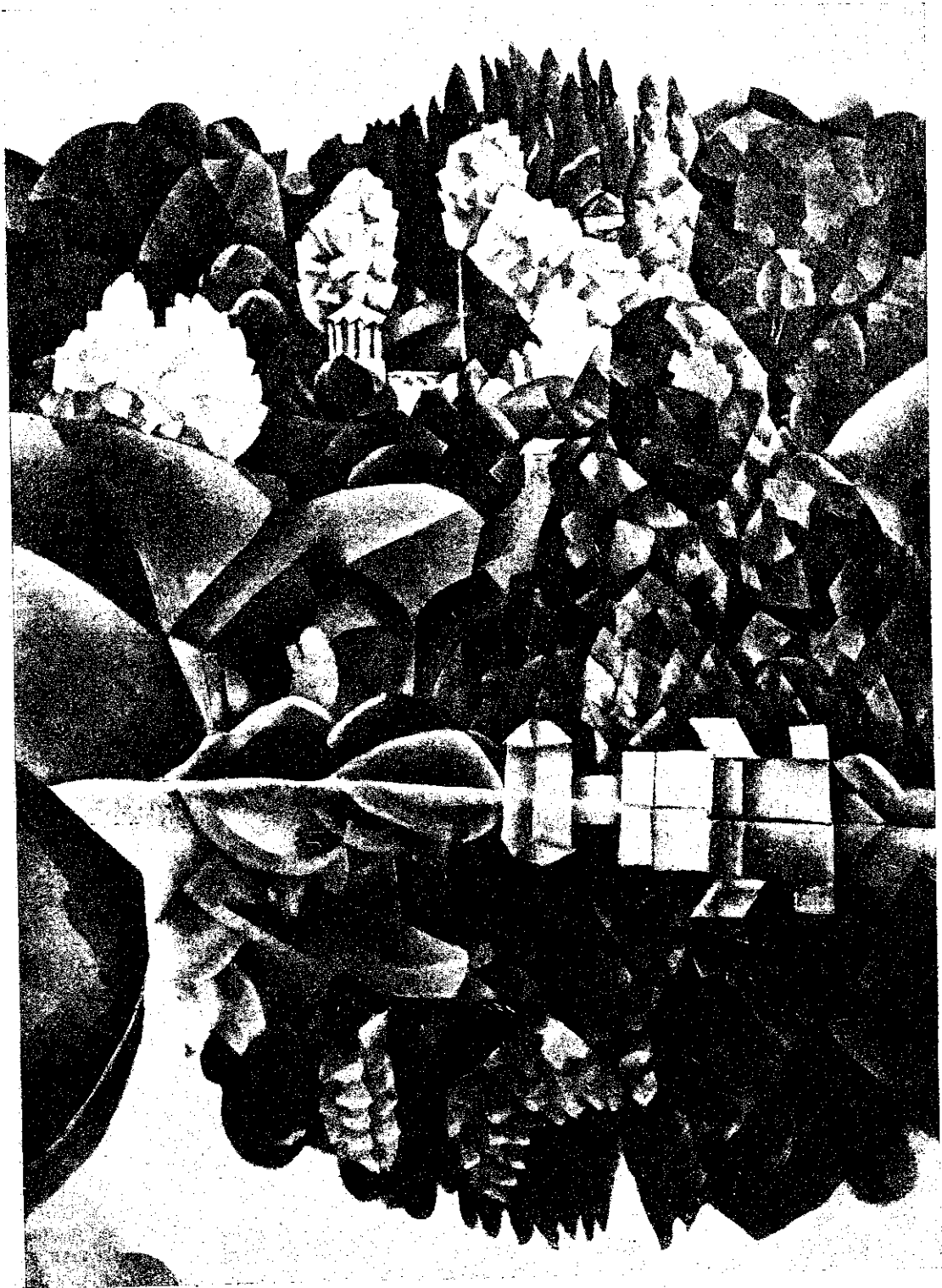
Случалось среди черныхъ, спутанныхъ еловыхъ дебрей, гдѣ темно и душно, нѣтъ травы, земля усыпана ломающимися иглами и часто виситъ сухая паутина,—случалось въ такихъ оцѣпенѣлыхъ, замороженныхъ мѣстахъ вдругъ неожиданно выйти на берегъ озера. Озеро какъ будто изъ свѣтлаго жидкаго стекла: блѣдныя его края, страшно неподвижна вода и, кажется, нѣту въ немъ ни рыбы, и ничего живого, даже дна нѣтъ. Только ели—мохнатыя, угрюмыя обступаютъ его, и въ немъ отражаются ихъ суровыя лапы. Вѣтра нѣтъ и воздухъ такой, будто мрачныя чащи отдѣлили это мѣсто отъ всего остального міра. Застоявшійся крѣпко-хвойный, странный, точно подернутый сѣрой паутиной воздухъ.

И опять мы садимся и пишемъ. А Федя бродитъ по берегу, выбираетъ мѣстечко, сноситъ сухихъ шишекъ и вѣтокъ и раскладываетъ костеръ.

Тихой синеватой струйкой идетъ къ небу дымъ. Небо молчитъ. Облака дымчаты и опаловы, все стоятъ на одномъ мѣстѣ, твердо и точно вырисовываются въ зеркалѣ озера и бросаютъ намъ неясный, блѣдный, обвалакивающий отсвѣтъ. Тишина. Кажется, что временн нѣтъ, что не растутъ деревья, что вѣка уже млѣютъ эти свѣтлыя воды и мрачныя ели вокругъ, никому неизвѣстныя, странныя, созданныя для гордаго созерцанія, для какого-то иного міра, гдѣ не возятся, не хлопчутъ и не спуютъ безъ толку, а мечтаютъ, молятся, и въ праздности, въ тиши сонныхъ вѣковъ, создаютъ дивныя замки духа. Такъ, мы сидимъ зачарованные, работаемъ, и что-то радуетъ подъ нашими кистями и красками.

А потомъ, много позже, насъ зоветъ Федя—готовы раки. Мы собираемъ свои ящики, походныя стулья—идемъ.

Вечерѣтъ. Разползаются куда-то блѣдныя облака, солнце сходитъ внизъ, собираясь спрятаться въ дремучихъ лѣсахъ, нѣжныя, золотистые и музыкальные тона наполняютъ небо. А еще позже ярко-красныя горизонтальные

Пейзажъ.

лучи пробираются кой-гдѣ, въ сумрачныхъ, еловыхъ чащахъ, и все тамъ кажется темнѣе, гуще, жутче. Чѣмъ-то сказочнымъ отзывается отъ этихъ молчаливыхъ потемокъ подь сводомъ дикаго лѣса.

Вотъ въ глухомъ, черномъ углу, надъ родникомъ, среди папортниковъ и бурелома круглоглазый сычъ. Пожалуй, тамъ дальше избушка яги.

Но вотъ мы опять ужъ у озера. Теперь оно еще свѣтлѣе, прозрачнѣе и фантастичнѣй.

Федя совѣтуетъ ночевать тутъ. Ночуемъ. Легкія тѣни надъ нами здѣсь, надъ лѣсами, подь нѣжнымъ небомъ, священныя тѣни нашихъ предшественниковъ—кроткихъ мечтателей, уходившихъ сюда, въ скиты, отъ жестокой жизни.

Сонъ нашъ легокъ и ясенъ.

IV.

Помню, разъ мы попали въ удивительныя мѣста. Казалось, глядя на эту сдвинутую съ мѣста, скомканную въ огромныя складки холмы почву, поросшую вѣковыми соснами, на озера, налитыя въ промежутки между скалами чьей-то могучей рукой, казалось, что тутъ пронесся ураганомъ творческій великій духъ, лѣпящій массы и не заботящійся о деталяхъ. Занесенные Богъ знаетъ откуда, тутъ валялись гигантскіе гранитные валуны, но, очевидно было, что это пустые камешки и поигрушки для хозяина этого края.

Когда мы бродили тутъ, было жарко. Это было даже странно,—но днемъ все здѣсь дремало и спало подь бродячими лучами, какъ громадный жирный котъ, и только къ вечеру начинался обратный токъ силы, набранный за день. Мы лежимъ втроемъ, на примѣръ, на гранитной глыбѣ, поросшей мхомъ, надъ озеромъ. Наступаютъ сумерки: неясныя, смутно-зеленоватыя; тамъ, гдѣ угасла заря, растягиваются по небу блѣдно-фіолетовыя полосы. Видимо, ночь будетъ такая же, колеблющаяся, борющаяся, полу-свѣтъ, полу-тьма.

Озеро, разслабшее и изнемогшее, чуть дымитъ, и чувствуется въ немъ огромная, нѣжащаяся и наслаждающаяся сила. Кто-то всплескиваетъ,—разъ, другой, третій,—опять молчаніе.

Вдали, на мысочкѣ, вдающемся въ воду, сквозь рѣдкій, странный воздухъ, сосны виднѣются въ отдѣльности, прямыя, какъ стрѣлы, а верхушками тѣсно никнуть другъ къ другу, точно влюбленные. День прошелъ, наступаетъ жизнь блѣдной ночи,—таинственная, неуловимая и прелестная. Кажется, будто дышитъ разомлѣвшая земля. Страстная, извивающаяся

тѣни льнутъ другъ къ другу между деревьевъ. Лѣсъ притихъ, смутно обступаетъ насъ, окутанъ голубоватой, полутуманной пеленой. Блѣдно мигаютъ сквозь него звѣзды на небѣ и ихъ дрожашія отраженія въ озерѣ.

Все тихо, но и все движется; насыщенная страстная атмосфера охватываетъ насъ; всюду переливаются эти особенныя, не сразу уловимыя лѣсныя шумы, точно несокрушимыя стихійныя силы бродятъ, растягиваются и клубятся вокругъ. Должно быть, это сама жизнь, сама неодолимая животворная мощь сѣвера рветъ и колеблется повсюду въ чащахъ, должно быть мы присутствуемъ на самомъ страшномъ и таинственномъ зрѣлищѣ—роста.

— Хорошо,—говоритъ Федя, подымаясь и растягивая въ стороны свои здоровенныя руки, такъ что дѣлается похожъ на черный крестъ,—Великолѣпно тутъ! Только пора костеръ раскладывать!—И онъ прыгаетъ внизъ съ гранита, взмахнувъ рукавами рясы, какъ огромная черная птица, а за нимъ соскакиваемъ и мы.

Ноги наши легки и крѣпки, неслышны и увѣренныя движенія, и въ этой страшной, томной полумгнѣ сѣверной ночи Федя съ Семеномъ кажутся мнѣ ужъ чѣмъ то немного инымъ, чѣмъ раньше. Но намъ хорошо. Такъ что кажется даже, что мы больше умѣстны и подходящи здѣсь, въ этихъ пышныхъ, полноценныхъ и могучихъ лѣсахъ, чѣмъ гдѣ либо.

Много позже, послѣ ужина, когда Федя и Семенъ спятъ уже, я все сижу и смотрю.

Кажется, все попрежнему я ощущаю во-кругъ себя, въ лѣсу и надъ озеромъ, присутствіе великихъ, радостныхъ силъ.

— Вѣрно, тутъ есть и лѣшіе, и водяные,—думалъ я, глядя передъ собой,—а можетъ быть здѣсь живетъ и еще какой духъ... Могучій, сѣверный духъ, который наслаждается этой дикостью; можетъ, и настоящіе сѣверные фавны, и здоровыя, бѣлокурыя женщины бродятъ въ этихъ лѣсахъ, жрутъ морошку и бруснику, хохочутъ и гоняются другъ за дружкой.

И долго въ ту фантастическую, сѣроватую, безъ тѣни и свѣта ночь, предъ лицомъ нѣмого, глубокаго озера и гордыхъ лѣсовъ, я мечталъ о другихъ озерахъ, такихъ же тихихъ и таинственныхъ, спрятанныхъ въ неизвѣстной мнѣ глуби лѣсовъ, о русалкахъ и водяныхъ, живущихъ, въ нихъ, и о размашистомъ стихійномъ счастьѣ этой страны.

И, правда, во мнѣ самомъ ходила и переливалась тогда эта сила; казалось мнѣ, что я могу помѣриться со всѣми здѣшними обитателями, могу своими молодыми мускулистыми руками выковать себѣ полную блестящую ослѣпительную жизнь!

V.

Часто мы уставали, приходилось иногда дурно питаться, мокнуть подъ дождемъ, но намъ не было это въ тягость, и мы попрежнему просыпались каждое утро съ бодрими и свѣжими головами. Потому что все, что мы видѣли тутъ, было такъ странно, своеобразно и ново, такъ не похоже на прежде видѣнное и прежде перечувствованное, что каждое утро мы ждали и вѣрили, что и этотъ день дастъ намъ что нибудь опять неизвѣстное, сильное, острое.

Постоянно намъ казалось, что мы не видѣли и не знаемъ здѣсь еще очень многого, очень важнаго, постоянно чувствовалось, что мы все ближе и ближе подходимъ къ великой богинѣ сѣвера—его поэзіи, но она еще не въ рукахъ у насъ, мы еще не пропитаны ею.

Третій мѣсяцъ ужъ мы бродили здѣсь, третій мѣсяцъ не видали людей, толкотни, жизни, все время ощущали вокругъ себя великую лѣсную пустыню—и одичали сами. Часто, шляясь мгlistымъ, полусвѣтлымъ вечеромъ въ лѣсу и мечтая, мы смѣялись потомъ и спрашивали себя—какъ будемъ мы зимой работать, давать уроки, ходить въ академію.

Хорошо, что не было тутъ Сенина дяди, или тѣхъ монаховъ, отъ которыхъ сбѣжалъ Федя!

VI.

Хмурый облачный день. Облака ползутъ твердыя, тяжкія, на значительной высотѣ, и формой похожи на раковины, обращенныя выпуклостью къ землѣ. Половина каждой раковины свѣтлая, другая, что подалеже отъ насъ, холодно-синеватая. На дальнемъ горизонтѣ облака толпятся сплошнымъ, складчатымъ, свинцовымъ пологомъ.

Мы на огромной полянѣ. Это, собственно, и не поляна, а горѣлое мѣсто. На много верстъ вправо, влево и прямо тянется эта пустынная, угрюмая плѣшь, оцѣпленная синѣющимъ кольцомъ лѣсовъ.

Жаль, мы не видали, какъ горѣлъ и гибъ этотъ никому не принадлежащій, ненужный лѣсъ. Хорошо, должно быть, и горѣть, когда никто не тушитъ.

Теперь же тутъ огромными розовѣющими пятнами раскинулась тетеревиная травка, разрослись еще какія-то буйныя травы, да кое-гдѣ торчатъ бархатно-черныя пни. Мѣстами уцѣлѣли отъ огня отдѣльныя тощія сосны, издали онѣ похожи на грибы. А вонъ, правѣе, цѣлая картина совсѣмъ засохшихъ, извѣденныхъ короѣдомъ сѣроватыхъ деревьевъ: гигантскіе дубы и ели. Какъ сложенъ и тонокъ

ажуръ ихъ вѣтвей! Мертвенностью, ненужной четкостью и ухищренностью линий они напоминаютъ стройку коралловъ. Рядомъ, въ сторонкѣ торчитъ оголенная ель—какъ воткнутый въ землю хребетъ костистой рыбы. На макушкѣ у ней—коричневый ястребъ. Вѣтеръ мрачно свиститъ въ вѣтвяхъ мертвецовъ.

Вотъ ястребъ снялся и поплылъ—неопредѣленно, небрежно... Прячься мелкота!

Вѣтеръ крѣпчаетъ. Упругими волнами онъ пригибаетъ къ землѣ траву, тускло поблескивающую на сгибахъ, несется по голому мѣсту все быстрой и стремительной, и гонитъ оттуда, изъ-за лѣса, новыя горы темныхъ, синихъ тучъ. Стволы торчащихъ сосенъ кажутся ярче, желтѣй на фонѣ тучи, сизая тѣнь ложится на все.

— Влѣземъ,—говоритъ Семенъ, указывая на пару одиночекъ-сосенъ—посмотримъ, не видать ли чего.

И мы взбираемся. Сперва лѣзеть скверно—стволь голъ и гладокъ, но выше—сучья, и намъ не трудно.

Чернорясый Федя внизу обращается въ два концентрическихъ кружечка съ выступами по бокамъ. Ярче отдѣляются куртины темновато-краснѣющей тетеревиной травки.

Видны теперь горѣлыя черныя пятна въ перемежку съ ярко-рыжими купами опаленныхъ кустовъ.

Но, главное, туда, въ страну полуночи! Оттуда несется этотъ прохладный вѣтеръ, тамъ скопились и надвигаются на насъ возы и фургоны облаковъ, тамъ видимъ мы безконечную, слегка бугристую поверхность лѣса; характерная, хвойно-синѣющая, она безпредѣльно уходитъ въ даль, и есть что-то гордое и грозное въ этомъ морѣ лѣса, тянущемся неизвѣстно куда.

А дальше—океанъ. Его не видно, но онъ тамъ, за лѣсомъ, онъ дышетъ оттуда своимъ холоднымъ дыханіемъ, это его тучи, и вѣтеръ его.

Сосны наши качаются, вѣтеръ шумитъ. Приятно и жутко описывать надъ землей полулуки, задыхаться отъ вѣтра и искать глазами далекаго океана!

Я всматриваюсь съ Семена. Онъ отстегнулъ воротъ блузы, глаза его горятъ, грудь дышитъ остро.

— Семенъ,—кричу я,—не страшно тебѣ тутъ?

Семенъ оборачиваетъ ко мнѣ свое молодое, мужественное и красивое лицо.

— Го-го!—хохочетъ онъ.—Го-го-го-о-о.

Вѣтеръ подхватываетъ этотъ крикъ и несетъ дальше. И правда: даже спрыгнуть отсюда внизъ не страшно.

Но все-же слѣзаемъ. Много еще пути впереди.

Въ памяти моей остро и ярко сохранились и тундры—зеленовато-туманныя, блѣдныя, пустыя и беззвучныя, и августовскія бурныя ночи, когда вѣковой лѣсъ вокругъ воетъ и реветъ, когда не знаешь, деревья-ли это, или океанъ, когда въ двухъ шагахъ нельзя отличить Федю отъ Семена, и кажется невозможнымъ, чтобы разсѣялся этотъ непроглядный мракъ и утихъ оглушающій вой. Въ эти ночи впервые узнаешь царство сѣвера, и въ душѣ дрожать и торжествующе звенять неизвѣстныя раньше, мощныя струны.

VII.

Море!

Это былъ нашъ побѣдный кличъ. Море! ревѣлъ намъ вѣтеръ, гудѣли прибрежныя сосны, и сами волны говорили:—Море!

Въ нашемъ сознаниіи этотъ образъ подавлялъ собой все, что мы видѣли тутъ: ни берега, ни сосенъ, ни воздуха не было для насъ теперь. Было — море—вѣчно мѣняющееся, вѣчно живое, свободное и музыкальное. Въ простыхъ грубыхъ одеждахъ, съ лютнями въ рукахъ нужно было пѣть ему гимны. Здѣсь мы прожили долго: хотѣлось по горло упиться послѣдними пѣснями сѣвера, и что-то сдавливало и тѣснило грудь при мысли, что нужно все-таки навсегда уйти отсюда опять въ нашу маленькую, плоскую и неяркую жизнь.

Вечеръ.

Рѣдкій, таинственный, прямоствольный лѣсъ; половина каждаго ствола неясно багровѣетъ отъ заката. Внизу, у подножья деревъ фіолетово-сизая полумгла. Сычъ хохочетъ гдѣ-то въ дебряхъ.

Сквозь гладкіе стволы сосенъ и узорчатая, темныя лапы елей—море. Не слышно его при-

боя, какъ будто, оно замерло, или вода невѣсома. Море темно-темносинее, небо мглисто и угрюмо только надъ моремъ,—на самомъ закатѣ,—узкая, прорѣзывающая, мрачно-красная полоска, въ одномъ мѣстѣ ломающаяся зигзагами.

Сказочный, кроваво-красноватый отблескъ на всемъ.

VIII.

Много лѣтъ прошло уже съ нашей весны. Мы прожились Семеномъ длинную, упорную, трудную жизнь. Странными чудаками и фантазерами стояли мы среди этой жизни.

То, о чемъ мы мечтали тогда, въ безлюдныхъ пустыняхъ сѣвера, осталось въ нашихъ головахъ, а тупая и бездарная жизнь попрежнему плетется трусцой, давая свободу и оригинальность.

Но я радъ, что жилъ. Радъ, что мыслить, ненавидѣлъ и былъ ненавидимъ. Радъ, что и Семень умеръ, не подавшись, такимъ-же, какимъ былъ тогда, вглядываясь въ миражъ океана.

Часто, вспоминая бывшее, я вспоминаю своего благодушнаго друга, и сейчасъ-же въ моемъ воображеніи встаетъ необъятный, свободный, могучій сѣверъ.

Снова слышу я тогда гудѣнье его лѣсовъ, снова вижу зачарованныя озера, безконечные болота и мхи, слышу шумъ моря.

И тогда тяжкія мысли охватываютъ меня: живъ-ли и по сейчасъ нашъ великій сѣверъ? Все такъ же ль онъ суровъ, своеобразенъ? Такъ-же ли дикъ? Такъ-же ль бѣдные поэты бродятъ среди его лѣсовъ, мечтая о чудномъ царствѣ поэзіи?

И море: все такъ-же ль оно шумитъ?

Привѣтъ тебѣ, сѣверъ!

Бор. Зайцевъ.

1903 г.

ЛѢСНИКЪ.

Разсказъ Николая Бруни.

I.

... Шумять, шумять весенніе ручьи..

Тамъ, гдѣ кончается Бурасовская лѣсная дача, на большой дорогѣ только по краямъ, у канавъ остался снѣгъ, желтый, сквозной, точно весь онъ состоитъ изъ большихъ иголъ. Таесть и рушится, точно рушатся башни замковъ или стѣны крѣпости. Но въ лѣсу еще много снѣга, бѣлаго, устьяннаго зелеными иглами, какъ бѣлая рубашка, вышитая зеленымъ шелкомъ.

Михайль Молотовъ служитъ въ лѣсникахъ у Бурасова. Ъхаль однажды Бурасовъ по большой дорогѣ въ своемъ тарантасѣ, самъ правилъ (толстый онъ господинъ, ѣздилъ всегда въ дохъ, а тарантасъ-то длинный, узкій, безъ козелъ, такъ что больше никого и не посадишь),—такъ вотъ ѣхаль Бурасовъ по большой дорогѣ, встрѣтился ему Михайль Молотовъ, который шелъ на охоту, да видно и приглянулся: можетъ быть ростомъ высокимъ, можетъ быть глазами большими, а можетъ быть просто весело было барину Бурасову.

— Ты куда,—говорить,—молодецъ?

— А я такъ!..

— Да ты откудаго?

— Да я то съ Волги!..

— Да гдѣ ты живешь?

— А гдѣ случится!..

Уговорилъ Бурасовъ Михаила наниматься да тутъ же и увезъ на своемъ тарантасѣ; какъ-то помѣстились.

Чудной онъ баринъ!..

Поселился Михайль Молотовъ въ новенькой лѣсной избушкѣ караулить Бурасовскую лѣсную дачу. Большая дача, въ пяти верстахъ отъ села Подрубкова.

Поглядишь кругомъ—лѣсъ да лѣсъ.

Въ избушкѣ пахнетъ сосновой смолой, бревна яркія, желтыя, а кой гдѣ изъ трещинъ въ бревнахъ просочилась смола и засохла крупными прозрачными слезами. Баринъ Бурасовъ пріѣзжалъ на новоселье, привезъ съ собой икону и лампаду краснаго стекла; велѣлъ повѣсить въ углу.

— Ты,—говорить,—какъ Иванъ царевичъ въ лѣсу будешь жить, въ заколдованной избушкѣ!..

Чудной баринъ!..

Только образъ Михайла не повѣсилъ, потому что не такой, не по старой вѣрѣ написанъ, и повѣсилъ свой образъ, темный. А тотъ хотѣлъ выбросить, только страшно стало: можетъ быть и святой!.. Положилъ его въ шкафъ и закрылъ тряпкой.

Въ лѣтнее время баринъ Бурасовъ нанималъ поденщиковъ изъ Подрубкова, косарей и дѣвокъ, на сѣнокосъ. Каждое утро и каждый вечеръ проходили они черезъ лѣсъ по лѣсной тропинкѣ и Молотовъ встрѣчался съ ними. Гуляющіе, веселые кричатъ лѣсни.

Не куплай мнѣ батька шубу:
Въ шубѣ воши заѣдають!
Купи зонтикъ да калоши
Пускай люди поглядя-а-а-ть!..

Да гулко такъ кричатъ, а дѣвки визгливыя. — Ишь разорались!—ворчалъ про себя Молотовъ,—въ лѣсу тишина, а они орутъ!

А самъ все стоялъ и слушалъ затихающіе вдаль голоса!..

Все бы пѣла, все бы пѣла,
Все бы веселилася,
Только прежняя любовь
Назадъ бы воротилася-а-а-а...

И Молотову становилось грустно. Онъ стоялъ и слушалъ, но словъ уже нельзя было слышать, только голоса.

А то однажды столкнулся онъ съ ними на тропинкѣ у оврага (крутая тамъ тропинка), не успѣлъ съ ними поравняться, а какой-то парень толкнулъ дѣвку, дѣвка зацѣпилась за корень ногой и стала падать. Тутъ Михаила, прыгнувъ поддержать ее, да тоже зацѣпился за корень и упалъ не подалеку отъ ней! Такъ и растянулся на животъ... Волосы черные, лохматые, борода не бритая; во весь свой саженный ростъ растянулся...

А дѣвки кругомъ столпились, хохочутъ...

— Бороду то не сбрилъ, а за дѣвкой погнался!

— Тоже женихъ!

Всталъ Михаила, обдернулъ куртку, наделъ шапку и смотреть въ землю. Подскочилъ какой-то парень, не высокій, коренастый:

— Ты чего,—говорить,—къ нашимъ дѣвченкамъ?!

А Михаила оглядѣлъ его съ головы до ногъ да только и сказалъ:

— Ступай къ чорту!

Потомъ поправилъ за спиной ружье, повернулся и пошелъ въ лѣсъ. Послѣ онъ ужъ старался не встрѣчаться съ ними...

Бродить Михайла по лѣсу и думаетъ. Вспоминаетъ Волгу, вспоминаетъ стараго дѣда. Высокій тоже былъ, сухія плечи, черные глаза. Все рассказывалъ про хранителей вѣры, больше про Аввакума. Брови сдвинетъ и рассказываетъ или читаетъ вслухъ житіе: „Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицеовое, аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице поюще“. А незадолго до смерти призвалъ Михайла къ себѣ и говоритъ:

— Умру я скоро. На тебя моя надежда! Бѣги Никоновой вѣры, не иди по стопамъ блуднаго отца твоего!..

И много еще такого говорилъ.

Отецъ Молотова хотя былъ старовѣромъ, но жилъ вольно:

— Пить вино,—говорилъ онъ,—нельзя, а хлебать можно.

Наливалъ въ латку вина и хлебалъ ложкой.

II.

Никто не приходилъ къ Молотову. Только разъ прислалъ баринъ скотницу съ горшкомъ масла да еще далъ ей отвезти новые стѣнные часы... Выбѣжалъ Михайла на крыльцо, слышитъ скрипитъ снѣгъ, ухаютъ сани. Схватилъ ружье, побѣжалъ, а и бѣжать

то некуда: самъ воръ къ нему ѣдетъ,—ѣдетъ баба въ тулупѣ на пѣгой лошади...

— Тпррр-у-у!

И остановилась у крыльца.

— Отъ барина тебѣ масла привезла, вонь тамъ, въ горшкѣ. Да вотъ еще часы...

— Да ты постой! Да куда-жь ты?!—закричалъ Михайла и ухватилъ за возжи,—пойдемъ хоть обогрѣться!

А баба покраснѣла и будто нечаянно нагнулась, что-бы рыться въ саниахъ подъ клѣтчатымъ домотканнымъ ковромъ.

— Чего ты тамъ роешься?—и Михайла самъ нагнулся помогать ей. Тутъ баба съежилась и кричить:

— Да пусти ты возжи! Да отстань ты Бога ради! Да уйди ты, некогда мнѣ!..

Разсердился Михайла, уперся и держать возжи.

— Дай поцѣлюю, тогда и отпущу!

Но ужъ въ это время баба оправилась, смотреть ему прямо въ глаза:

— Лѣшій ты, лѣшій и есть!

И уѣхала на своей пѣганкѣ...

А Михайла долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ и думалъ: „Этакъ вотъ и всѣ бабы... Тутъ ей и дурного ничего не воображаешь, просто обогрѣться, чайку выпить, а она краснѣетъ, какъ свекла и всякія дурныя мысли... Ну и тебя потянетъ на дурное... А просто бы обогрѣться чайку выпить... Баба“...

Взялъ горшокъ съ масломъ, часы и пошелъ въ избушку. Легъ на кровать. Защемило сердце...

Та-такъ, та-такъ,—отбивалъ маятникъ...

— ...И зачѣмъ это барину понадобилось посылать часы,—думалъ Михайла,—чудной баринъ...

Та-такъ, та-такъ..

Раньше время скорѣе шло, незамѣтнѣе. Только чиркунъ за печкой чиркалъ. Попищитъ и затихнетъ...

— Ну, какъ я ее отпустилъ!—думалъ Михайла.—Схватить бы ее за плечи, повалить на спину и цѣловать ее въ мокрыя губы, да такъ, что-бы больно было!.. Что-бы прижаться губами къ ея бѣлымъ зубамъ!..

Въ окна заглядываютъ послѣдніе, розовые лучи зимней зари. Тихо въ избѣ, тихо въ лѣсу, тихо, никого нѣтъ. Одинъ Михайла лежитъ на кровати и ноетъ у него сердце...

— Не такъ надо было ее приглашать,—думалъ Михайла,—не такъ! Надо было осторожно, потому баба то хорошая: покраснѣла словно лѣсной шиповникъ, и поджала красныя губы...

— Будьте добры, уважьте мое помѣщеніе! Вотъ какъ надо было!..

Да развѣ бы онъ ее тронулъ или что дур-

Изъ цикла: „Еврейская графика“.

ное! На рукахъ бы внесь, усадилъ бы за столъ, поставилъ бы самоварчикъ, принесъ бы меду...

Посинѣли морозныя, узорныя окна, искрятся камнями самоцвѣтными, точно усыпаны они маленькими звѣздами и мигаютъ эти звѣзды, какъ на синемъ небѣ...

— Не такъ надо было приглашать,—думалъ Михайла,—не такъ!..

Совсѣмъ стало темно въ избѣ.

Та-такъ, та-такъ,—отбивалъ маятникъ...

На другой день Михайла хотѣлъ выбросить масло, снести въ лѣсъ и выбросить вмѣстѣ съ горшкомъ, потому не чистый горшокъ, не святой, поганый. Только не могъ выбросить, ужъ очень баба хорошая...

III.

Живетъ Михайла, караулитъ Бурасовскую лѣсную дачу. Зимой хотя и скучно, но спокойно. День да ночь, день да ночь... Скрипятъ лыжи по снѣгу, а вѣтеръ поетъ въ ружейныхъ стволахъ. По вечерамъ читаетъ Михайла Евангеліе, что на какой день положено. Тихо въ избѣ, горитъ лампада, а онъ подопретъ локматую голову кулаками и читаетъ вслухъ:

„Самъ же Іоаннъ имяше ризу свою отъ власъ верблюжьей и поясъ усмень о чреслѣхъ своихъ: снѣдь же его бѣ пружіе и медъ дикій“.

А потомъ и самъ не замѣчалъ, что читаетъ, только смотрѣлъ на буквы, и становилось ему радостно и покойно на душѣ. Живетъ онъ среди лѣса въ избушкѣ отшельникомъ, ушелъ отъ міра, отъ суеты...

На еловыхъ вѣтвяхъ почиваетъ снѣгъ, бѣлый, покойный, словно крылья ангела...

— Ужъ не пойти ли въ православную церковь,—думалъ иногда Михайла,—людей по-смотреть... Но самъ сейчасъ же отгонялъ бѣсовскія мысли. А то иногда ходитъ по лѣсу и услышитъ благовѣсть Подрубковской церкви. Остановится и задумается: столько людей ходитъ въ эту церковь, и скотница тоже бурасовская...

Пойти бы и мнѣ, можетъ быть, ее встрѣчу... Да неужто же всѣ они грѣшники?..

Однажды вышелъ Михайла на крыльцо, посмотрѣлъ на солнце и зажмурился, а въ глазахъ заплавали красные шары. Красные шары и желтые. Стоить и слышитъ, точно горохъ на землю падаетъ. Открылъ онъ глаза, смотреть на свою избушку, а избушка точно бахромой одѣлась: висятъ сосульки, на солнцѣ

Изъ цикла: „Еврейская графика“.

играють, а на кончикахъ капли висятъ. Набѣжить капля и упадетъ на землю. А то, какъ подуетъ вѣтеръ, капля замерзаетъ и вытягивается въ иголочку...

Михайла положилъ руку на перила: теплыя доски, нагрѣлись на солнцѣ.

Кур-р-у-р-у у, —мурлычить гдѣ-то тетеревь.

Съ тѣхъ поръ загрустил Михайла... Цѣлый день ходилъ по лѣсу, не сидѣлось въ избушкѣ. По утрамъ заморозки, такъ что ходилъ онъ безъ лыжъ по крѣпкому насту.

Все раньше и раньше вставало солнце, все меньше и меньше оставалось въ лѣсу снѣга. Лѣсъ намокъ, вѣтви стали яркія, зеленыя, а вокругъ каждаго ствола у корня темное кольцо мокраго моха.

Шумятъ, шумятъ весенніе ручьи...

Баринъ Бурасовъ опять ѣздитъ по большой дорогѣ въ своемъ плетеномъ тарантасѣ. А какъ увидитъ гдѣ-нибудь большую лужу, сейчасъ выплѣзаетъ и ковыряетъ палочкой глину, канавку ковыряетъ. Михайлъ частенько находилъ на дорогѣ слѣды, гдѣ топтался баринъ и ковырялъ кановку. Посмотритъ, посмѣется и идетъ дальше. Говорятъ, что баринъ будто книги толстыя пишетъ, про науку, а вовсе онъ на дѣлѣ глупый, какъ ребенокъ...

Бѣгутъ весенніе ручьи. Шумитъ вода въ канавахъ. По обѣ стороны дороги желтая, какъ чай, настоянный на сушеныхъ листьяхъ, бѣжитъ, пѣнится, смѣется...

Хоть бы встрѣтить кого!.. Поговорить...

IV.

Въ Страстную Субботу Михайла всталъ до свѣта, зажегъ стѣнную керосиновую лампу и сталъ читать Евангеніе, отъ котораго пахло старой кожей и ладаномъ. Читалъ вслухъ:

«...и связавши его vedoша и предаша его Понтійскому Пілату игемону. Тогда видѣвъ Іуда, предавый его, яко осудиша его, раскаявся возврати тридесять сребренники архіереемъ и старцемъ, глаголя: согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную. Они же рѣша: что есть намъ; ты узриши. И повергъ сребренники въ церкви, отъиде: и шедъ удавился»...

— «И повергъ сребренники въ церкви, отъиде: и шедъ удавился».

Михайла умолкъ и, услышавъ свой голосъ, оглянулся, точно кто-то стоялъ за нимъ. Но никого не было.

— На осинѣ говорятъ удавился... Потому и трепещутъ осиновыя листьа, —про Іуду вспоминаютъ и дрожать...

Тихо въ избѣ. Только чиркунъ за печкой чиркаетъ:

Чи-и-ръ чи-и-къ,—и затихнетъ.

А въ окнахъ свѣтится заря. Свѣтлое зеленое море поднимается отъ земли. Поднимается и притекаетъ къ окнамъ избушки.

Михайла всталъ и перекрестился на востокъ двухперстнымъ, широкимъ крестомъ... Потомъ опять читалъ:

«И сплетши вѣнецъ отъ терніа, возложиша на главу его, и трость въ десницу его: и поклоняшеся на колѣну предъ нимъ, ругахуся ему, глаголюще: радуйся царю іудейскій».

Та-такъ, та-такъ,—отбивалъ маятникъ.

А на циферблатѣ розы, вѣнокъ изъ розъ...

Вспомнилась Волга, старый садъ у сосѣда, купца Фролова, гдѣ было много розъ.

Красивыя на циферблатѣ розы, красныя и розовыя... И зачѣмъ это барину вздумалось послать часы, да еще съ бабой послать...

— Пѣшій ты, лѣшій и есть!—вспомнилось Михайлѣ...

И вдругъ закрылъ Евангеніе, всталъ на колѣни и началъ молиться:

«Отче Нашъ, иже еси на небесехъ, да святится Имя Твое...»

А самъ вспоминалъ Волгу, вспоминалъ своего дѣда, точно слышалъ за собой его голосъ. И опять вздрогнулъ и оглянулся.

Та-такъ, та-такъ,—отбивалъ маятникъ...

Вспомнилъ Молотовъ какъ въ зимніе вечера дѣдъ ему рассказывалъ про святыхъ мучениковъ, которые сжигали сами себя.

Ставили они у оконъ мужиковъ съ топорами, а если кто не выносилъ жара огненного, то били маловѣрныхъ, бросающихся къ окнамъ, обухомъ по головѣ.

Стало какъ то душно сидѣть въ избѣ, и онъ, закрывъ Евангеніе, вышелъ наружу.

Долго, долго онъ ступалъ по мягкому моху, не замѣчая, какъ хвойныя лапы гладятъ его. И было такъ тяжело идти, точно онъ несъ на себѣ убитаго медвѣдя, такъ тяжело, что онъ не думая, опустился на землю, и легъ подперевъ голову руками.

За стволами просвѣты, алая зоря: видно дошелъ до опушки. Пахнетъ прѣлой землей и весенней смолой.

Бѣлые цвѣты на свѣтлыхъ зеленыхъ стебляхъ. Взялъ одинъ цвѣтокъ и сталъ разсматривать: жилки на лепесткахъ красноватая, и на каждомъ лепесткѣ одинаковыя, точно нарисованы.

Вдругъ что-то хрустнуло. Михайла повернулъ голову и затихъ. Сидитъ заяцъ-бѣлякъ, уши поднятъ, словно два бѣлыхъ лепестка, и шевелитъ ушами. Поднялъ лапки, глаза третъ. Шевелитъ лапки и протираетъ глаза. Посидѣлъ, посидѣлъ и запрыгалъ дальше, мимо самыхъ ногъ Михайлы.

Слышитъ Михайла надъ головой бѣлка шепстить между вѣтокъ. Поднялъ голову, да не разглядѣть никакъ, только видитъ свѣтлѣющее небо между вѣтками, звѣзды блѣдныя и точно они уплываютъ все выше и выше въ синеву, и тонуть.

Едва, едва долетѣли звуки благовѣста Подрубковской колокольни.

Поднялся Михайла и перекрестился на встающее солнце. Потомъ вышелъ за край лѣса, остановился и смотритъ подъ гору на

ширь полей, на разливъ рѣки. А за нимъ въ лѣсу птичій хоръ. Свистятъ птицы, чирикаютъ, щелкаютъ.

Б-о-о-у-мъ, б-о-о-у-мъ!—поетъ Подрубковская колокольня, а звуки едва доходятъ и лѣтять черезъ поля, надъ рѣкой, надъ лѣсомъ.

Журчатъ ручьи, поютъ тетерева.

Смотритъ Михайла на дали, залитыя солнцемъ, и чувствуетъ какъ солнечные лучи грѣютъ ему лицо, руки, забираются за рукава, за воротникъ... А во всѣхъ мускулахъ, во всемъ тѣлѣ

радостная сила. Вотъ онъ сейчасъ сбѣжитъ бѣгомъ съ горы, переплыветъ холодную рѣку, уйдетъ на край свѣта.

И пошелъ Михайла вдоль горы, вдоль лѣса, по опушкѣ, въ кустарникъ. Идетъ и смотритъ вокругъ, и слушаетъ...

У дороги, на полянкѣ, увидѣлъ онъ бродягу въ полинялыхъ лохмотьяхъ. Бѣжитъ бродяга и хохочетъ веселымъ, хриплымъ отъ пьянства голосомъ. Догналъ бабу-нищенку, схватилъ ее за плечи, повалилъ и посадилъ на пригоркѣ, гдѣ ярче солнышко, а самъ сѣлъ рядомъ, обнялъ ее и цѣлуетъ. Баба рябая, лицо все въ веснушкахъ, да и не молодая, лѣтъ за сорокъ ей, а хохочетъ, какъ молодуха, и обнимается...

Стоитъ Михайла за кустомъ и смотритъ на нихъ. Кустики красноватые, какъ лохмотья у бродяжекъ. И кажется словно всю жизнь бродяжки тутъ сидятъ на пригоркѣ, залитомъ солнцемъ...

А внизу подъ горой грохотала телѣга и тянулись люди въ пестрыхъ праздничныхъ нарядахъ. Мелькали цвѣтные платки: зеленые, желтые, красные...

Михайла осторожно попятился за кустомъ и скрылся въ лѣсу.

По дорогѣ Михайла набралъ бѣлыхъ цвѣтовъ и принесъ домой въ избушку большой букетъ. Взялъ горшокъ, въ которомъ было масло и вышелъ изъ избы. Влестить на солнцѣ горшокъ, словно звѣзда въ немъ горитъ. Минайла нагнулся у ручья и зачерпнулъ желтой воды. Хлынула она, веселая, пѣнистая и сразу наполнила горшокъ до верху. Потомъ поставилъ букетъ въ горшокъ и вернулся въ избу...

Шипитъ самоваръ на столѣ, въ открытое окно налетаетъ весенній ветеръ и доноситъ запахъ прѣлой земли и смолы.

Прошелъ день, закатилось солнце.

„Въ вечеръ же Субботній“, — читалъ Михайла, — „свитаючи во едину отъ субботъ, прииде Маріа Магдалина и другая Маріа видѣти гробъ. И се трусь бысть велій: ангель бо Господень сшедъ съ небесе, приступилъ ствали камень отъ дверей гроба и сѣдлаша на немъ: бѣ же зракъ его яко молнія и одѣяніе его бѣло яко снѣгъ“.

Стало совсѣмъ темно.

Скоро полночь. Скоро Христось воскреснетъ...

А что если бы онъ пригласилъ къ себѣ тѣхъ бродяжекъ разговляться? Почему онъ не пригласилъ ихъ? Съ кѣмъ похристосываться?

Почему онъ не пошелъ въ Подрубковскую церковь?..

Стучить, стучить маятникъ!.. Вотъ сейчасъ полночь! Вотъ стрѣлка подходитъ все ближе, ближе...

Темно въ избѣ, темно въ лѣсу и тихо. И будетъ тихо и темно, ни одна вѣтка не шелхнется, ничто не измѣнится въ этотъ часъ.

А можетъ быть долетитъ благовѣсть изъ Подрубкова? и каждая лѣсная мышъ услышитъ звонъ колоколовъ, высунувъ свою мордочку изъ норы...

Михайла вышелъ на крыльцо въ лѣсъ...

Тихо, тихо все...

На Волгѣ, когда еще была жива мать, они красили яйца, пекли куличи, готовили пасху съ изюмомъ...

Сейчасъ будутъ бить часы!.. Сейчасъ ударятъ въ колокола!..

Надо было купить въ Подрубковѣ куличъ, пасху, купить бумажную розу, красную..

И вдругъ въ избушкѣ закрихтели часы:

— Бумъ, бумъ, бумъ...

Можетъ быть часы его ушли впередъ? Можетъ быть сейчасъ онъ услышитъ благовѣсть?..

— „И сетрუსь бысть велій“, — вспомнилъ Михайла.

Онъ побѣжалъ въ избушку, схватилъ ружье и опрометью прибѣжалъ обратно въ лѣсъ.

— Христось Воскресе! Христось Воскресе! — закричалъ онъ во всю силу, какъ могъ громко.

И точно темнота шарахнулась, точно побѣжали лѣсные духи.

„Христось Воскресе!“ — отдалось гдѣ-то за стволами темныхъ деревьевъ.

Михайла поднялъ курокъ, приложился, сверкнулъ огонекъ и грянулъ выстрѣлъ по всему лѣсу:

У-ух-у-у!

Христось Воскресе!..

Утромъ баринъ Бурасовъ вошелъ въ избушку, чтобы похристосываться съ Михайлой. Онъ сгорбился, вошелъ въ дверь и сталъ ози-раться.

— Михайла!.. Эй Михайла!

Часы постукивали. Все было чисто, убрано.

— Михайла??!

А Михайла шагаль по большой дорогѣ съ ружьемъ и съ небольшимъ узелкомъ за плечами.

Николай Бруни.

Мартъ, 1912 г.

Дѣвица со странностями.

А. Тришатовъ.

— Я ищу цѣломудреннаго мужчину!

— Да? Оригинальничаете!.. Скучно это, Вѣра Владиміровна...

А она точно и сама испугалась, что сказала. Подобралась, ссутулилась, руками къ лицу подняла кожаную сумочку, точно хотѣла загордиться.

Съ моря гналъ вѣтеръ, развивая длинный конецъ лилового шарфа.

У ногъ пепеля ботинки завивалась пыль...

На скамейкѣ напротивъ сѣли два реалиста и студентъ, очень молоденькій, безусый, блѣдный и наглый. Реалисты курили, прячась и поглядывая на ворота сквера, Студентъ раскрылъ сложенную коробку фотографическаго аппарата, уставилъ на сжатыхъ колѣняхъ и сталъ наводить...

— Идите же,—попросила Вѣра... Глаза ея стали безжизненными, на щекахъ выступили слабыя пятна. Встала порывисто, точно хотѣла броситься бѣжать.

— Ну!?—ждала.

Молодой человѣкъ докурить папиросу, не спѣша поправилъ свѣтлую тирольку и, подавъ ей руку, повелъ ее, постоянно замедляя ея торопливый шагъ.

Около ногъ длинными струйками мелъ вѣтеръ песокъ аллеи.

Сзади кто-то сказалъ наивно-громко.

— Вотъ это Дергоусова? Это—которая дергается!

Изъ двухъэтажнаго бѣлаго зданія городской гимназіи выходили гурьбой, шли навстрѣчу дѣвочки въ зеленыхъ форменныхъ платьяхъ съ бѣлыми кисейными фартуками и бѣлыми накидками, въ форменныхъ круглыхъ соломенныхъ шляпкахъ.

Проходили раскраснѣвшіяся, возбужденныя, заполняя весь тротуаръ, толкая и обгоняя одна другую.

— Какъ онѣ могутъ теперь учиться?—улыбнулся на маленькихъ.

— Это экзамены,—поправила Вѣра,—скоро конецъ.

— Вы вѣдь тоже здѣсь учились?

— Да!

Она оживилась. Глаза стали большими, налились грустью и дѣтской мягкостью, и губы, всегда сжатая, тоже какъ-то по дѣтски раскрылись.

— Вы давно кончили? Простите за нескромный вопросъ.

— Три года—и вдругъ засмѣялась тихо, точно прячась,—только уже все позабыла... меньше этихъ маленькихъ знаю...

— Я смотрю на вашъ городъ. Въ немъ кажется всѣ учатся... все учащіяся, учащіяся, учащіяся... Но вотъ вы кончаете... и дальше? что? Вамъ такъ никогда и не хотѣлось никуда отсюда уѣхать?

— Не знаю.—Онѣ возвращалъ ее къ такимъ недавнимъ и такимъ уже забытымъ, въ такую даль ушедшимъ годамъ.

— Кончаетъ дѣвица. Снимаетъ скромную соломенную форменную шляпку. Одѣвается по послѣдней картинкѣ журнала и... идетъ въ скверъ. И завтра въ скверъ, и послѣзавтра въ скверъ... скверно!! Вы ужъ меня простите, Вѣра Владиміровна, за пошлый каламбуръ.

Смотрѣла на него пристально и странно.

Сегодня Вѣра очень долго сидѣла передъ зеркаломъ, и все больше „такъ“...

Въ гимназіи она считалась самой красивой, и она знала, что она красивая, и гордилась, и любила свою красоту. Теперь она одеревянѣла, а прежде она не могла не плакать, когда видѣла въ зеркало свое поблекшее лицо.

— Какъ ты подсохла—эти слова подруги, сказанныя давно, она еще и теперь помнить и слышать. У ней остались прежними глаза, огромные, въ черной каймѣ рѣсницъ. Но глаза ея

жили рѣдко, и въ самый важный моментъ умирали, дѣлались безжизненными, пустыми.

Она зажала губы привычной больной гримасой и принялась „освѣжать“ и „дѣлать“ лицо.

Какъ всегда, выходя на проспектъ, она почувствовала легкую тошноту и слабость... Оправилась, „подобралась“ и пошла. Было еще рано и пусто. Только одни ученики подростки группами стояли на углахъ, у театра, у фруктового магазина... Она проходила, не замѣчая ихъ. Завернула за уголъ, дошла до гостиницы. Его не было. Пошла медленно назадъ. Прошла весь проспектъ и повернула. Она тѣрялась. Знала, что больше двухъ разъ пройти одна по проспекту не посмѣетъ. Если теперь дойдетъ до гостиницы и его не увидитъ, нужно будетъ уйти къ морю, въ скверъ, все равно, она не знала...

Около театра дѣвочки-цвѣточницы предлагали цвѣты. Она обрадовалась, что выигрываетъ время. Выбирала долго, долго торговалась. Купила лиліи, бѣлыя, нѣжныя, на тонкихъ высокихъ стебляхъ... Пошла къ гостиницѣ. Онъ шелъ навстрѣчу.

Теперь ей было все равно. Пускай видятъ всѣ. Теперь она сама не хотѣла бы сойти съ проспекта...

— Но вы мнѣ скажете, когда вы уѣзжаете... Я хочу васъ проводить.

Пожаль плечами.

— Новый капризъ!

— Капризъ? Я думала, вамъ лестно...

Они сошли съ проспекта на уголъ, къ столбу съ афишами. Въ сторонѣ моря потухала заря. У входа гостиницы загорѣлся розовый шаръ, а дальше маленькими разноцвѣтными лампочками кричало: „Аста Нильсенъ“, „Шедевръ Психологіи“. На ярко-розовой полосѣ тротуара передъ кинематографомъ шевелилась толпа. Люди протискивались къ входу и къ ярко раскрашеннымъ картинамъ, развѣшаннымъ по окнамъ.

— Если вы не хотите, я не приду.—Ея губы подергивались, какъ у человѣка, который сейчасъ заплачетъ. Посмотрѣла на него.

— Ну вотъ хоть возьмите эти цвѣты.

Подала ему купленные лиліи, совсѣмъ свѣжія, хрупкія.

— Вѣра Владиміровна, не къ лицу вамъ все это. Я уже говорилъ вамъ—скучно это, и ваши цѣломудренные лиліи—скучны... Я не мальчикъ. Я очень знающій и очень усталый. Я много знаю и вижу тоже много, очень много. И васъ я вижу, можетъ быть, больше, чѣмъ вы этого хотите.

Говорилъ съ выразительными, злыми ударе- ниями, и по протянутой раскрытой ладони, въ тактъ словамъ, билъ зажатými въ другой рукѣ цвѣтами, билъ сильно, жестко, головки лилій разбивались, и помятыми, рванными лепестками падали на тротуаръ. Оставляя липкій слѣдъ, разламывался хрупкій стебель.

— Васъ ввело въ заблужденіе то, что я съ вами безупречно вѣжливъ, тогда какъ въ этомъ городѣ вы привыкли только къ грубымъ циничнымъ выходкамъ мальчишекъ. Простите, это внѣшній лоскъ воспитаннаго человѣка; думаю, я о васъ не лучше, чѣмъ они.

Онъ отбросилъ на тротуаръ прилипшіе къ пальцамъ лепестки, и сталъ брезгливо выти- рать платкомъ руку, мокрую отъ липкаго сока.

— Какъ вы жестоки, Дмитрій Константи- новичъ!

Съ семи часовъ каждый день въ скверѣ играетъ музыка. Открылось лѣтнее помѣщеніе клуба. По вечерамъ тамъ играютъ въ лото. Вѣра-кассирша. Каждый вечеръ она должна пройти въ клубъ по скверу, среди гуляющей публики. Въ этомъ городѣ она росла, училась. Она знаетъ каждый домъ, каждую вывѣску, каждое встрѣчное лицо. Когда она идетъ по улицѣ, она вся сжимается. Губы сведены, глаза опущены. Она идетъ мелко, мелко сѣменя, связанная короткой узкой юбкой. Лицо скрыто очень широкой шляпой съ опущенными полями. Когда она идетъ такъ, она старомодна и смѣшна.

Кажется, она идетъ, какъ слѣпая. Да она бы и могла идти такъ, съ закрытыми глазами, такъ она знаетъ весь городъ, каждый пово- ротъ, каждый переходъ улицы. Но она смотритъ. Быстро взглядывая и тотчасъ же опуская глаза, она все видитъ, все замѣчаетъ. Она не пропускаетъ ни одного мужского лица. Даже мальчиковъ. Она всѣхъ ихъ изучила, знаетъ ихъ особенности, голоса, походку. У ней есть любимцы. Когда она ихъ встрѣчаетъ, она открываетъ на мгновенье свои глаза, запуганные и странные.

Навстрѣчу идутъ гимназисты. Одинъ мѣст- ный, другой пріѣзжій. Пріѣхалъ недавно, но она уже замѣтила, выдѣлила. У него очень нѣжная кожа и красивый ротъ, удивительный, она называетъ „бархатный“...

Сейчасъ они встрѣтятся. Одна короткая се- кунда. Вѣра идетъ уже по прежнему, быстро, сѣменящимъ шагомъ, съ опущенными глазами, руками прижатыми къ тѣлу.

— Ай да Сашка! Съ тобой сама Дергоусова хочетъ познакомиться.

— Какая Дергоусова? Это та, пошла... По- чему ты думаешь?

— У меня глазъ. Ну, Сашка, держи теперь фасонъ!..

Вѣра еще больше подобралась. Кажется она вся сжалась подъ темными полями своей шляпы. Она идетъ такъ быстро, какъ можетъ, но это ей трудно, и аллея сквера кажется длинной, какъ жизнь.

На скамейкѣ, мимо которой ей надо повернуть на боковую дорожку, сидятъ мальчики. Ихъ человекъ семь. Все ученики не старше 5-го класса. Цѣлый день они „баловались“ и гоняли по городу. Къ вечеру за большими пришли въ скверъ. Пока не разгонитъ надзиратель, они будутъ сидѣть здѣсь на главной аллеѣ, соря фисташками, мѣшая ходить, глупо хохоча и прячась за спины другъ друга. Сейчас скамейку съ дорожки они затащили въ траву. Они качаются на ней, толкаются и спихиваютъ одинъ другого. Еще издали они замѣчаютъ ее, и потомъ долго провожаютъ, и она даже знаетъ по голосу, кто изъ нихъ говорить это:

— Курица не птица, проститутка не дѣвица.

Вѣра не провожала Дмитрія Константиновича, но къ пароходу ходила. Когда только можно, она ходитъ къ каждому пароходу. Она ихъ встрѣчаетъ и провожаетъ. Люди ѣдутъ въ Ростовъ, въ Ялту, въ Керчь... Она любитъ пароходы въ Ялту. Тогда публика наряднѣе, моложе, безпечнѣе.

Она смотритъ на шляпы дамъ, такія маленькія, на яркія манто, точно связанные внизу. Она смотритъ долго въ каждое мужское лицо.

Вчера съ пароходомъ изъ Ростова пріѣхалъ новый студентъ. Невысокій, очень полный, здоровый, съ загорѣлымъ свѣжимъ лицомъ, звонкимъ голосомъ и сильными руками. Онъ самъ вынесъ на пристань желтый гладкій чемоданъ, пухлый портпледъ. Она смотрѣла. На палубѣ остались дамы. Въ развивающихся шарфахъ и платьяхъ, онѣ перегибались черезъ перила и смѣялись и кричали что-то ему. Вѣра стояла близко, и видѣла, какъ косить его синеватый бѣлокъ глаза, и какъ сверкаютъ зубы, когда онъ хохочетъ.

Вѣра прошла всю пристань и молъ до конца, и сидѣла тамъ на вышкѣ больше часа, точно ждала кого-то.

Когда она была гимназисткой, она была очень застѣнчивой и неловкой.

Иногда какой-нибудь курортный, понравившійся ей, жилъ въ городѣ цѣлый сезонъ, а она не находила предлога, не видѣла возможности къ нему подойти.

Теперь она находила предлоги быстро и легко.

Каждый пріѣзжій первые дни проводилъ у моря, и теперь каждый день Вѣра ходила въ портъ.

Молъ окончивался вышкой. Тамъ подъ фонаремъ, на деревянной площадкѣ, огороженной свѣтлыми, сквозными перилами, были поставлены скамейки для публики. Послѣ пяти часовъ гуляющіе толпой направлялись сюда изъ города, днемъ же здѣсь было нестерпимо отъ палящаго солнца. Внизу, по одной сторонѣ, наложенныя надъ самой водой по сваямъ доски образовывали какъ бы галлерейку, гдѣ отъ высокой вышки ложилась тѣнь. На доски съ каменнаго бока мола вели три неудобныхъ опасныхъ ступеньки. Вѣра увидѣла студента. Онъ стоялъ безъ фуражки, тамъ на доскахъ, крѣпко держась одной рукой за желѣзную скобку въ деревянной обшивкѣ стѣны. Онъ смотрѣлъ съ внимательнымъ интересомъ, какъ всѣ, кто видитъ въ первый разъ, какъ мальчишки-рыбалки, вертятся на сваяхъ, вытаскивали круглыхъ скользкихъ бычковъ.

На вышкѣ не было никого. Вѣра осторожно сошла внизъ и подошла къ ступенькамъ. Нужно было шагнуть сильно внизъ, но ей мѣшала юбка. Она оглянулась растерянно.

— Позвольте вамъ помочь!—Студентъ протянулъ ей свою сильную руку.

— Благодарю васъ, у меня узкая юбка. Наверху жарко, только здѣсь и есть капелька тѣни...

Его звали—Николай Николаевичъ Мартазовъ. Но ей показалось, что это имя онъ только-что сейчасъ выдумалъ для нея. И отъ того, что онъ сразу такъ мало ее уважаетъ, она почувствовала себя ручной птицей, которая даже не сможетъ забиться подъ его сильную руку. И она податливо размѣялась, когда, точно вызывая и испытывая ее, онъ разсказалъ двусмысленную пароконную исторію, такую же придуманную, какъ его имя. Разсказывая, онъ сѣлъ на доски, какъ рыбалка, и снизу пристально разсматривалъ ее. А когда она сдѣлала движеніе, чтобы перемѣнить позу, онъ, говоря какъ опасно ходить по такой узкой доскѣ, удержалъ ее снизу, рукой беря за ея ноги.

Камни мола были бѣлые отъ солнца. Точно листы нагрѣтаго желѣза, лежали растянутые брезенты у пристани Русскаго Пароходства, и единственный портовой сторожъ прятался въ тѣнь около ряда бочекъ, высокихъ ящиковъ и сложенныхъ машинъ. Далеко къ городу, пыль-

ными блеклыми пятнами зеленѣла ленточка акацій и не было никого. Только машина стучала у поворота мола, и ея рычаги, гремя разматывающейся цѣпью, однообразно подымались и опускались съ однимъ и тѣмъ же ударнымъ стукомъ. Рабочіе, въ парусиновыхъ курткахъ, съ черными отъ солнца и отъ пота лицами, забивали ряды новыхъ свай для расширяемой пристани.

Однообразный стукъ машины мучилъ Вѣру, какъ удары по головѣ. Камень жегъ черезъ тонкую подошву, и, ища тѣни, она хотѣла бы пробѣжать эту открытую раскаленную полосу берега, но студентъ крѣпко держалъ ее за руку и тянулъ на себя. Какъ удары въ желтую на солнцѣ сваю, она слышала его лѣнивый, прилипающій голосъ:

— Ворона леталъ, леталъ, леталъ, на деревѣ всталъ.
Лисица бѣжалъ, бѣжалъ, бѣжалъ, подъ деревомъ всталъ...

Вѣра два вечера гуляла со студентомъ на музыкѣ, а въ воскресенье онъ уговорилъ ее уѣхать въ море. Они взяли лодку на мосткахъ, у мужской купальни. Подочникъ ссылаясь на правила и не отпуская лодку безъ себя, но студентъ далъ ему рубль и взялъ весла.

Вѣра не слушала ихъ спора и двигалась, какъ автоматъ, и въ подкѣ сѣла, какъ онъ велѣлъ, покорно перебросивъ на грудь жесткую веревку руля.

Отъ косы, куда онъ ее возилъ, было верстъ десять, и когда они плыли назадъ, былъ вечеръ и солнце садилось, окрашивая небо въ золотыя и красныя краски. Она вся дрожала отъ внутренней глубокой обиды и боли, и за день точно похудѣла, такъ было измучено ея лицо.

Конецъ размотавшагося шарфа запутался подъ ногой и мокъ въ грязной водѣ, щеки горѣли неровными пятнами, но, подъ его насмѣшливымъ взглядомъ, она находила еще столько силъ, чтобы тянуть тяжелую веревку.

Когда, насвистывая опереточный маршъ и взмахивая веслами, онъ однообразно покачивался передъ нею своимъ полнымъ и сильнымъ тѣломъ, она хотѣла одного, чтобы какъ можно дольше не оборвался этотъ свистъ, такъ боялась она его разговора.

— Вѣра, если бы вы не были такъ скучны, я бы прожилъ здѣсь лишнихъ недѣли двѣ, но вы ведете себя глупѣе самыхъ наивныхъ дѣвочекъ изъ нашихъ Ростовскихъ гимназій.

Она вся затрепетала, и ея руки судорожно сжимали руль.

Онъ захохоталъ открыто и громко, какъ

смѣются здоровые, довольные собою люди, вспомнивъ что-то свое и очень смѣшное.

— Когда встрѣтите вашего „чистаго“ мужчину, кланяйтесь ему отъ меня.

Но на глазахъ ея выступили слезы и это его смutilo.

— Ну, Вѣра,—потянулся онъ къ ней,—было и прошло, и солнце взошло! Лисица бѣжалъ, бѣжалъ, бѣжалъ, подъ деревомъ всталъ...

И она испуганно ему улыбнулась.

На мосткахъ у купальни ученики мореходныхъ классовъ ловили бычковъ. Ихъ было трое и они были пьяны. Двое бросили удочки, и только одинъ, наскучивъ неудачей, забавлялся тѣмъ, что уже разъ пойманнаго бычка нацѣплялъ на удочку и, далеко забрасывая, вытаскивалъ его снова.

Ему кажется нравилось, когда, подъ его взмахомъ, рыба описывала полукругъ въ воздухѣ и съ силой ударялась о доски.

— Поймалъ.

И всѣ трое хохотали.

Вѣра увидѣла ихъ издали, узнала всѣхъ трехъ и поняла, что они уже слѣдятъ за нею. Если бы она могла, она лучше бы вернулась въ море, но лодку нужно было сдать у этихъ мостковъ, и студентъ равнодушно и сильно гналъ ее къ нимъ.

— Мишка,—крикнулъ морякъ товарищу,—сколько часовъ ловишь—ни черта не поймалъ. Смотри, вонъ Дергоусиха какого бычка поймала...

Шагая черезъ студента по скамейкамъ качающейся лодки, Вѣра не протянула ему руки. Она, не прощаясь, только сказала:

— Ради Бога, мы не знакомы, не мучьте, не подходите никогда ко мнѣ.

На мосткахъ морякъ загородилъ было ей дорогу.

— О, дорогая, какъ я страдаю за вами...

Но она успѣла пройти, какъ всегда, не поднимая глазъ.

Стоялъ июль и каждый день въ городѣ появлялись новыя лица: евреи изъ Екатеринослава, гимназистки изъ Мелитополя, нѣмецкія семьи изъ ближнихъ колоній. Рѣдко кто задерживался надолго, а иногда пріѣхавшіе съ дневнымъ пароходомъ, погулявъ вечеромъ въ скверѣ, съ ночнымъ уѣзжали дальше.

Вѣра каждый вечеръ приходила въ скверъ. Но она точно боялась чего-то и не ходила одна. Она брала съ собой своего дальняго родственника, выпускного гимназиста, некрасиваго мальчишка съ короткими ногами и круглымъ

лицомъ, и всегда кто-нибудь оглядывался на нихъ, когда въ разговорѣ она называла его Жанъ.

Но она говорила мало, а только слушала, какъ однообразно и ровно, точно страницу учебника онъ передавалъ ей городскія гадости, и думала о своемъ.

Сегодня уже четвертый разъ, когда она поворачивалась съ Жаномъ у кассы сквера, чтобы снова назадъ пройти аллею, она видѣла, какъ съ крайней скамейки двое приѣзжихъ смотрятъ на нее.

Она попросила мальчика:

— Сядемте противъ музыки, я, кажется, не могу больше ходить.

Она только для себя нашла мѣсто, такъ было здѣсь тѣсно, и Жанъ остался стоять недалеко у акации, гдѣ висѣлъ фонарь и началась боковая дорожка.

Она скользила взглядомъ по лицамъ солдаты-музыкантовъ, которая такъ изучила за лѣто, незамѣтно для себя задерживаясь на наиболѣе красивыхъ, но того, что они играли, она не понимала и уставала слѣдить.

Около нея вставали, и она, не оборачиваясь, по голосамъ узнавала и называла про себя кто это былъ.

Жанъ пробрался къ ней и окликнулъ ее.

— Вѣра! Съ вами хочетъ познакомиться одинъ... ну, я не знаю... приѣзжій. Онъ просилъ меня, если вы разрѣшите...

— Ну что же, приведи его.

Разглядѣла очень худое лицо, долго не спавшіе глаза и помятую одежду. Но по фасону платья угадала, что онъ изъ большого города.

Обошли рядомъ кругъ, не сказавъ ни слова.

— Я бы хотѣлъ уйти отсюда, изъ этого людского колеса. А вы?

— Да!— Она мотнула головой.

— Пойдемте къ морю. У моря хорошо вездѣ, но я здѣсь чужой, а, можетъ быть, вы поведете меня туда, гдѣ оно вамъ нравится больше.

— Тогда идемте по Приморской. — Она показала рукой направо.

За зданіемъ мужской гимназіи звуки оркестра перестали быть слышны, и улица съ рѣдкими фонарями лежала темная и пустая.

Она замѣтила что онъ отстаётъ и пошла чуть тише.

— Вы поспорили на пари съ вашимъ товарищемъ, что познакомитесь со мной?

— Вы такъ подумали? Тотъ человекъ, который сидѣлъ со мной въ скверѣ, мнѣ не товарищъ. Сегодняшній спутникъ по пароходу. Мнѣ онъ такой же чужой, какъ и вы...

— Я не веселая,— прервала она его... но я рада, что ушла изъ сквера, я тамъ очень скучала.

— Если я пугаю васъ, скажите куда, и я провожу васъ домой.— Она остановилась и покачала головой. Она даже улыбнулась.

— Нѣтъ я люблю, когда вижу новаго человека.

— Ищите? Та-а-къ...

Она сказала быстро, какъ бы боясь, что онъ станетъ спорить:

— Каждый ищетъ!.. чегонибудь... прибавила тихо.

Онъ засмѣялся.

— Вы напомнили мнѣ сейчасъ моего друга. Его одну фразу: „Володя вы чегонибудь пьете?“

Она не поняла ни его смѣха, ни его словъ. Оглянулась назадъ, точно жалѣя, что ушла отъ электрическихъ фонарей и веселой музыки сквера, но уже поворачивали на Приморскую. Пошли мимо бань, мимо купальень, по шпаламъ желѣзной дороги, потомъ перешли совсѣмъ къ морю, на песокъ. Здѣсь было идти труднѣе, шли медленно. Съ боку рядами тянулись опрокинутыя и вытасенныя лодки. Тѣнь подъ ними лежала темночерными пятнами и, казалось, что тамъ кто-то прячется. Нѣкоторыя лодки были въ самой водѣ, привязанныя... Волна ихъ тихо тащила на себя и потомъ отпихивала на старое мѣсто. Яркой звѣздой вспыхивалъ маякъ на косѣ, далеко, за 18 верстъ. Отъ пристани отходилъ пароходъ. Его огни движущимися точками висѣли въ воздухѣ. Вѣра сѣла на камень и слѣдила за плывущими огнями. Она показала туду рукой.

— Вотъ сейчасъ они прошли мимо вышки, теперь огибаютъ волнорѣзъ.

Онъ сѣлъ рядомъ у самой воды и ногой шумно скатывалъ камушки внизъ. Вѣтеръ дулъ съ земли и иногда доносилъ обрывокъ какой-то мелодіи. Это солдаты еще играли въ скверѣ.

Своими маленькими прячущимися движеніями Вѣра поправила прическу и огладила юбку.

Ее пугала его неразговорчивость.

— Занимайте же меня. Или вы все такъ и будете молчать?

Низко надвинутая шляпа скрывала его лицо; и ползали ли это тѣни тамъ у губъ, или смѣялся онъ?

— Развѣ непременно нужно говорить? А вы проникнитесь обстановкой. Представьте себѣ, что море разговариваетъ за насъ. И, потомъ, напрасно вы такъ любопытны къ людскому

шуму: толкните вонъ ту пустую жестянку, и вы получите шумъ болѣе выразительный...

Онъ набралъ въ горсть гладкихъ и круглыхъ камешковъ и, бросая ихъ, прислушивался, какъ они падали внизу съ бульканьемъ мелодичнымъ и звонкимъ.

— Аккомпаниментъ утопленниковъ. —

Заговорилъ оживляясь.

— По моему все въ жизни непремѣнно происходитъ подъ аккомпаниментъ. Пусть это будетъ какой-нибудь пискъ, царапаніе... Меня занимаетъ это. Аккомпаниментъ, напримѣръ, чего-нибудь изысканно безстыднаго...

Его слова точно связывали ее. То, что потянуло ее къ нему, замѣнилось испугомъ, и за правильными оборотами его рѣчи, она чувствовала что-то грубое и злое. Рѣшила—сейчасъ встану—но гдѣ то близко зазвенѣла балалайка, и Вѣра пригнулась на своемъ камнѣ.

По берегу шли. Изъ неясныхъ очерчивались въ фигуры: одна, двѣ, три и еще и еще. Сбивая камни, шумя пескомъ, прошли мальчики. По свѣтлымъ пуговицамъ можно было угадать учениковъ. Въ рукахъ у нѣкоторыхъ балалайки и гитары. Они нарочно замедляли шаги, рассматривали, дурачились...

— „Добгый вечеръ“ „Вона сега“ „Пріятнаго аппетита!“

Ихъ контуры долго маячили на свѣтломъ фонѣ неба.

Было долго тихо.

— Это неправда,—началь онъ,—что я не искалъ васъ и разговора съ вами. Я въ городѣ нѣсколько часовъ, но мнѣ рассказали про васъ, какъ про дѣвицу...—замаялся, точно испугался за чуть не сорвавшуюся грубость—дѣвицу со странностями—сказаль онъ.

— Только знаете что, вы издали казались интереснѣе.

Отъ его словъ она согнулась больше, чѣмъ отъ смѣха мальчишекъ.

— Что же я мало хохочу, или я очень худа?

— Зачѣмъ же сердиться, дорогая. Вы же умная. Въ гимназіи учились. Вотъ, говорите, ищите... Вѣроятно какого-нибудь графа изъ романа Вербицкой...

Она почувствовала, что онъ ее оскорбляетъ, какъ не оскорбляли послѣдніе матросы, подъ грубыя шутки которыхъ столько разъ сжималась проходя. Повернулась къ нему вся дрожа. Встала порывисто, протестующая.

— Я ищу цѣломудреннаго мужчину!

Онъ осмотрѣлъ ее сверху до низу и улыбнулся.

— Сурьезно сказано! Да вы, кажется, и на самомъ дѣлѣ дѣвица со странностями. Но стойте, вы точно хотите уйти отъ меня. Почему? Вѣдь вы не знаете, можетъ быть, я какъ разъ и есть тотъ, какой вамъ нуженъ.

И, взявъ ее за руку, онъ слабо потянулъ ее къ себѣ.

Вѣра не сопротивлялась, только смотрѣла безжизненными, остановившимися глазами...

Гдѣ-то далеко уходили и пѣли мальчики.

Ароматы ой да кобятся,
А гулять парню хочется,
Соловей, соловей тѣхъ, тѣхъ, тѣхъ,
Канаречки такъ жалобно поютъ...

Мимо берега, сильно ударяя по водѣ веслами, и все дальше уходя въ море, плыла безъ пѣсни, безъ огня, лодка. Темная фигура согнулась у взлетающаго весла.

Боже! Дай же Ты ему то, чего ищетъ этотъ человекъ, который ночью уплываетъ въ море.

А. Тришатовъ.

П а р и ж ь .

Среди враговъ.

А. Исаковой.

(Продолженіе *)

II. Въ западнѣ.

Но вотъ я водворяюсь вмѣстѣ со „своими“ на Фридрихштрассе, въ семьѣ Пайункъ.

Сынъ моихъ новыхъ хозяевъ, Отто, жиденькій, голенастый подростокъ лѣтъ тринадцати, съ торчащими впередъ зубами и сурово выпученными глазами, смѣшно одѣтый въ обтянутый костюмъ, изъ котораго онъ уже выросъ, храбро, хотя и не безъ труда, перетасилъ мой багажъ на рукахъ.

Въ саду, когда мы пришли, первымъ встрѣтилъ насъ его младшій братъ, шестилѣтній, балованный Бэби.

Въ длинныхъ локонахъ, но растрепанный, въ грязномъ и рваномъ передникѣ, дѣлавшимъ его похожимъ на дѣвочку, съ лицомъ въ сѣрыхъ пятнахъ, да и самъ весь сѣренькій, подбѣжалъ онъ ко мнѣ съ желторотымъ птенчкомъ въ рукахъ и залепеталъ что-то непонятное, обнажая гнилые молочные зубы. Двухъ переднихъ зубовъ не хватало, и кончикъ языка безпрепятственно проскакивалъ въ отверстие, образовавшееся отъ ихъ отсутствия.

Лепеталъ онъ, конечно, о птенчикѣ.

„Якобъ“ „Якобъ“, поминутно слышалось въ его рѣчи.

И еще одно слово часто попадалось ему на языкъ: „Капутъ“.

Ахъ, сколько разъ впоследствии случалось слышать это слово въ ихъ домѣ! „Капутъ“ наступалъ для всего, навлекавшаго на себя вниманіе Бэби. Игрушки, птенцы (это было какъ разъ сезонъ вылета дроздовъ изъ ихъ гнѣздъ), пересаживаемые въ садикъ кусты, всевозможные трости, зонтики, карандаши, — всему быстро наступалъ „капутъ“, какъ только съ этимъ соприкасался маленькій Бэби.

Капутъ былъ и коробкѣ нашихъ конфетъ, когда мы однажды, уйдя и оставивъ комнату открытой, не догадались прибрать коробку эту подъ замокъ.

Когда я появилась съ вещами и съ Отто, комната моя еще не была готова. Я застала въ ней полный разгромъ, какой у насъ бываетъ передъ большими праздниками: мыли полы, окна, вытаскивали и вносили вещи. Марин Николаевна и Тиночки не было дома.

*) См. № 1 и 2 „Нов. Журн. для всѣхъ“ 1915 г.

Я сѣла въ сосѣдней съ моей комнатою (гостиной) и стала наблюдать за уборкой.

Заняты были ею мать и дочь.

Мать—высокая, прямая, растрепанная, въ большомъ сѣромъ передникѣ съ рукавами, замѣнявшемъ платьѣ,—впрочемъ больше приказывала, распоряжалась. Она покрикивала рѣзковатымъ голосомъ, посылала то за тѣмъ, то за другимъ въ лавочку Отто, тоже гдѣ-то невидимо для меня присутствовавшего при уборкѣ. Время отъ времени, представивъ дѣтямъ дѣйствовать однимъ, она приходила ко мнѣ и оживленно бесѣдовала, сообщала какое-нибудь счастливое извѣстіе относительно благосостоянія и удачи въ семьѣ Пайункъ (вродѣ полученія наслѣдства напр., или счастливаго найма квартиры въ домѣ, который весь оказался въ ея распоряженіи, съ садомъ).

Дѣйствовала главнымъ образомъ пятнадцатилѣтняя Боби. Она весело и проворно переставляла въ комнатѣ вещи, подоткнувъ подолъ, усердно терла полъ тряпкой и тонко выпѣвала нехитрую пѣсенку.

Наконецъ все было готово,—постель пышно взбита вмѣстѣ съ периной, постланной взаимно одѣяла, хотя стояли іюльскіе, душливо жаркіе дни. Вязанья и тканья салфеточки разложены были всюду, гдѣ онѣ только могли помѣщать что бы то ни было дѣлать. Шкафы и коммоды вытерты и открыты, чтобы я могла заняться уборкой своихъ вещей.

Когда сожительницы мои вернулись, я уже вполне устроилась и была всѣмъ довольна.

Онѣ принесли мнѣ букетъ на новоселье. Мы заварили чаю, потомъ перекочевали въ ихъ комнату. Нервное напряженіе сразу упало. Почувствовалось, что начинается долгій періодъ тяжелаго испытанія, но что острота момента прошла.

Мы, правда, съ тревогой задавались вопросомъ, что съ нами будетъ дальше, но настоящее не внушало никакихъ опасеній: хозяйка была безупречно ласкова, прямо родственна. Самъ херъ Пайункъ—самый худой изъ здоровыхъ людей, какого я когда-либо видѣла—(черепъ его былъ едва обтянутъ тонкой претонкой кожей)—принялъ съ нами тонъ нѣмецкаго папаши, защитника.

— Kinder, wie geht es? (Какъ дѣла, дѣтки?)—было обычнымъ его восклицаніемъ при встрѣчѣ.

Онъ былъ лѣтъ на двадцать старше жены, ходилъ дома въ подтяжкахъ на грязную рубаху, не выпускалъ изо рта трубку, отчего весь пропитанъ былъ запахомъ табака, и кончики пальцевъ у него были ярко желтые.

Въ распоряженіи нашемъ были обѣ наши спальни и раздѣлявшая ихъ, заставленная ме-

белью и обремененная фотографіями, гостиная.

Хозяйка ютилась въ кухнѣ и смежной съ нею общей спальнѣ.

Изъ рассказовъ моихъ сожительницъ, да и изъ немногочисленныхъ собственныхъ своихъ наблюдений, я поняла, что попала въ странный, обособленный мірокъ, полный неожиданностей и противорѣчій.

Пайункъ были единственными жильцами въ домѣ. Остальныя квартиры пустовали. Это не была вилла, наполненная прїѣзжими, какъ то было у Штраусовъ, да и повсюду въ курортѣ,—Пайункъ просто сдавали двѣ комнаты жильцамъ отъ себя.

Безпорядокъ въ домѣ былъ таковъ, что мнѣ не только въ Германіи, но и въ Россіи не случалось встрѣчать подобнаго. Утромъ кофе и завтрака приходилось долго и мучительно ждать. Комнаты оставались неубранными до вечера. Обѣдъ подавался фантастически, не ображаясь ни со временемъ, ни съ аппетитомъ, то раньше полудня, то часа въ два и позже, то вкусный и обильный, то болѣе чѣмъ умѣренный, состоящій изъ какихъ-то жирныхъ и сладкихъ болтушекъ, которыя казались намъ несъѣдобными. Многие необходимыя предметы домашняго обихода отсутствовали. Прислуги не было вовсе, а обращаться къ хозяйкамъ часто бывало неудобно.

Фрау Пайункъ таинственно исчезала во Франкфуртѣ. Херъ Пайункъ завѣдывалъ хозяйствомъ, дымилъ трубкой въ кухнѣ, полоскался съ посудой, и намъ казалось, что все подаваемое къ столу отзывается табакомъ. Прислуживала намъ урывками, когда не помогала отцу, Боби.

Эту Боби прозвали мы впоследствии Ундиной.

Когда она въ первый разъ услышала это слово и поняла, что оно относится къ ней, она искренно удивилась и сконфузилась. Съ равнымъ основаніемъ могли бы мы прозвать ее Золушкой.

Высокая, тонкая, гибкая и пропорціональная, съ маленькой, граціозной головкой и блѣднымъ, привлекательнымъ личикомъ, опущеннымъ пепельными завитками, она могла бы смѣло сыграть роль принцессы, будь только подходящій нарядъ.

Но не было въ домѣ грязной работы, которую не выполняла бы Боби, и ни разу не видала я ее не только нарядно, но даже прилично одѣтой.

Была только одна тривиальная черточка у рта и въ разрѣзѣ губъ Боби, которая нарушала въ ней очарованіе сказки. И постоянно жевала она что-нибудь, будто-бы лакомое,—

лакрицу, незрѣлыя сливы и яблоки, крашенные леденцы, пряники.

Когда Фрау Пайункъ бывала дома, то все время свое проводила она въ громкихъ восклицаніяхъ сожалѣнія и участія, относившихся къ намъ. Глаза при этомъ у нея были заплаканы, и нерѣдко наводила она тревогу на насъ самой горячностью своего сочувствія.

— „Плакучая ива“, опредѣлила ее Марья Николаевна.—„Она, право, очень добра и мила, но лучше бы она насъ не разстраивала“...

— Нѣтъ, это не поддается описанію!—воскликнула фрау Пайункъ.—На улицахъ происходятъ ужасныя сцены. Вчера убили двухъ французовъ, по одному подозрѣнію въ шпіонствѣ. Изъ кафе выгнали русскихъ, лица у нихъ были въ крови, шутманамъ едва удалось отбить ихъ.

Она рассказывала, грязная, трепанная, заплаканная, сокрушалась о грозной нашей судьбѣ,—а мы ее утѣшали:

— Ничего!

Незамѣнимое, единственное въ своемъ родѣ русское слово!

— Ничего, фрау Пайункъ! Ну, что-жъ дѣлать? Такова ужъ наша судьба. (Dass ist schon unser Schicksal),—выразительно тянула Тиночка, раскрывая большіе глаза и ребячески вытягивая пухлыя губы.

А Плакучая Ива обливалась слезами, и глаза у нея краснѣли и пухли.

Передъ этимъ загадочнымъ явленіемъ какъ-то даже совѣстно становилось намъ. Что тамъ ни говори о нѣмецкой сентиментальности, но когда такое бурное проявленіе сочувствія обращено къ вамъ, то, вѣдь, должно же оно вызывать умиленную благодарность! И мы благодарили.

Что касается насъ трехъ, то мы образовали въ этомъ маленькомъ міркѣ свой, еще болѣе обособленный, замкнутый міръ, составляющій какъ бы отраженіе жизни въ какомъ-нибудь миломъ „Затишьѣ“ или „Зарѣчѣ“, въ которомъ провела Марья Николаевна всю свою безупречную женскую жизнь.

И въ этомъ мірѣ были мы три. Только внѣшніе вопросы и обстоятельства приходилось намъ узнавать другъ о другѣ, души же знали другъ друга. Знали тѣмъ первымъ, вопрошающимъ взглядомъ, знали тоской по далекой Россіи, знали общимъ мученьемъ неволи.

Утромъ мы отправлялись къ источникамъ, пили воды, опасливо перекидывались фразами съ русскими собратьями. Днемъ осторожно гуляли, выбирая мѣста не слишкомъ людныя, но и не слишкомъ глухія, въ полъ-голоса разговаривая, или молча.

Дома терпѣливо выжидали услугъ, дѣлали

все, что могли дѣлать, сами. Съ равнымъ терпѣніемъ выслушивали lamentаціи фрау Пайункъ и томительно ждали, что будетъ дальше.

По вечерамъ у насъ было еще утѣшеніе—карты.

Когда-то, еще въ дѣтствѣ, бабушка моя научила меня гадать.

Когда я въ первый разъ разложила карты для Марьи Николаевны и для Тиночки, оказалось, что я, ничего не зная еще, вѣрно опредѣлила всѣ обстоятельства жизни ихъ и всѣ возможности совершающихся безъ нихъ событий.

Это стало источникомъ живѣйшаго интереса. Я гадала на себя, на нихъ, на cadaго изъ членовъ нашихъ семей, оставленныхъ „тамъ“; гадала и на Россію, Францію, Англію, наконецъ и на великую злодѣйку насъ всѣхъ, на безпощадную виновницу нашихъ бѣдъ—Германію.

И вдругъ случилось происшествіе, совершенно выбившее насъ изъ мирной колеи нашей.

Это было 22 іюля, день именинъ Марьи Николаевны.

Больше тепла, но и больше печали было въ этотъ день на душѣ въ нашихъ отношеніяхъ.

Мы сидѣли послѣ обѣда въ комнатѣ моихъ сожительницъ, что-то работали, обсуждали, какъ бы отмѣтить праздничный день,—какъ вдругъ на порогѣ показалась растерзанная фигура фрау Пайункъ, съ глазами столь красными и заплаканными, съ видомъ столь зловѣщимъ, что сердце въ груди упало.

Три пары нашихъ глазъ устремились на нее. Боже мой, что еще? Что такое?

— Sie müssen fort! (Вамъ приходится уѣзжать!)—произнесла она съ торжественной скорбью.

— Въ чемъ дѣло? Какъ?!

Выяснилось, что нѣмецкія власти курорта потребовали переселенія всѣхъ иностранцевъ-враговъ въ опредѣленные отели. Нашему району опредѣленъ былъ отель Августа, что на Елизабетштрассе. Срокомъ переселенія назначено было семь часовъ вечера.

Какъ ни неожиданъ былъ для насъ этотъ приказъ, мы все же тотчасъ и успокоились:

— Ну что-жъ, отель, такъ отель. Не на казнъ насъ ведутъ. Авось и тамъ люди.

И мы заботливо принялись укладываться.

Фрау Пайункъ ни на минуту не оставляла насъ своимъ попеченіемъ:

— Вы только не берите съ собой ничего. Берите только необходимое: вы и сами не знаете, что теперь съ вами будетъ. Оставьте у меня все, все будетъ сохранно. Есть у васъ золотыя вещи? Какія-нибудь драгоценности? Кольца?

Магъ.

Какъ не быть! Со мною было все самое для меня драгоценное, потому что завѣтное, съ чѣмъ не расстаюсь никогда: старинный медальонъ съ портретами моихъ умершихъ дѣтей, брошь, — милые подарки всѣхъ самыхъ мнѣ близкихъ, любимыхъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ уже не было на землѣ, кольца—вѣчная память людей и событий—въ старинной табакеркѣ мсей пра-пра-бабушки. Какъ не быть!

— А, у васъ такія вещи! О, не берите ихъ съ собою. Солдаты сорвутъ ихъ съ васъ, какъ только замѣтятъ. Вы не представляете себѣ, что тамъ дѣлается. Они оскорбятъ, избьютъ васъ. И вѣдь васъ будутъ обыскивать.

Нѣтъ, нѣтъ, не берите драгоценныхъ вещей съ собою, оставьте мнѣ, ужъ я найду возможность сохранить ваши вещи. Милые вы мои, бѣдные, дорогие!

И я отдала.

Тщательно все уложила въ коробочку, мысленно простилась со своими вещами на долго, и отдала.

Въ ту минуту, когда я принесла свою коробочку, вся семья, кромѣ отца, была въ сборѣ. Дѣти окружили мать и съ живымъ интересомъ глядѣли на вещи.

Бэби ринулся-было къ нимъ, растопыривъ грязные пальцы, но его безъ церемоніи оттолкнули. Боби мечтательно поглощала коробочку взглядомъ.

Отто, съ наивной жадностью, протянулъ было руку пощупать, но мать строго сверкнула глазами.

Нѣчто властное, жесткое нѣчто метнулось въ этомъ мгновенномъ сверканьѣ. И еще—нѣчто тайное, — тщательно спрятанная, алчная мысль. „Нишкни! Послѣ подѣлимъ!“ Вотъ что сверкнуло на днѣ.

И я видѣла. Но какъ возможно до признанья такое? Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Это лишь показалось. Мать строго осадилась ребенка, и только.

И тутъ же мелькнула мысль: „А что: выдасть ли она мнѣ росписку въ полученіи или нѣтъ? Надо было бы потребовать, въ сущности.“

Да нѣтъ, невозможно: обидѣть эту женщину, которая плачетъ надъ твоимъ же несчастьемъ. Нѣтъ, что за гадость! ни за что не спрошу. Хорошо только было бы, если бы сама она предложила...

Но фрау Пайункъ не предложила.

У сожительницъ моихъ драгоценностей не

оказалось, и поступка моего Марья Николаевна не одобрила:

— Я бы не отдала. Зачѣмъ отдавать? Если силой отнимутъ, что-жъ дѣлать, а такъ... Кто ее знаетъ...

Фрау Пайункъ сдѣлала намъ и иное предложеніе: спросила, много ли у насъ золотыхъ денегъ и тоже посовѣтовала оставить ихъ ей: въ военное время золото собираютъ повсюду и отбираютъ у всѣхъ безъ разбора. На это предложеніе мы, однако-же, не пошли.

— Что вы, помилуйте,—урезонивала Марья Николаевна хозяйку,—вѣдь мы не въ дикой странѣ, мы въ культурной Германіи, подъ покровительствомъ вашего кайзера Вильгельма. Возможно ли бояться такихъ вещей?

Фрау Пайункъ, сжавъ губы, умолкла. А у меня засосало сердце тоской по вещамъ: не видать мнѣ больше завѣтныхъ моихъ украшеній... Капуть, капуть наступилъ и для нихъ.

Посреди неторопливыхъ и сосредоточенныхъ сборовъ застала насъ посѣтительница, одна изъ русскихъ, что жила въ Русской колоніи.

— Ну что: комнату получили?—спросила она.

— Т.-е. какъ комнату? Гдѣ?

— А въ отелѣ? Вѣдь вы же должны переселиться въ „Августу“?

— Ну да, конечно, но разъ этого требуютъ сами, то должна же комната быть. Мы не торопимся.

— Что вы, что вы! Тамъ такая толпа, давка. Говорятъ, комнаты всѣ разобраны. Идите, нанимайте скорѣе. Вѣдь если до семи часовъ вы не водворитесь, васъ будутъ считать за шпионокъ (als Spionin gehalten).

Какъ же такъ! Сами строго приказываютъ переселиться, а комнатъ не хватаетъ? Не можетъ быть! Что-нибудь да не такъ.

Тѣмъ не менѣе мы тотчасъ заторопились.

Большую часть вещей поручили Пайункамъ. Захватили съ собой только крайне нужное.

Пришли.

„Августа“—огромный отель. Все уже кишѣло тамъ по преимуществу русскими. У воротъ и въ сѣняхъ расположился военный отрядъ, и всякій входящій не имѣлъ права выхода безъ позволенія начальника.

Пестрая публика осаждала контору отеля. Больные, старые люди, нарядныя дамы, няньки съ дѣтьми, озабоченные отцы. У всѣхъ недоумѣвающія, тревожныя лица.

Мы съ трудомъ протѣснились въ контору.

Тамъ долговязый, молодой еще человѣкъ, словно сквозь сонъ удовлетворялъ запросамъ „нанимателей“. Онъ показался мнѣ слабоумнымъ. Маленькій смышленный подростокъ во

фракѣ изъ-за спины диктовалъ ему отвѣты въ затруднительныхъ случаяхъ. Все, повидимому, сводилось къ тому, чтобы нащупать и развѣдать средства каждаго и сдать только имущимъ и при томъ подороже.

Передъ нами подошла къ столу старая, очень полная дама. Грудь ея, высоко подтянутая, подымалась и опускалась порывисто. Она стояла въ полу-оборотъ отъ меня. Видна была только часть щеки и большое ухо, съ приподнятой отъ ожиренія мочкой.

Ухо было лилово-багровое, какъ бываютъ листья кленовъ осенью. На щекѣ образовалась рѣзкая, очерченная малиновымъ, блѣдная смертной блѣдностью полоса. Неестественно красныя губы лепетали что-то, тряслись, тряслись и руки, и голова...

Страшно было смотрѣть на нее: вѣдь это-жъ совсѣмъ больной человѣкъ, она можетъ мгновенно скончаться. Что имъ нужно отъ умирающей?

„Als Spionin gehalten“.

Оказалось, что у дамы мало осталось германскихъ денегъ, а по аккредитиву не выдавали.

Комнаты достались намъ послѣднія, наверху, въ мансардномъ этажѣ, подъ самой крышей. Цѣна тѣмъ не менѣе была очень высокая.

Водворившись, мы съ Тиночкой подошли къ открытому окну въ корридорѣ. Изъ окна открывался чудный видъ на городъ и дали.

Жаркое юльское солнце заливало все свѣтомъ. Но даже ближайшія, курчавыя отъ лѣса горы уже подернулись синимъ флеромъ, словно закрылись отъ зноя.

— Какая прелесть!

Душа невольно плѣнялась красотой и уже забывала чужбину...

И вдругъ толстый прохожій толкнулъ локтемъ солдата, стоявшаго на посту у воротъ, и указалъ на насъ пальцемъ.

Солдатъ тотчасъ же вскинулъ ружье и прицѣлился въ насъ. Другой, рядомъ стоявшій солдатикъ отчаянно замахалъ на насъ руками: „Убирайтесь молъ скорѣе,—застрѣлять!“

Мы лишь съ трудомъ сообразили, въ чемъ дѣло, и спрятались.

Прожили мы въ стелѣ три дня.

Никто изъ насъ не зналъ, для чего и на сколько времени насъ заперли.

Три раза въ день насъ кормили въ большой нарядной столовой, или на стеклянной террасѣ въ саду.

При этомъ каждый разъ на обѣденномъ

столикъ находили мы заманчивое „меню“. На немъ значился рядъ изысканныхъ блюдъ, а подавались инья, далеко не столь привлекательныя. Сладкое блюдо систематически отсутствовало.

Сначала это интриговало насъ, какъ загадка: зачѣмъ же даютъ себѣ трудъ писать? сочинять заманчивое меню? Впослѣдствіи мы привыкли къ нѣмецкимъ „vitz“амъ, потому что они повторялись по всякому поводу, всюду.

Въ нижнемъ этажѣ въ общихъ комнатахъ, а въ особенности въ саду, гдѣ мы, впрочемъ, имѣли право гулять не дальше извѣстной дорожки, жизнь кипѣла, какъ въ муравейникѣ. Вѣдь тутъ собраны были люди со всѣхъ концовъ далекой Россіи. Тутъ можно было, не опасаясь, вступать въ разговоръ, обсуждать положеніе свое и событія.

Здѣсь же читались газеты.

Это чтеніе было, правда, музительно, но вѣдь надо же было все-таки знать, что творится.

Творилось, очевидно, нѣчто ужасное: въ Петербургѣ (тогда еще не было новаго имени у нашей столицы) революція въ полномъ разгарѣ. На Кавказѣ рѣзня. Финляндія, Польша, Малороссія отложились, возстали.

Все это было очень невѣроятно, но опроверженій вѣдь не было, откуда знать истинное положеніе дѣлъ? Возможно, что все это правда! А если правда, то вѣдь это же ужасъ!..

Одинъ только фактъ, помню, разъ навсегда лишилъ нѣмецкія сообщенія всякаго кредита въ нашихъ глазахъ: во „Франкфуртской газетѣ“ сообщалось, будто на границѣ казаки по двугривенному продаютъ нѣмцамъ своихъ лошадей, въ виду того, что ихъ нечѣмъ кормить. Далѣе рассказывалось, какъ передовой русскій отрядъ сразу сдался безъ боя: офицеръ выступилъ впередъ съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ и заявилъ, что онъ голоденъ, два дня не ѣлъ, а потому вступать въ бой не можетъ.

„Вотъ каковъ голодъ въ Россіи“—такъ заканчивалась эта замѣтка.

Наивное представленіе о голодѣ въ Россіи, выражавшееся въ томъ, что русскій офицеръ такъ сильно проголодался, сразу ободрило насъ всѣхъ: ни одному слову о Россіи больше въ нѣмецкихъ газетахъ мы не повѣримъ!

Какъ бы то ни было, въ самомъ скопленіи нашемъ въ отелѣ, въ общеніи, въ сознаніи, что если и страдаемъ, то страдаемъ всѣ вмѣстѣ, была большая отрада. И если бы кто незнающій въ первый день заглянулъ къ намъ въ столовую большого, кишашаго народомъ отеля, на террасу или въ садъ, съ заплот-

ненными пестрой публикой бесѣдками, онъ подумалъ бы только, что жизнь бьетъ здѣсь ключомъ, что сезонъ въ разгарѣ, и что отель бойко торгуетъ.

Но на слѣдующее утро все измѣнилось.

Когда мы спустились внизъ въ часъ обѣда и, по обыкновенію, громкимъ голосомъ обратились съ привѣтомъ ко всѣмъ, на насъ отовсюду посыпались предупреждающіе жесты и шиканье:

— Шшш... шшш... Нельзя такъ говорить! Надо вести себя тихо... Бога ради, потише! Что вы! Развѣ такъ можно!.. Шшш...

— Что такое?!

Оказалось, что съ утра приходилъ комендантъ города, Маккъ, и строго-настрого далъ наказъ: вести себя тише воды, ниже травы, говорить лишь умеренно, скромно, къ окнамъ не подходить подъ страхомъ разстрѣла, въ окна отнюдь ничего не кидать,—ни даже бумажки изъ-подъ конфетъ, ни окурка, ни обгорѣлой спички. Ни-ни!

Онъ кричалъ, топалъ ногами, грозилъ, а когда адвокатъ К., свѣтило русской адвокатуры, выступилъ впередъ съ какимъ-то вопросомъ, онъ пришелъ въ ярость:

— Вы не смѣете задавать мнѣ вопросовъ! Вы обязаны только отвѣчать на мои! Russische Schweine (русскія свиньи)!..

Въ этотъ день намъ съ Тиночкой необходимо было побывать на старомъ своемъ пепелищѣ. Это оказалось возможнымъ, но только съ разрѣшенія начальства, начальства же не находилось: администрація отеля ни во что не входила, а военнаго не оказалось.

Рѣшили дѣло солдаты.

Мы заглянули въ такъ называемую „главную контору“. Тамъ, на рѣзномъ письменномъ столѣ, на чугунномъ листѣ, стояла огромная посудина съ пшенной кашей. Вокругъ, на бархатныхъ диванахъ и креслахъ, сидѣли и полулежали съ ногами солдаты. Двое-трое еще доѣдали кашу, остальные, очевидно, насытились и курили сигары.

Они выслушали насъ, подумали, и одинъ изъ нихъ согласился проводить насъ, въ этомъ и заключалось позволеніе выйти.

И вотъ мы съ Тиночкой, на глазахъ всего курорта, пропутешествовали по городу подъ конвоемъ солдата съ ружьемъ.

Надо отдать ему справедливость,—солдатикъ велъ себя не только вѣжливо, но по своему деликатно. Его рыхловатое добродушіе напоминало даже органическую доброту нашего русскаго солдата.

На слѣдующее утро опять было новое: раннимъ утромъ, часовъ около шести, по корридо-ру

нашему кто-то пронесся, стуча въ каждую дверь и выкрикивая:

— Дамы могутъ не приходить, господа мужчины должны сойти внизъ немедленно.

Хотя мужчинъ у насъ не было, но мы, заинтересованныя, заснуть уже не могли и поторопились спуститься.

Отель представлялъ необычное зрѣлище: полковникъ Маккъ, посреди сада, отбиралъ мужчинъ, годнаго для военной службы возраста, въ большую стеклянную бесѣдку въ такъ называемомъ „китайскомъ стилѣ“.

Отцы, матери, жены, невѣсты и сестры толпились вокругъ, волновались и плакали. Съ нѣкоторыми дѣлалась истерика, иныя падали въ обморокъ.

Къ обѣду отобранныхъ увели, и въ отелѣ водворились печаль и уныніе.

Но новости слѣдовали одна за другой и не давали ни на чемъ остановиться.

Сначала въ подворотнѣ отеля появился плакатъ, оповѣщавшій о томъ, что всѣ мы обя-

заны немедленно выѣхать куда-нибудь изъ курорта съ предназначенными для этого тремя поѣздами: сегодня вечеромъ, завтра утромъ и днемъ. Частнымъ образомъ прошелъ слухъ, что причина такого распоряженія кроется въ переѣздѣ въ курортъ самой императрицы на все время войны. Всѣ не выѣхавшіе опять таки будутъ „als Spionen gehalten“—снова злополучное это шпіонство!

Вся „Августа“ пришла въ движеніе. Забѣгали, засуетились, забыли даже должное смиреніе въ рѣчи и голосѣ.

Многіе радовались: вѣдь выѣхать можно куда-нибудь, значить, куда угодно!

Какая-то космополитическаго типа курортная дама, изъ тѣхъ молодящихся бывшихъ

Еврей.

красавиць, безъ которыхъ не обходится ни одинъ сезонъ за границей, даже громко вскрикнула съ живымъ, радостнымъ жестомъ:

— Ура, ѣдемъ въ Висбаденъ!

И многіе въ тотъ же день выѣхали.

Мы предпочли подождать съ отъѣздомъ: посмотримъ сначала, какъ поѣдутъ другіе. Чего торопиться? Вѣдь ужъ разъ требуютъ выѣзда, то и устроятъ его. Пусть суетятся другіе...

И что-же,—на другой день насъ, оказалось, дѣйствительно „сами повезли“.

Всѣхъ насъ, всю ватагу изъ отеля „Августа“, подъ конвоемъ отправили на вокзалъ. Покупать билеты надо было на свой коштъ и по собственному выбору. Брали на Швейцарію, Швецію, Голландію.

Мы благоразумно рѣшили взять лишь до Франкфурта, да и то въ третьемъ классѣ.

— Тамъ видно будетъ...

На дебаркадерѣ безсчетная толпа заполняла платформу. Воздухъ словно самъ стоналъ голосами людей. Истомленные неопредѣленнымъ ожиданіемъ лица сновали, сталкивались, оглядывались, вопрошали.

Поѣзда пронеслись, выбрасывали пассажировъ, захватывали новыхъ (только не насъ!) и уносились дальше. Для насъ же поѣзда не было, и никто ничего не зналъ о немъ.

Но вотъ появился полковникъ Маккъ, и тотчасъ же почувствовалось, что теперь во всемъ будетъ порядокъ.

Этотъ человекъ, сухой, рябой, въ желтыхъ крагахъ, съ полнымъ ртомъ золотыхъ пломбъ, похожій на американца и щеголяющій этимъ, выступилъ на середину платформы, поднявъ указательный палецъ кверху и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Олдъ Инглэндъ!

Тотчасъ среди замолкшей толпы засуетилась часть ея—англичане. Старушки англичанки, какъ видно, лѣчившія свои ревматизмы, закивали другъ другу, заморгали, замахали перчатками, стали стекаться подъ крылышко Макка.

Отобравъ и сдвинувъ ихъ въ кучу, онъ сталъ такимъ же способомъ скликать французовъ, бельгийцевъ и, наконецъ, обратился къ намъ, русскимъ:

— Отель Аугуста!—прогремѣлъ его строгій голосъ.

Сгрудилась наша братія.

Безукоризненный порядокъ водворился повсюду. Невольно въ глубинѣ души думалось: „А вѣдь молодцы все-таки нѣмцы: какъ умѣютъ организовать все и уладить! Съ такими распорядительными людьми не страшно за будущее,—все будетъ исправно“.

Вотъ и поѣздъ нашъ подается. Странно: въ поѣздѣ всего пять-шесть вагоновъ. Насъ же такъ много...

Ну, ничего: это вѣрно только для англичанъ, или для французовъ. Вообще для людей по какому-нибудь одному направленію.

Но нѣтъ, это что-то не такъ: мгновенно, безъ всякаго, повидимому, выбора, повалили пассажиры къ вагонамъ, наполнили ихъ и покатали куда-то...

— Счастливые, ахъ счастливые!..

Платформа осталась все такъ же полна, убьили вовсе не было замѣтно.

Ну, и то хорошо: не одни мы остались. Что-нибудь и для насъ тоже сдѣлають.

Стали ждать.

Полковникъ Маккъ пронесся съ одной сто-

роны платформы на другую. Видъ у него былъ суровый, озабоченный какъ-бы до злобы. Какой-то другой нѣмецъ, пониже, сопровождалъ его и что-то нашептывалъ.

Наконецъ, рѣшеніе задачи было видимо найдено: полковникъ опять становится въ позу, поднимаетъ указательный палецъ кверху, откуда-то берется солдатъ. Полковникъ устанавливаетъ его на первой ступени лѣстницы, ведущей внизъ, къ выходу на улицу, и опять кричить:

— Отель Аугуста!

Мы собираемся за солдатомъ. Раздается команда:

— Идите всѣ за солдатомъ!

Идемъ.

Выходимъ на площадь противъ вокзала. Солдатъ останавливается. Останавливаемся и мы.

Стоимъ. Недоумѣваемъ. Впереди дребезжитъ, откуда-то трамвай.

Кто-то осмѣливается спросить у солдата:

— Куда же насъ дѣнуть?

— Поведутъ обратно въ стель, откуда пришли.

— Такъ, можетъ быть, можно доѣхать въ трамваѣ?

— Нѣтъ, ждите.

Ждемъ.

Проходитъ минутъ десять, двадцать. Солдатъ скучаетъ. Тоскуемъ и мы.

— Можетъ быть, теперь можно... въ трамваѣ?..

Солдатъ, насупившись, соглашается.

И вотъ мы снова въ отель „Августа“. Опять ужинъ съ замысловатымъ меню, которое не выполняется, опять тѣ же, послѣднія, комнаты. То же уныніе...

А на другой день уѣхавшіе вернулись обратно—блѣдные, больные, изнуренные необъяснимыми мытарствами по нѣмецкой командѣ.

Въ тотъ же день появился уже новый плакатъ въ подворотнѣ: никто не смѣетъ двинуться съ мѣста безъ спроса. И никто не зналъ, что будетъ дальше.

Было же вотъ что: къ вечеру солдаты ушли, и насъ выпустили на свободу.

Никто, разумѣется, не сказалъ намъ, что мы свободны. Стоитъ ли оповѣщать насъ о чемъ-нибудь, непосредственно насъ касающемся? Къ чему? Вѣдь мы—плѣнные, презрѣнные люди, неосторожные и застрявшіе на чужбинѣ,—враги!

Просто—удалили солдатъ, значитъ, на улицу, кажется, выйти можно. Если же можно на улицу, то, можетъ быть, и еще куда-нибудь можно?..

Стали спрашивать,—отвѣчаютъ небрежно,

сбивчиво. Въ конторѣ не найти никого. Военныхъ больше не видно.

Наконецъ, все же добились: мы дѣйствительно свободны въ предѣлахъ курорта и можемъ переселиться куда хотимъ.

Конечно, мы три рѣшили вернуться къ Пайункамъ.

Вооружившись негрузнымъ своимъ багажомъ, шли мы къ нимъ робко, не сознавая въ этомъ другъ другу. Что-то словно переломилось за эти три дня пребыванія въ отелѣ, такъ очевидно выступило сознание, что мы здѣсь элементъ не только лишній, но прямо подозрительный и враждебный. Еще захотятъ ли Пайунки снова принять насъ?

Первый встрѣтилъ насъ въ домѣ самъ Херъ Пайункъ.

На неувѣренный вопросъ нашъ онъ отвѣчалъ, однако, восклицаніемъ, которое тѣмъ болѣе тронуло насъ и вызвало глубокую благодарность:

— Aber, Kinder, gern! (Охотно, охотно, дѣтки!)— сказала онъ, протягивая намъ свои табачныя руки.

Съ души словно камень свалился. Мы расположились попрежнему и снова отдали себя въ распоряженіе судьбы.

Будь что будетъ!

Опять наступаетъ какъ-бы мирное „житіе“.

Выходить за предѣлы своего маленькаго мірка страшно. Даже воды изъ источника утромъ приносятъ намъ Боби. Мы съ Марьей Николаевной топчемся въ маленькомъ садикѣ, пока пьемъ ихъ.

Днемъ иногда рискуемъ выйти въ паркъ и робко оглядываемся.

Пусто въ паркѣ. Изрѣдка пробредетъ какая-нибудь торговка съ корзиной, важно прошествуетъ толстая нѣмка, одна или съ мужемъ. „Kurgäste“ исчезли. Ванны закрыты. Русскіе почти не показываются. Если увидишь русскихъ, узнаешь издали—по походкѣ, по платью, по знакомому облику. Идутъ, опустивъ голову, тихо-тихо переговариваясь, незамѣтно озираясь.

„Тараканчики“, такъ прозвали мы ихъ. Вылѣзли изъ щелокъ, на яркомъ свѣтѣ имъ страшно—и поводятъ усами.

Разъ мы подошли въ пустынный полуденный часъ къ одному изъ источниковъ.

Элегантная „Mädchen“, въ черномъ платьѣ и бѣлой наколкѣ, чистила мѣдную обдѣлку. Источникъ былъ въ широкой стеклянной трубѣ, ничѣмъ не прикрытой.

Марья Николаевна разсѣянно спросила ее:

— Этотъ источникъ и на ночь остается ничѣмъ не прикрытый?

Дѣвушка метнула на нее гнѣвный взглядъ:

— О, нѣтъ, онъ будетъ теперь закрываться.

Мы отошли, въ смущеніи; обѣ вспомнили одновременно о томъ, что ходили такіе слухи: русскіе отравляютъ воду въ источникахъ.

Дома у насъ все какъ бы попрежнему: всѣ любезны, участливы. Херъ Пайункъ пріятливъ и ласковъ.

По вечерамъ онъ приходитъ съ газетой въ рукахъ подѣлиться новостями. Онъ съ торжествомъ оповѣщаетъ насъ о поразительныхъ успѣхахъ германскаго оружія, сообщаетъ о многочисленныхъ „зигахъ“, и все это въ такомъ откровенно-радостномъ тонѣ, что ясно, по его мнѣнію и намъ такія извѣстія должны доставлять одну только радость. Намъ приходится слушать, отвѣчать неопредѣленными общими словами и ждать, когда онъ уйдетъ, наконецъ.

Отто на посылкахъ. Боби съ трудомъ урываетъ время отъ непосильныхъ трудовъ, чтобы услуживать намъ. Бэби носится цѣлый день по улицѣ и угрожаетъ имуществу, когда дома.

Только фрау Пайункъ уже не та. Это мы опредѣленно замѣтили. Она ужъ не плачетъ, нервна, одѣвается аккуратно. Когда ѣдетъ въ Франкфуртъ, ее узнать нельзя; это другая женщина. Стройная, элегантная, съ польскимъ оттѣнкомъ изящества, съ холоднымъ и задорнымъ огонькомъ въ свѣтлыхъ глазахъ.

Изрѣдка въ домѣ появляется молодой бѣлокурый нѣмецъ изъ Франкфурта, пьетъ пиво и ведетъ политическія бесѣды съ хозяиномъ, а потомъ отправляется на прогулку съ хозяйкой.

Мало по малу намъ выясняется истинная подоплека событій. Бѣлокурый нѣмецъ, какой-то дальній родственникъ; онъ долженъ былъ итти на войну, фрау Пайункъ энергичными хлопотами удалось освободить его. „Родственникъ“ этотъ жилъ во Франкфуртѣ, и къ нему-то и ѣздила фрау Пайункъ такъ часто, и у него-то и оставалась такъ долго.

Итакъ, слезы были, увы, не о насъ. А онѣ то и были причиной такого полного довѣрія съ моей стороны. Все меньше и меньше оставалось надежды получить мои вещи.

Тотчасъ же по возвращеніи изъ отеля, я сдѣлала-было попытку: объявила фрау Пайункъ, что все обращеніе съ нами въ отелѣ не внушало никакихъ опасеній за будущее, и что я хочу рискнуть взять вещи съ собой, куда бы ни пришлось намъ уѣхать, а потому прошу теперь же вернуть ихъ.

— Развѣ я могла оставить ихъ у себя? Что вы! Онѣ въ банкѣ, конечно.

— Въ такомъ случаѣ, получите ихъ, пожалуйста, обратно, когда поѣдете во Франкфуртъ.

— О да, хорошо.

Но прошло два, три дня. Поѣздки во Франк-

фуртъ были ежедневныя, а о вещахъ моихъ не было и помина. Опять пришлось мнѣ самой выступать.

Быстро и сбивчиво фрау Пайункъ объяснила мнѣ, что въ банкѣ выдать мои вещи ей отказали: молодые приказчики взяты почти всѣ на войну, вещи только что получены на хранение, администрація банка отказывается чуть не ежедневно брать и выдавать вещи по капризу владчика. Надо переждать хоть недѣлю.

Недѣля прошла.

За эту недѣлю отношенія неуловимо измѣнились. Все подбористѣе и острѣе становилось поведеніе фрау Пайункъ. Все больше она нервничала и отчуждалась. Не было и тѣни прежняго горестнаго соболѣзнованія въ отношеніи къ намъ. Вообще предположеніе о „добромъ сердцѣ“ въ одинъ прекрасный день пришлось окончательно отбросить: въ саду, куда выходили наши окна, произошла между фрау Пайункъ и Отто сцена, какой не случалось намъ наблюдать въ Россіи.

Неизвѣстно по какому поводу, мать раздра-

жилась на мальчика. Мы застали уже моментъ, когда она, съ толстой палкой въ рукахъ, выбѣжала за нимъ, преслѣдуя.

Онъ спасался отъ нея, какъ звѣрь отъ охотника, изрѣдка оборачивая назадъ искаженное страхомъ, мрачное, блѣдное лицо свое. Она была еще блѣднѣе. Глаза ея сверкали, какъ у рыси, догоняющей зайца. Лицо сведено было судорогой злобы.

И вотъ настигла. Она колотила Отто толстой палкой по его худымъ плечамъ, по торчащимъ лопаткамъ, даже по впалой груди. И эта расправа возобновлялась нѣсколько разъ.

А онъ кричалъ неистово. Онъ хрипло кричалъ и рыдалъ почти весь этотъ день. Его плачь приводилъ насъ въ отчаяніе, Некуда было спастись отъ него.

Марья Николаевна неудержимо стремилась предпринять что-нибудь.

— Нѣтъ, я не могу этого слышать!—повторяла она.—Нѣтъ, надо же что-нибудь сдѣлать! Надо сказать ей...

— Что-же сказать, Марья Николаевна?...

Вспоминается мнѣ по этому поводу и еще одна сцена:

Въ самой парадной аллеѣ парка, у источника, благообразный продавецъ книгъ, въ изящной сѣрой парѣ и цвѣтномъ галстучкѣ, билъ, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ публики (это былъ какъ разъ часъ всеобщаго сбора), кулаками свою жену по шеѣ и по рукамъ, когда она вытягивала руки для защиты. А она отчаянно кричала.

Такой сцены, при такой обстановкѣ, не увидишь въ „некультурной“ Россіи.

Да, что то измѣнилось въ семьѣ Пайункъ. Что-то переваривали между собою супруги. За стѣною слышались „объясненія“. Обрывки загадочныхъ фразъ. Эти фразы могли быть отнесены къ ихъ домашнимъ неурядицамъ, но могли относиться и къ намъ.

Смутно чувствовалась, тягота.

Херъ Пайункъ, человекъ безъ опредѣленныхъ занятій, почтовый чиновникъ въ отставкѣ, прежде никогда не покидавшій дома и вязаной куртки, теперь ходилъ куда-то, какъ видно, по дѣлу.

Онъ преобразался при этомъ: чистый костюмъ, коричневая шляпа съ проломомъ, крахмаль, галстухъ, трость.

Возвращался онъ съ нахмуреннымъ видомъ, не смотрѣлъ въ наши окна, не кивалъ, какъ бывало, раньше, а спѣшилъ къ супругѣ, и снова слышались переговоры за стѣнкой.

Наше пребываніе становилось все болѣе и болѣе на какую-то фальшивую почву. Что-то

передавалось сквозь стѣнку изъ тѣсно набитой спальни хозяевъ.

Жить становилось все тяжелѣе.

Мы даже пытались выйти на объясненіе. Но это не повело ни къ чему: хозяйка разсыпалась въ увѣреніяхъ своей преданности, говорили въ два голоса, успокаивали.

А довѣрія не было. На душѣ было тревожно. Хотѣлось хоть что-нибудь предпринять.

Изъ этого тупика вывела насъ изобрѣтательная дама — сама фрау Пайункъ.

Въ одинъ памятный вечеръ она съ торжествомъ сообщила намъ, что у нея, совершенно случайно, оказалась сильная протекція въ городской комендатурѣ, и что, если только мы этого пожелаемъ, она можетъ достать намъ пропускъ ни болѣе ни менѣе, какъ до самой Россіи.

„Если мы пожелаемъ!“

И вотъ на слѣдующее утро, нарядившись въ самую щегольскую свою кофточку и изящно утвердивъ на головѣ маленькую шляпу съ приподнятымъ бокомъ, фрау Пайункъ отправилась въ комендатуру, сопровождаемая благими нашими пожеланіями.

Часа черезъ полтора она вернулась, послала къ нашимъ окнамъ многозначительный жестъ и, поднявшись къ намъ, передала намъ три самыхъ настоящихъ документа съ печатами и за подписью самого полковника Макка.

Въ документахъ, чернымъ по бѣлому, сказано было, что мы, такіа-то, свободно и вольно, съ разрѣшенія германской военной власти, можемъ выѣхать изъ Германіи въ нашъ Waterland Russland (на нашу родину Россію).

Могли ли мы ждать подобнаго счастья?

Вся неприязнь къ фрау Пайункъ исчезла въ эту минуту. Какова бы она ни была, она оказывала намъ такую услугу, передъ которой блѣднѣло все отрицательное.

Мы благодарили, радовались и... боялись.

Да, намъ было непостижимо страшно чего-то; очень ужъ странно было такое исключительное наше освобожденіе. Вѣдь всѣ остальные русскіе остаются. И почему именно намъ?...

Но разсуждать не приходилось: надо было скорѣе укладываться (фрау Пайункъ по какому-то соображенію торопила), расплатиться за все, со всѣми проститься, все уладить и ѣхать!

Ѣхать надо было намъ на Берлинъ: фрау Пайункъ предупреждала насъ частнымъ образомъ, что тамъ намъ слѣдуетъ обратиться за содѣйствіемъ къ испанскому посланнику, который несомнѣнно и поможетъ намъ выбраться окончательно черезъ границу, какая окажется намъ удобнѣе.

И вотъ въ „полномъ испытаніи“ нашемъ совершается переломъ: укладываемся, отбираемъ вещи, какія можно унести самимъ на рукахъ, прочія оставляемъ Пайункамъ на „храненіе“. Вѣры въ сохранность ихъ при этомъ давно ужъ нѣтъ, но дѣлать намъ больше нечего. Стараемся только захватить побольше.

О золотыхъ вещахъ моихъ снова я объясняюсь. Но на этотъ разъ изобрѣтательная дама выхватываетъ послѣднюю почву у меня изъ-подъ ногъ: банки во все время войны не будутъ выдавать положенныхъ на храненіе или заложенныхъ драгоценностей, — этого требуютъ соображенія и интересы государственные.

Въ ясный и жаркій августовскій вечеръ выѣжаемъ мы съ фурманомъ прямо на Франкфуртъ.

Херъ Пайункъ сердечно жметъ наши руки, принимаетъ наши послѣднія порученія и выраженія благодарности нашей. Боби, обливаясь слезами, суетъ намъ въ руки букетики полевыхъ цвѣтовъ — знаки ея вниманія. Отто таскаетъ вещи въ коляску. Баби безъ смысла хохочетъ и произвольно высовываетъ языкъ, проскальзывающій въ отверстіе между зубами.

Фрау Пайункъ уже съ утра, конечно, во Франкфуртъ. Она встрѣтитъ насъ на вокзалѣ.

Предстоитъ новый этапъ.

Сердце бьется смутнымъ предчувствіемъ новаго испытанія.

А. Исакова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Непризнанный гений.

Анатоль Франса.

Гений всегда долженъ терпѣть несправедливое и пренебрежительное къ себѣ отношеніе. Этотъ опытъ я приобрѣлъ въ ранней юности. Когда мнѣ было четыре года, я съ большимъ усердіемъ занимался рисованіемъ. Но я не копировалъ окружающихъ меня предметовъ, а ограничивался почти исключительно изображеніемъ солдатъ. Собственно говоря, я рисовалъ ихъ не съ натуры—натура слишкомъ сложна и нелегко изобразить ее. Рисовалъ я ихъ и не по картинкамъ, которыя покупалъ по одному су за листъ: на нихъ было слишкомъ много линій, съ которыми мнѣ было не справиться. Образцами мнѣ служили запечатлѣвшіяся въ моей памяти упрощенныя изображенія. Мои солдаты состояли изъ круга, вмѣсто головы, вертикальной линіи—для туловища и изъ четырехъ черточекъ для каждой руки и ноги. Изогнутая зигзагообразно линія должна была изображать шпагу. Эффектъ получался поразительный. Каску я надѣвалъ не на лобъ, а надъ нимъ, для того, чтобы показать все мое искусство и въ полной мѣрѣ изобразить форму головы и головного покроя. Такимъ способомъ, свойственнымъ всѣмъ дѣтямъ, изготовлялъ я цѣлую массу фигуръ. Это все были, такъ сказать, скелеты, остовы, изготовленные сокращеннымъ способомъ. Но, вполне понятно, мои солдаты казались мнѣ очень удачными. Я рисовалъ ихъ карандашомъ, который усердно муслялъ, чтобы получить болѣе отчетливые штрихи. Я охотно рисовалъ бы чернилами, но употребленіе ихъ было строго запрещено мнѣ, изъ опасенія, что я на-

дѣлаю пятенъ. Я былъ удовлетворенъ своимъ творчествомъ: я находилъ себя талантливымъ. Я даже удивлялся себѣ.

Въ одинъ прекрасный знаменательный вечеръ я рисовалъ въ столовой, въ то время, какъ Юстина убирала со стола. Это было зимою. Лампа съ зеленымъ китайскимъ абажуромъ бросала мягкую блѣдную тѣнь на бумагу. Я нарисовалъ уже штукъ пять-шесть солдатиковъ обычнымъ своимъ способомъ, въ которомъ очень наловчился. И вдругъ въ головѣ моей, точно молнія, блеснула гениальная мысль, сдѣлать руки и ноги не изъ одной линіи, а изъ двухъ, расположенныхъ рядомъ. Такимъ образомъ я получилъ форму, вызывавшую впечатлѣніе дѣйствительности. Эта была сама жизнь. Я былъ въ восторгѣ... Когда Дедалъ создалъ фигуры, которыя двигались, онъ едва ли былъ въ большемъ восторгѣ. Я могъ бы задать себѣ вопросъ, первый ли я пришелъ къ этой гениальной мысли или уже видѣлъ подобные образцы? Но я не задавалъ себѣ никакихъ вопросовъ. Я только смотрѣлъ съ широко раскрытыми глазами, съ вынутымъ языкомъ, смотрѣлъ, онѣмѣвъ отъ изумленія, на свою работу. Но такъ какъ въ натурѣ художника заложено стремленіе представлять свою работу на восхищеніе ближнихъ, то я и подошелъ къ мамѣ, которая была углублена въ чтеніе книги, подsunулъ ей мой листокъ и воскликнулъ.

— Посмотри-ка!

Я сразу замѣтилъ, что она не обращаетъ

вниманія на то, что я показывалъ ей, поэтому я положилъ своихъ солдатиковъ на книгу, которую она читала.

Мама была само терпѣніе.

— Это ты хорошо нарисовалъ, — съ безконечной добротой замѣтила она, но по ея тону я понималъ, что она не постигаетъ во всемъ его объемѣ достигнутаго мною совершенства.

И поэтому я нѣсколько разъ повторилъ:

— Мама, посмотри!

— Это очень хорошо, я вижу. Оставь меня въ покоѣ.

— Да нѣтъ, ты не видишь, мама!

И я хотѣлъ вырвать изъ рукъ книгу, отвлекавшую ея вниманіе отъ моего гениальнаго произведенія.

Она запретила прикасаться къ книгѣ грязными пальцами.

Тутъ я въ полномъ отчаяніи воскликнулъ:

— Да вѣдь ты не видишь!

Мама сказала, что я невыносимъ. Въ высшей степени раздраженный такой несправедливостью и слѣпотой, я затопалъ ногами, расплакался и разорвалъ свое чудное произведеніе.

— Что за нервный ребенокъ! — вздохнула мама и уложила меня въ постель.

Я былъ въ полномъ отчаяніи. Подумайте только! Сдѣлать открытіе въ искусствѣ, достигнуть такого важнаго шага впередъ, открыть поразительный способъ изображенія жизни, и, вмѣсто награды, вмѣсто славы, быть уложеннымъ въ постель!

Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришлось пережить еще одну неудачу, не меньше огорчившую меня. Дѣло было вотъ въ чемъ: мама очень рано научила меня рисовать буквы. Когда я научился

сносно писать, я рѣшилъ, что могу смѣло приняться за сочиненіе книги. Я рѣшилъ написать подъ руководствомъ милой мамочки небольшой теологической и моральной трактатъ, начавъ его словами: „Что такое Богъ“... и понесъ показать мамѣ, хорошо ли это. Мама отвѣтила, что это очень хорошо, но что на концѣ надо поставить вопросительный знакъ.

Я спросилъ, что это такое вопросительный знакъ.

— Это, — отвѣтила мама, — знакъ, который показываетъ, что чего либо не знаютъ, — что спрашиваютъ. Послѣ всякаго вопроса ставятъ этотъ знакъ. Ты долженъ поставить вопросительный знакъ, потому что ты спрашиваешь: Что такое Богъ?

— Я не спрашиваю, я это знаю, — съ гордостью отвѣтилъ я.

— Но вѣдь ты спрашиваешь, дитя мое!

Я двадцать разъ повторялъ, что я не спрашиваю, потому что самъ знаю, и рѣшительно отказывался ставить вопросительный знакъ, служащій доказательствомъ моего невѣдѣнія.

Мама рѣзко упрекнула меня въ упрямствѣ и назвала глупымъ мальчикомъ. Отъ этого сильно страдало мое авторское самолюбіе, и я отвѣтилъ ей рѣзкостью, за что былъ наказанъ.

Съ тѣхъ поръ я сильно измѣнился: я больше не отказываюсь ставить вопросительные знаки, гдѣ ихъ слѣдуетъ ставить. Я склоненъ даже ставить большой вопросительный знакъ въ концѣ всего, что пишу, всего, о чемъ я говорю, что думаю...

Если бы жила еще моя милая, бѣдная мама, она сказала бы, быть можетъ, что теперь я ими уже злоупотребляю...

Пер. М. Ванъ.

Портретъ А. А. Ахматовой.

МИЛОМУ.

Голубя ко мнѣ не присылай,
Писемъ безпокойныхъ не пиши,
Вѣтромъ мартовскимъ въ лицо не вѣй.
Я вошла вчера въ зеленый рай,
Гдѣ покой для тѣла и души
Подъ шатромъ высокихъ тополей.

И отсюда вижу городокъ,
Будки и казармы у дворца,
Надо льдомъ китайскій желтый мостъ...
Третій часъ меня ты ждешь, продрогъ,
А уйти не можешь отъ крыльца
И дивишься, сколько новыхъ звѣздъ.

Сърой бѣлкой прыгну по соснѣ,
Ласочкой пугливой пробѣгу,
Лебядью тебя я стану звать,
Чтобъ не страшно было по веснѣ
Въ голубомъ кружащемся снѣгу
Мертвую невѣсту поджидать.

Анна Ахматова.

О, это Имя нѣжное, какъ тайна
Синѣющихъ небесъ.
О, какъ прекрасны, какъ необычайны
Слова:—Христось Воскресъ!—

Сердца не могутъ трепетно не биться.
Прощеніемъ полны.
Аримавейскою Его гробницей
Грѣхи искуплены.

Услышу ли чудесный гласъ полночный
И скрежетъ плитъ?
Воскреснешь ли въ душѣ моей порочной
Ты, знавшій боль обидъ?

Рюрикъ Иваневъ.

СМЕРТЬ СЕСТРЫ.

Посвящается Артуру Лурье.

Скончалась утромъ... Рыцари кругомъ
Навѣрно медленно склонили шпаги...
Тогда я былъ веселымъ королемъ
И вырѣзалъ короны изъ бумаги.

А въ дѣтской по обоямъ голубымъ
Скакали клоуны на свиньяхъ и верблюды...
Но домъ затихъ молчаніемъ глухимъ
И только изрѣдка я слышалъ стукъ посуды...

„Ее на Пасхѣ будутъ хоронить“,
Мнѣ няня, какъ волшебница, сказала,
Но больше не хотѣла говорить,
Сняла съ пустой кровати одѣяло.

Пускай заложать „Зорьку“ и „Орла“,
И колокольчикъ на дугѣ привѣсятъ звонкій!..
Ахъ, если-бъ въ Петербургѣ умерла
Тогда-бъ навѣрно повезли ее на конкѣ!

Но няня вдругъ заплакала навзрыдъ,
Объ ручку кресла билась головою,
И я услышалъ—смерть на насъ бѣжить
Съ огромной настоящей косою!

И въ складкахъ юбки я лицо зарылъ,
— Да замолчи же! Смерть бѣжить!—кричалъ
я нянѣ,

Но полъ куда то медленно поплылъ
И утонуло все въ разсѣянномъ туманѣ.

Николай Бруни.

1912 г.

У ВАГОНА.

„Убьютъ, убьютъ“—рыдала сестра,
И казалось, вотъ закричу я самъ;
Чужой толпы любопытство и страхъ
Прилипали къ моимъ усталымъ глазамъ.

Почему, я не знаю, бываетъ такъ,
Что захочется ужась бездны смѣрить;
У меня душа давно пуста,
И я вижу тебя, моя близкая смерть.

Отчего же не страшно мнѣ умереть?..
Или жду я, что мальчикъ проснется во мнѣ,
Чтобъ гордиться револьверомъ въ кобурѣ,
И тяжелою шашкой на желтомъ ремнѣ.

Безтревожными стали бы мысли мои,
И спокойно бы сердце ждало, пока,
Какъ въ красивыхъ стихахъ, самъ святой Михаилъ
Не зачислитъ въ ряды своего полка.

А. Добровольскій.

* * *

Какъ у звѣря загнанный взглядъ,
Какъ отъ боли сжатые губы,—
Люди видѣть въ этомъ хотятъ
Жесткій знакъ надменности грубой.

Одинокій всегда суровъ.
Счастье часто судьбы подачка,
Но не всякій къ судьбѣ готовъ
Льнуть, какъ ласковая собачка.

Все познать—не взять ничего,—
Нѣтъ инымъ иного удѣла.
Я любила душу его,
Но согрѣть ее не умѣла.

А. Боане.

* * *

Въ вагонѣ, на узкомъ оконцѣ
Узоры послѣдней стужи,
А между рельсами лужи,
И въ нихъ отражается солнце.

Пространства снѣжныя, бѣлыя,
Веселый, задорный вѣтеръ.
Ну что, ну что я подѣлаю,
Если весело все на свѣтѣ?

И яркія тѣни по склонамъ,
И заросли вербъ надъ оврагомъ,
И старый сторожъ съ зеленымъ
На палку накрученнымъ флагомъ.

Т. Кладо.

ТУМАНЪ.

Сегодня такъ морочны дали.
Съ зари, не разсѣявшей тьму,
Туманы къ землѣ припадали,
И Лена курилась въ дыму.

А лѣсъ мой такъ чутко спокоенъ.
Навстрѣчу туманной стѣнѣ
Тропой пересохшихъ промоинъ
Ступаю въ глухой тишинѣ.

Плыветъ, наплываетъ сквозь ели,
Зыбится, клубитъ морока,
И чешетъ густыя кудели
Ему лѣсовая рука.

Все никнетъ, какъ въ снѣжномъ забоѣ,
Все прячетъ дрожащій заплотъ:
Сейчасъ налетитъ голубое,
Сейчасъ на меня наплыветъ.

Завѣюсь, заморочусь, сгину
И вдругъ черезъ морось и мзгу
Знакомой тропой на вершину
На чанку, на солнце взбѣгу!..

Д. Глушковъ.

КРУЧИНА

Сергѣю Городецкому.

Зашумѣли надъ затономъ тростники.
Плачетъ дѣвушка царевна у рѣки.

Погодала красна-дѣвица въ семикъ,
Расплела волна вѣнокъ изъ повиликъ.

Ахъ, не выйти въ жены дѣвушкѣ весной,
Запугалъ ее примѣтами лѣсной.

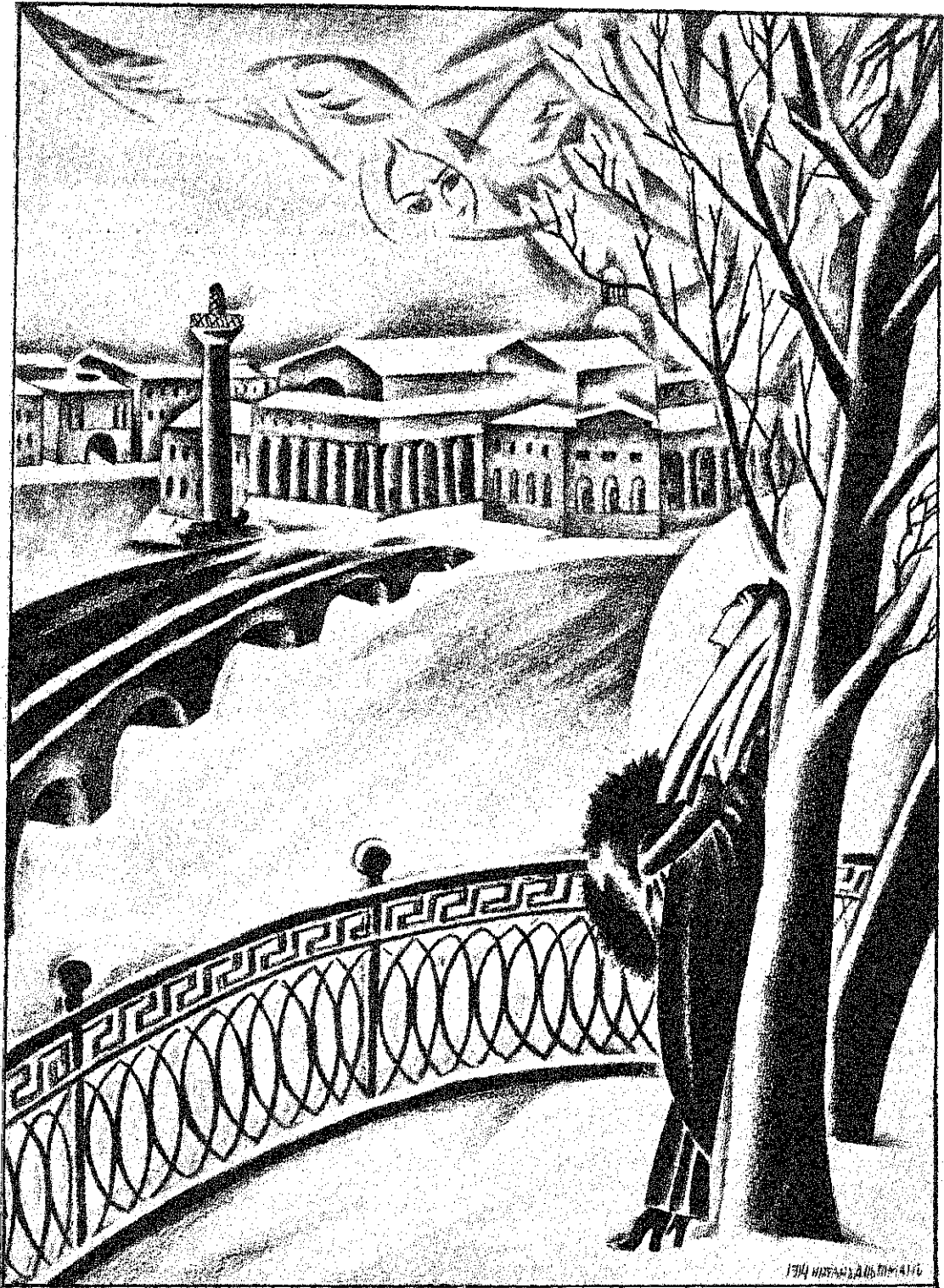
На березкѣ пообѣдена кора.
Выживаютъ мыши дѣвку со двора.

Бьются кони, грозно машутъ головой,
Ой не любить черны косы домовой.

Запахъ ладона отъ рощи ели льютъ.
Звонки-вѣтры панихидную поютъ.

Ходитъ дѣвушка по бережку грустна.
Ткетъ ей саванъ нѣжнопѣнная волна.

Сергій Есенинъ.

Художникъ о художникѣ.

„Идеи витаютъ въ воздухѣ“. Никто не можетъ предугадать, гдѣ ранѣе найдутъ себѣ благопріятную почву для развитія тѣ здоровыя сѣмена творческихъ исканій, что принесли съ собою „новаторы“. Въ столицѣ ли или въ одномъ изъ уголковъ необъятной русской провинціи?

Гдѣ чутче и гдѣ отзывчивѣе люди?

Долгъ журнала ознакомить читателей съ той работой, что вершится въ художествѣ нашихъ дней. Пусть неприемлемой, страшной и дикой покажется она на первый взглядъ. Это не существенно. Важно то, что знакомство съ нею заставитъ лишній разъ призадуматься, переоценить старыя цѣнности, многія изъ нихъ предать погашенію.

Дабы ввести читателя въ строй идей самыхъ молодыхъ авторовъ, мы имѣемъ въ виду помѣстить рядъ статей „Художникъ о художникѣ“. Въ нихъ не будетъ стремленія къ популяризационно своимъ взглядамъ, желанія облечь ихъ въ общедоступную форму. Онѣ могутъ показаться подчасъ еще болѣе чудаческими, чѣмъ самыя произведенія, о которыхъ идетъ рѣчь. Цѣнность ихъ та, что чрезъ нихъ можно будетъ найти ключъ къ психологіи молодежи, къ той духовной атмосферѣ, въ которой зарождаются и развиваются идеи новаторства.

Статья Льва Бруни о Натанѣ Альтманѣ и замѣтка Альтмана о своемъ творествѣ открываютъ собою отдѣлъ „Художникъ о художникѣ“.

Натанъ Альтманъ.

Не побывавъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, не видя, значить, русскаго искусства, Натанъ Альтманъ прямо изъ Одесскаго училища поѣхалъ въ Парижъ. Послѣ Парижа, когда онъ попалъ на выставку „Миръ Искусства“, два года тому назадъ, онъ былъ и остался совсѣмъ чужимъ въ этомъ обществѣ. Отъединенный, ни на кого не похожій, „принесшій школу чужой земли“, теперь онъ настойчиво работаетъ здѣсь. И Альтманъ примѣръ единственный: онъ знаетъ свой путь, знаетъ, что будетъ дѣлать впередъ, ощущаетъ крѣпость своего дарованія, и нѣтъ у насъ художника, который бы умѣлъ такъ убѣдительно не заканчивать, а кончать свои холсты. Если у него зрѣетъ мысль, мѣняющаяся прежнія задачи его въ работѣ, то онъ медленно, неуклонно, напряженно рѣшаетъ эти новыя задачи. Отношеніе къ работѣ у него совсѣмъ очищено отъ случайностей. Вещи логически обоснованныя, ясныя, какъ у Альтмана, это уже не просто вещи на выставкѣ, а въ х и искусства.

Вотъ теперь на выставкѣ „Миръ Искусства“ висятъ его двѣ работы за послѣдній годъ: Портретъ Анны Ахматовой и Пейзажъ. Эти вещи самыя значительныя на выставкѣ; онѣ производятъ совсѣмъ

необычное впечатлѣніе. Жаль, ихъ нужно видѣть въ краскахъ, но и въ этой репродукціи можно почувствовать свойства красокъ, фактуру крѣпкую, (отношеніе художника къ поверхности). Авторъ пользовался свѣтотѣнью, переходомъ отъ темнаго къ свѣтлому, только для выясненія формы.

Вотъ портретъ. Въ немъ нѣтъ никакого источника свѣта внѣ самой картины, художникъ пользуется освѣщеніемъ только для того, чтобы уяснить, показать совершенно ясно объемъ, форму, пространство. И то, что здѣсь какъ бы блуждаетъ свѣтъ, для того, чтобы чеканы были формы, и такъ какъ свѣтъ этотъ не имѣетъ источника внѣ картины, а находится тутъ, внутри, въ этой рамѣ, онъ даетъ ясную форму, конструкцію предмета; онъ свѣтится подъ краской, а потому краски становятся необычайно интенсивны и выработаны. Альтманъ здѣсь сумѣлъ даже свѣтъ вковать въ эту раму.

Для Альтмана самое главное—форма. Освѣщеніе, это вѣчно привходящее, служащее для выясненія формы. И то, что свѣтъ не падаетъ извнѣ, очень цѣнно для цѣльности композиціи. Композиція крѣпится оттого, что свѣтъ заключенъ въ раму.

Такая незаинтересованность въ свѣтотѣни и пользование ею, какъ средствомъ изображенія формы, была у многихъ художниковъ замѣчательныхъ всѣхъ временъ. Альтманъ это только подчеркнул, возвелъ въ принципъ, въ законъ, т.-е. во что-то абстрактное. Самъ по себѣ этотъ принципъ не новъ, но, начиная съ Сезанна, идетъ работа очищенія его отъ компромиссовъ, и работа эта у Альтмана доведена до высокой степени.

Мнѣ его послѣднія работы—по самому ихъ матеріалу, по тому, какъ онѣ лучатся, какъ острыя краски прозрачны, свѣтятся, какъ кристально преломляются въ нихъ формы,—мнѣ эти послѣднія работы напоминаютъ глаза.

Ни одинъ драгоценный камень не лучится такъ, какъ живой глазъ. Человѣчскій, птичій, кошачій, лошадиный, свиной,—удивительные глаза у всѣхъ!

Непроизвольно у каждого сильнаго художника выявляется свой, ему свойственный матеріалъ: эмаль, огонь (у Крампаха), серебро можно почувствовать у Веласкеза, мѣдь и олово, еще не слитыя въ бронзу, (у Зурбарана)... У другихъ камни можно почувствовать, а у Альтмана—глазъ.

Но это высшее свойство, на которомъ я не настаиваю, оно къ принципу его работы не имѣетъ отношенія, самъ то онъ выражалъ объемы, которые чувствовалъ.

Въ „Пейзажѣ“ художникъ занялъ болѣе только объемомъ, тутъ существуетъ только одинъ матеріалъ. Принципъ статичности. Авторъ выражалъ тутъ какъ можно острѣе свою задачу: исканіе объема постоянного, внѣ движенія, — положеніе формы. Въ этомъ проя-

вить художникъ свою любовь къ самому предмету. Струя новаго реализма.

Перемена освѣщенія, погода, все это несущественно, все это помѣшало бы импрессионисту, для котораго мѣръ—переменчивость (то солнечный, то вѣтви),—для Альтмана природа постоянна, или, вѣрнѣе, онъ бѣжитъ свойствъ временныхъ, шаткихъ.

Объемъ дерева существуетъ во всякую погоду, отлечіе по цвѣту и въ солнце, и въ бурю, есть между деревьями. И вотъ это-то исканіе чего-то постоянного, объема и цвѣта, узаконеннаго не случайнымъ освѣщеніемъ, а болѣе глубокимъ подходомъ, все это и есть очищеніе работы отъ случайнаго. Путь сакраментальной.

Если въ „Пейзажѣ“ мы видимъ разрѣшеніе неразрешимой задачи, можетъ быть, односторонней: „только объемъ“, то въ „Портретѣ“ художникъ задачу обогащаетъ, но не воплѣвъ ее доводить до конца.

Альтманъ здѣсь ближе подходитъ къ матеріалу. Платье темносинее, это легкая ткань. Откинутый воротникъ отличается болѣе тяжелой фактурой, и вообще каждый предметъ какъ нибудь написанъ по своему. Въ „Пейзажѣ“ все—одинъ матеріалъ, да и краски тамъ въ одной гаммѣ, зеленой. Въ „Портретѣ“ же все—противоположенія.

Пожалуй, въ цвѣтѣ лицо слабѣе написано всего остального: уклоненіе есть отъ принципа контрастовъ, какой-то зеленоватый, сборный цвѣтъ. Чувствуется намѣреніе передать нюансы въ цвѣтѣ въ сущности абстрактномъ. Отсюда вѣдетъ даже, пожалуй, компромиссомъ. Въ лицѣ и объемы найдены не свободно. Ихъ художникъ словно подогналъ для цѣльности впечатлѣнія отъ картины.

Можетъ быть, художнику мѣшала красота лица, темнота глазъ, т. е. для Альтмана, пожалуй, случайности, отъ которыхъ долженъ бѣжать художникъ?..

Еще одно свойство у Альтмана: его отношеніе къ формѣ, къ объекту характеризуется не тяжестью предмета, а только емкостью въ пространствѣ. Всѣ, монументальность у него отсутствуютъ. И это, пожалуй, относится тоже къ достоинству его живописи, такъ какъ отъ изученія формы въ связи съ тяжестью недалеко до задачъ скульптуры, когда теряется живопись, а вмѣсто нея выступаетъ лѣпка, скульптурная, пластическія свойства, засоряющія задачи живописи, потому что въ этомъ случаѣ видишь, что художникъ не нашелъ своего любимаго матеріала.

Да, если бы у Альтмана появилось чувство вѣса, въ его творчествѣ это было бы большимъ безвкусицемъ. У него есть любовь къ матеріалу краски, все достиженія въ изученіи формы у него на очень крѣпкомъ живописномъ основаніи. Художники на выставкахъ, по невыработанности въ краскахъ, рядомъ съ Альтманомъ кажутся внѣшними декораторами.

Все написанное мною относится къ двумъ послѣднимъ работамъ Альтмана: „Портрету Анны Ахматовой“ и „Пейзажу съ купальнями“.

„Материнство“, „Голова еврея“, „Парижскіе пейзажи“,—это путь, который прошелъ художникъ. Тамъ не такъ ясно видно его отношеніе къ міру, не такъ извѣстенъ ему самому его матеріалъ, вѣтъ этой непоколебимой стойкости, исканія постоянства во всемъ. Въ „Головѣ еврея“, правда, уже появляется четкость формы, но вообще въ этихъ работахъ все же болѣе видна преемственность, вліяніе французовъ. До полной самостоятельности, даже одиночества дошелъ художникъ только теперь.

Всегда талантъ укрѣпляется чувствомъ крови его народа, которая въ немъ бьется, ощущеніемъ земли, гдѣ онъ родился. И чтобы развить, разогнать свои силы, нужно любить въ себѣ свои цѣнности, природой данныя.

Самые большіе художники умѣли отыскать свое корневище, часто самыя примитивныя національныя черты, и всегда этимъ талантъ былъ усиленъ.

Какъ ни прививай чужую культуру, какъ ни навязывай выработанные прищипы или эстетическое чувство, все это слетитъ передъ живымъ чувствомъ „своего“.

Сарьянъ живетъ въ Москвѣ, но въ немъ бродитъ южная кровь, живы воспоминанія родины, и въ каждой вещи виденъ въ немъ армянинъ.

Альтманъ потому одинокъ и ни на кого не похожъ, что почти нѣтъ среди евреевъ живописцевъ. Если бы они были, то походили бы все на Альтмана, была бы „еврейская школа живописи“.

Но еврейскіе труднѣе, чѣмъ кому-нибудь, отыскать свои корни, ибо родина ихъ случайна и родина ихъ не отечество. Большая заслуга Альтмана въ томъ, что онъ отыскалъ свое корневище, семитическую культуру. Въ каждой его вещи видна „еврейская живопись“.

Жаль, я не могу найти въ немъ съ вѣмъ-нибудь общихъ чертъ, такъ какъ я не знаю сильныхъ еврейскихъ художниковъ-живописцевъ. Мнѣ кажется, что эта любовь, обращенная къ терпкости въ цвѣтѣ, къ законченности въ формѣ, эта послѣдняя степень „сдѣланности“, выисненіе абстрактныхъ формъ, все это показываетъ еврейскій темпераментъ.

Какъ въ поэзіи Мандельштамъ сдѣлалъ изъ русскаго языка латынь не потому, что языкъ нашелъ свои законченныя формы и пересталъ развиваться, а потому, что еврейская кровь требуетъ такой чеканки, что вилостью кажется еврею гибкость русскаго языка,—такое же желаніе вылить свое живописное чувство въ абстрактныя, т. е. органическія формы, есть и у Альтмана.

Въ графикахъ его еще яснѣе видна еврейская душа: здѣсь и библейскія темы, и еврейскіе тексты, орнаментация воспринята отъ народнаго еврейскаго искусства. Его графическіе рисунки „Украшеніе

библии“, „Грѣхопаденіе“ и рисунки изъ книги стиховъ Волковыскаго полны глубокаго настроенія, о которомъ можно не говорить: его каждый прочтетъ непосредственно въ рисункахъ.

Въ этихъ рисункахъ особенно остро видно чувство композиціи. Отъ нашихъ графиковъ Альтмана отличается и то, что въ его рисункахъ, такъ хорошо расположенныхъ на листѣ, предметы даны какъ бы не на плоскости, а въ сферѣ. И тутъ острое и сильное чувство формы.

Въ новомъ, живомъ искусствѣ Альтмана слышны отгулы древней семитической культуры.

Теперь художнику двадцать пять лѣтъ, и его творчество не можетъ находиться въ формѣ законченной. Новыя его вещи будутъ иными.

Левъ Бруни.

Къ чему я стремлюсь въ своей живописи.

Стремленіе къ объему, какъ слѣдствіе трехмѣрнаго воспріятія міра. Желаніе дать качество объема,

степень его плотности. Характеръ поверхности объема—форма воспринимаемая абсолютно—внѣ зависимости отъ даннаго, случайнаго освѣщенія.

Глубокій, проработанный тонъ масла, соединеніе его съ матовымъ тономъ темперы.

Забота о характерѣ поверхности картины—фактурѣ, какъ одномъ изъ главнѣйшихъ средствъ выраженія и воздѣйствія.

Примѣненія въ картинѣ различной фактуры—возь задачи, какія я ставилъ себѣ въ послѣднихъ работахъ; задачи, служившія лишь средствомъ выразить реальность.

Рисунки изъ цикла „Еврейская графика“ („Украшенія въ Библии“ и „Грѣхопаденіе“) имѣютъ связь съ еврейскимъ народнымъ творчествомъ, въ которомъ, несмотря на тысячелѣтія, сохранились ассирійскія вліянія. Мнѣ кажется, здѣсь путь для созданія національнаго искусства.

Натанъ Альтманъ.

Очерки міровой войны*).

Н. Кладо.

Борьба за свободу морской торговли.

Уничтоженіе германскими подводными лодками англійскихъ коммерческихъ судовъ продолжаетъ не выходить изъ предѣловъ нормы потерь, на которую рассчитывала Англія.

Восьмой мѣсяць войны уже не внесъ чего либо новаго въ смыслъ новыхъ мѣропріятій въ борьбу за свободу морской торговли. Да собственно дальше некуда идти въ этомъ отношеніи. Нѣмцы дошли до предѣла, объявивъ, что ихъ подводныя лодки будутъ топить всѣ коммерческія суда вмѣстѣ съ ихъ экипажами въ водахъ, омывающихъ великобританскіе острова, не различая праваго отъ виноватаго, а наши союзники тоже дошли до предѣла, объявивъ, что они прерываютъ всякое морское сообщеніе Германіи съ нейтральными странами. Оставалось только осуществить эти крайнія мѣры.

Какъ мы уже указывали въ предыдущемъ очеркѣ, осуществить нѣмцамъ свои угрозы удалось только въ очень малой степени. Имъ пришлось отступить передъ недвусмысленной угрозой со стороны Соединенныхъ Штатовъ присоединиться къ противникамъ Германіи, если ея подводныя лодки окажутся не въ состояніи опредѣлять національность коммерческихъ судовъ, и изъ за этого окажутся потопленными американскія суда. А при такой обстановкѣ операціи германскихъ подводныхъ судовъ очень затруднились, и число коммерческихъ судовъ, которое имъ удалось потопить въ первые десять дней примѣненія германской деклараціи, оказалось ничтожнымъ. Также ничтожны были потери англичанъ и въ продолженіи восьмого мѣсяца войны. Всего за это время нѣмцамъ удалось потопить около 20 пароходовъ, несмотря на то, что подводныя ихъ лодки расширили районъ своего дѣйствія, и появились не только въ Ирландскомъ морѣ, но даже у острова Исландіи. Нахожденіе ихъ здѣсь поневолѣ наводитъ на мысль, что нѣмцы устроили себѣ тайную базу, пользуясь малочисленностью населенія и значительнымъ количествомъ фіордовъ этого датскаго острова.

Германскія подводныя лодки понесли серьезныя потери при борьбѣ за свободу морской торговли.

Съ своей стороны нашимъ союзникамъ удалось уничтожить четыре германскія подводныя лодки, что является очень тяжелой потерей для германскаго подводнаго флота, въ особенности по сравненію съ тѣмъ ничтожнымъ вредомъ, который ему удалось нанести торговому флоту своихъ противниковъ.

Это показываетъ, что когда наши союзники обратили серьезное вниманіе на защиту торговыхъ су-

довъ отъ подводныхъ лодокъ, то и здѣсь они достигли существенныхъ результатовъ, какъ они уже достигли результатовъ даже неожиданныхъ по своей дѣйствительности въ мѣрахъ охраненія отъ подводныхъ лодокъ многочисленныхъ перевозокъ войскъ и эскадръ, какъ во время ихъ дѣйствій противъ береговъ (эскадра на лѣвомъ флангѣ союзной арміи у береговъ Бельгіи, и англійскіе отряды при двукратныхъ ихъ операціяхъ въ районѣ Гельголанда), такъ и въ открытомъ морѣ во время морского боя (сраженіе отрядовъ крейсеровъ-дредноутовъ на Доггеръ-банкѣ). Сдача въ плѣнъ экипажей двухъ германскихъ подводныхъ лодокъ характерна, т. к. показываетъ, что лодки эти какъ будто были застигнуты въ надводномъ положеніи съ открытыми люками и не успѣли сдѣлать даже попытки уйти подъ воду. Имѣются также и погибшія германскія подводныя лодки. Указываютъ, что напр., погибла лодка U—9, которой приписываютъ потопленіе всѣхъ трехъ англійскихъ крейсеровъ 9-го сентября въ Сѣверномъ морѣ.

Такимъ образомъ, германскій подводный флотъ несетъ серьезныя потери, а серьезнаго вреда онъ противникамъ Германіи не причиняетъ.

Нѣсколько оживилась дѣятельность германскихъ крейсеровъ въ океанахъ.

Последнее время вновь начали проявлять свою дѣятельность тѣ германскіе крейсера, которымъ удалось уйти послѣ разгрома германской крейсерской эскадры при Фальклендскихъ островахъ. Появились свѣдѣнія, что въ этихъ операціяхъ участвуетъ и крейсеръ *Karlsruhe*, о которомъ одно время имѣлись свѣдѣнія, что онъ благополучно прорвался въ Сѣверное море.

Вспомогательный крейсеръ *Prinz Eitel-Friedrich* и американская декларація о нейтралитетѣ.

Однако дѣятельность эта продолжалась недолго 27-го февраля одному изъ двухъ дѣйствовавшихъ въ Атлантическомъ океанѣ германскихъ вспомогательныхъ крейсеровъ, а именно крейсеру *Prinz Eitel-Friedrich*, пришлось вслѣдствіе поврежденій въ машинѣ зайти въ американскій портъ Ньюпортъ—Ньюсъ. Командиръ его обратился къ американскому правительству съ просьбой о разрѣшеніи произвести необходимыя починки, на что потребуется около трехъ недѣль. Препятствій къ этому, вѣроятно, не встрѣтится. Согласно деклараціи о нейтралитетѣ, объявленной правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ 4 го августа (н. с.) 1914 года, починка воюющаго судна въ американскихъ портахъ разрѣшается,

*) См. №№ 1, 2, 3. Нов. журн. для всѣхъ 1915 г.

принемъ наибольший срокъ для починки въ деклараціи не опредѣленъ, и въ ней сказано только, что „такое судно, которому было разрѣшено остаться въ водахъ Соединенныхъ Штатовъ съ цѣлью починки, не должно оставаться въ такомъ порту, гавани, рейдѣ или водахъ на большой срокъ, чѣмъ 24 часа послѣ окончанія необходимыхъ починокъ, развѣ что въ теченіе этихъ 24 часовъ судно, будь это военное судно, каперъ или торговое судно другой воюющей стороны, вышло оттуда, въ каковомъ случаѣ срокъ, опредѣленный для выхода такого военного судна или капера, долженъ быть увеличенъ на столько, сколько потребуется, чтобы сохранить промежутокъ времени не менѣе, чѣмъ 24 часа между таковымъ выходомъ какого-либо военного судна, капера или торгового судна другой воюющей стороны, которое раньше вышло изъ такого порта, гавани, рейда или водъ“.

Что же касается до пріемки запасовъ, то въ деклараціи указывается, что „ни одному военному судну или каперу, ни одной изъ воюющихъ сторонъ не будетъ разрѣшено, во время пребыванія въ порту, гавани, рейдѣ или водахъ въ предѣлахъ юрисдикціи Соединенныхъ Штатовъ, запасаться чѣмъ бы то ни было, за исключеніемъ съѣстныхъ припасовъ и такихъ предметовъ иного рода, которые могутъ быть необходимы для существованія экипажа, и за исключеніемъ такого количества угля, коего можетъ быть достаточно, чтобы довести такое судно, если оно не можетъ идти подъ парусами до ближайшаго порта его страны, и ни одно такое военное судно или каперъ не должно вновь получать угля въ томъ-же самомъ или иномъ портѣ, гавани, рейдѣ или водахъ Соединенныхъ Штатовъ безъ особаго разрѣшенія, до истеченія трехъ мѣсяцевъ съ того времени, когда ему было въ послѣдній разъ разрѣшено запаситься углемъ въ водахъ Соединенныхъ Штатовъ, развѣ что такое военное судно или каперъ съ тѣхъ поръ, какъ запасился такимъ образомъ углемъ, заходили уже въ портъ того правительства, которому они принадлежатъ“.

Такимъ образомъ, согласно деклараціи о нейтралитетѣ, объявленной Соединенными Штатами, Prinz Eitel-Friedrich можетъ произвести нужныя ему исправленія, и можетъ запаситься провизіей и углемъ на переходъ въ нѣсколько тысячъ миль, такъ какъ ближайшій германскій портъ находится въ Европѣ. Туда онъ, конечно, не пойдетъ, а во время стоянки въ порту сможетъ нанять пароходъ, который, придя на назначенное рандеву, снабдитъ его полнымъ запасомъ и угля, и продовольствія.

Нельзя еще разъ не вспомнить, какъ различно было отъ этого отношеніе Соединенныхъ Штатовъ къ нашимъ тремъ крейсерамъ (Олего, Аврора и Жемчугъ), заледшимъ въ Манилу послѣ Цусимскаго боя. Имъ не было разрѣшено починиться и они были интернированы. И такъ относились къ намъ

тогда не только Соединенные Штаты. При аналогичныхъ обстоятельствахъ крейсеръ Діана былъ интернированъ въ Сайгонѣ.

Надо къ этому прибавить, что въ 1905 г. наши крейсера передъ заходомъ въ Манилу не причиняли никакого вреда американцамъ, а Prinz Eitel-Friedrich за мѣсяць до своего захода въ Нью-портъ-Ньюсъ потопилъ американскій парусникъ William P. Fuge, который шелъ изъ Ситтла въ Кингстоунъ съ грузомъ въ 5.300 тоннъ пшеницы. Противъ самаго потопленія, конечно, американцы по существу возражать не могли, такъ какъ, развѣ англичане не пропускаютъ въ Германію съѣстные припасы, могутъ не пропускать таковые въ Англію и нѣмцы. Но косвенно нажать на нѣмцевъ, не разрѣшивъ ихъ крейсеру длительной починки,—на что американцы имѣли полное право, не нарушая деклараціи, допускающей такія починки съ особаго каждаго разъ разрѣшенія,—правительство Соединенныхъ Штатовъ конечно могло, и это болѣе бы соответствовало позиціи, занятой нѣмцами по отношенію къ американскимъ судамъ въ водахъ, омывающихъ Британскіе острова. Тѣмъ болѣе можно было ожидать такого отношенія американцевъ къ факту потопленія William P. Fuge, что это былъ первый случай уничтоженія американскаго и вообще нейтральнаго судна нѣмецкими крейсерами въ океанѣ. До сихъ поръ они, и воплѣ основательно, уничтожали только непріятельскія коммерческія суда, такъ какъ возможность ихъ крейсерской дѣятельности въ широкой степени зависѣла отъ отношенія къ нимъ нейтральныхъ, а въ особенности американцевъ, которые могли очень затруднить широкую помощь, оказываемую нѣмцамъ крейсерамъ американцами германскаго происхожденія и нѣмцами, живущими во множествѣ въ Америкѣ. Конечно, теперь за крейсеромъ Prinz Eitel-Friedrich будетъ установлено строгое наблюденіе со стороны англійскихъ крейсеровъ, и хотя, конечно, нельзя отрицать возможности ему прорваться мимо этихъ крейсеровъ,—которые будутъ зорко наблюдать за выходомъ изъ Чесапикскаго залива, въ который впадаетъ и Гемптонскій рейдъ, гдѣ находится пріютившій германскій крейсеръ Ньюпортъ-Ньюсъ,—но все-таки эта задача будетъ для него не изъ легкихъ.

Вспомогательный крейсеръ Kronprinz Wilhelm.

Другой германскій вспомогательный крейсеръ Kronprinz Wilhelm дѣйствуетъ въ южной части Атлантическаго океана, и, повидному, опирается на Бразилію, т. е. на широкую помощь, которую ему оказываютъ многочисленныя живущіе тамъ нѣмцы, обладающіе и пароходами, и широкими связями, благодаря которымъ бразильское правительство смотритъ сквозь пальцы на ихъ дѣятельность. 28-го февраля изъ Пернамбуко сообщали о потопленіи этимъ германскимъ крейсеромъ парохода Guade-Ioure.

Слухи о гибели крейсера Karlsruhe.

Въ Атлантическомъ океанѣ съ самаго начала войны дѣйствовали еще крейсера Karlsruhe, но продолженіи послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ о немъ не было никакихъ извѣстій, такъ что можно было думать, если не считать его погибшимъ, что онъ прорвался въ Сѣверное море, о чемъ и сообщила одна изъ голландскихъ газетъ. Теперь же датская газета „Ribe Stiftstidende“ сообщаетъ, что онъ погибъ еще въ концѣ 1914 г. или началѣ 1915 г. у береговъ Америки отъ происшедшаго на немъ взрыва, и только часть его команды, которую удалось спасти сопровождавшему ему пароходу, была доставлена этимъ пароходомъ въ Германию.

Конецъ крейсера Dresden.

Что же касается до германскаго крейсера Dresden, которому послѣ Фальклендскаго боя удалось уйти въ Тихій океанъ, то его застигли врасплохъ близъ острововъ Хуанъ-Фернандезъ английскіе крейсера Glasgow, Kent и Otago (вспомогательный), и, послѣ 5-ти минутнаго боя, онъ, по сообщенію англичанъ, спустилъ флагъ и сдался, причемъ раньше, чѣмъ имъ могли овладѣть англичане, нѣмецкій крейсеръ взорвался. Нѣмцы же утверждаютъ, что командиръ, увидѣвъ что сопротивление бесполезно, взорвалъ свое судно, и взрывъ Dresden-a подтверждаютъ и англичане. А взрывъ противорѣчатъ спуску флага, судя по чему нѣмецкая версія вѣрнѣе.

Оригинальны свѣдѣнія, которыми обмѣнялись командиръ Dresden-a и старшій изъ английскихъ командировъ. Нѣмецъ заявилъ протестъ противъ открытія огня въ районѣ нейтральныхъ водъ. На это англичанинъ отвѣтилъ: „Я имѣю приказаніе уничтожить Dresden, гдѣ и когда-бы мы его ни встрѣтили. Остальное будетъ урегулировано дипломатіей“. Истинно военный и здравый отвѣтъ. И, конечно, Чили, которому принадлежатъ островъ Хуанъ-Фернандезъ, не рѣшится возбуждать какого либо протеста противъ дѣйствій англичанъ, такъ какъ оно подчинилось очень долгому хозяйничанью у этихъ же острововъ германской крейсерской эскадры адмирала Шнее.

Германскія крейсерскія операціи въ океанахъ не имѣли вліянія на ходъ міровой войны.

Такимъ образомъ операціи германскихъ крейсеровъ въ океанѣ можно считать почти законченными. Скольконибудь серьезнаго вліянія эти операціи на общій ходъ войны не имѣли, если не считать того, что за участіе въ изловленіи этихъ крейсеровъ японскаго флота, пришлось вознаграждать Японію нѣсколькими группами острововъ, принадлежавшихъ Германіи въ Полинезіи.

Борьба за свободу морской торговли рѣшится въ сѣверныхъ европейскихъ водахъ.

Вся сущность борьбы за свободу морской торговли съ самаго начала была и окончательно сосредоточилась въ сѣверныхъ европейскихъ водахъ, гдѣ рѣшается вопросъ будетъ-ли Германія вынуждена къ сдачѣ голодомъ, и произойдетъ-ли это еще въ текущемъ году, или этотъ моментъ настанетъ черезъ годъ.

Нѣмцы увѣряютъ, что они, благодаря принятымъ мѣрамъ, доживутъ до новаго урожая, а этотъ урожай, влѣдствіе увеличенія площади посѣвовъ кормовыхъ растений, совершенно устранивъ опасность. Наши экономисты и экономисты нашихъ союзниковъ держатся обратнаго мнѣнія.

Профессоръ Мигулинъ о вѣроятности голода въ Германіи.

Такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ огромное военное значеніе, и въ зависимости отъ правильности расчетовъ въ этомъ вопросѣ можетъ зависѣть и самый исходъ войны, мы считаемъ нелишнимъ привести соображеніе по этому вопросу нашего экономиста профессора Мигулина *). Онъ приходитъ къ заключенію, что имѣются значительные шансы на то, что Германія до новаго урожая не выдержитъ, такъ какъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня тамъ долженъ начаться голодъ, признаки котораго наблюдаются и сейчасъ.

Средняя норма потребления въ Германіи хлѣбныхъ продуктовъ.

Этотъ выводъ сдѣлавъ на основаніи данныхъ объ обычномъ потребленіи хлѣба въ Германіи и объ обычномъ привозѣ туда хлѣба изъ-за границы. Средняя норма потребления въ Германіи за 1893—1912 г. опредѣлялась въ 536 милл. пуд. ржи, 330 м. п. пшеницы и полбы, 285 м. п. ячменя, 422 м. п. овса, 2131 м. п. картофеля. Однако эти среднія цифры для расчета на текущій годъ надо считать преуменьшенными, такъ какъ населеніе все увеличивается.

Рекордный урожай въ Германіи.

Въ 1913 г. въ Германіи былъ превосходный урожай, который можно считать рекорднымъ, и въ этотъ годъ онъ опредѣлился въ 758 м. п. ржи, 316 м. п. пшеницы и полбы, 228 м. п. ячменя, 602 м. п. овса, и 3355 м. п. картофеля. Урожай же 1914 г. былъ ниже средняго.

Германія своихъ пищевыхъ хлѣбныхъ продуктовъ хватаетъ только на 9 мѣсяцевъ.

Но если сравнивать только эти двѣ группы цифръ, даже считая урожай 1914 г. гораздо ниже

*). Новый Экономистъ, 1915 г. № 6, статья „Тревога въ Германіи“.

рекорднаго, то все-таки Германіи должно хватить ей собственныхъ продуктовъ до новаго урожая. А тогда чего-же Германіи безпекотиться? На самомъ-же дѣлѣ, какъ извѣстно, она очень безпекотится, и вводитъ исключительныя мѣры для экономіи пищевыхъ припасовъ.

Значить здѣсь что-то не такъ и помимо того, что потребление значительно выше средняго изъ-за увеличения численности населенія противъ періода, къ которому относятся цифры средняго потребления.

Профессоръ Мигулинъ отмѣчаетъ, что къ официальнымъ германскимъ даннымъ надо относиться очень осторожно: потребление — уменьшено, урожай преувеличенъ. Что это такъ, показываетъ прежде всего тотъ фактъ, что въ Германію ввозятся значительное количество продовольственныхъ хлѣбовъ. Даже въ 1913 г., при рекордномъ урожаѣ, въ Германію было ввезено 490 м. т. такого рода продуктовъ, а это составляло 10% всего потребления означенныхъ продуктовъ въ Германіи, и болѣе 24% потребляемыхъ зерновыхъ хлѣбовъ.

И такъ какъ 1914 г. былъ неурожайный, причѣмъ особенно плохимъ оказался урожай овса и картофеля, то трудно предполагать, чтобы въ этомъ году Германія нуждалась во ввозѣ меньшемъ, чѣмъ въ рекордномъ 1913 г. А необходимость во ввозѣ 24% зерна и картофеля обозначаетъ, что Германія можетъ обойтись этими своими продуктами только впродолженіи 9 мѣсяцевъ, имѣя кромѣ того потребность въ значительномъ ввозѣ риса, гороха, чечевицы, отрубей, жмыковъ, каковыхъ продуктовъ въ 1913 г. было ввезено 82 м. пудовъ.

Очень интересныя и оригинальныя мысли развиваетъ профессоръ Мигулинъ относительно ввоза въ Германію во время войны изъ нейтральныхъ странъ.

Нѣмцы, рассчитывая быстро закончить войну, не запасались въ началѣ войны пищевыми продуктами.

Онѣ справедливо указываетъ, что пока нѣмцы не считали, что война затянется на такое долгое время и что можетъ возникнуть вопросъ о голодѣ, они главнымъ образомъ старались получить изъ-за границы то, что непосредственно нужно для войны, и потребление чего именно во время войны возрастаетъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Таковыми предметами являлась мѣдь, свинецъ, никкель, чилийская селитра, хлопокъ, ленъ, беваннъ, шерсть, кофе, чай, какао, матеріалы для изготовленія медикаментовъ, каучукъ и т. п. Все это продукты дорогіе, гораздо болѣе выгодныя и удобныя въ перевозкѣ чѣмъ пищевые продукты, а потому, понятно, первое время всѣ и везли эти продукты, — тѣмъ болѣе, что ихъ-то и требовали въ первую голову нѣмцы, — такъ какъ для такихъ выгодныхъ операцій болѣе стоило рисковать въ борьбѣ съ англійской блокадой, чѣмъ везти пищевые припасы, даже съ меньшимъ рискомъ за-

держанія судовъ и грузовъ англійскими крейсерами. Такимъ образомъ въ первое время, когда англійчане гораздо свободнѣе пропускали пищевые продукты, ихъ не везли, такъ какъ выгоднѣе было возить другое, тѣмъ болѣе, что Германія ихъ не особенно и требовала, надѣясь закончить войну самое большое въ 6 мѣсяцевъ, и не опасаясь за недостатокъ пищевыхъ припасовъ, которыхъ имѣлось на 9—10 мѣсяцевъ.

Германское правительство само создало такую обстановку, что хлѣбъ изъ Америки не шель въ Германію.

Германское правительство заботилось о другомъ — чтобы населеніе, какъ можно незамѣтнѣе переносило тяготы войны, а чтобы цѣны на продукты питанія не повышались, ихъ цѣны были таксированы. Хлѣбъ въ Берлинѣ оказался дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ, и, естественно, всѣ хлѣбныя грузы изъ Америки поплыли въ Англію, куда, кстати доставка была безопаснѣе и обходилась дешевле, гдѣ и платили за эти грузы дороже. Съ другой стороны населеніе въ Германіи, получая продукты по очень мало повышеннымъ цѣнамъ, читая въ газетахъ только о блестящихъ германскихъ побѣдахъ, о скоромъ и блестящемъ мирѣ съ жирными контрибуціями и земельными приращеніями, не соблюдало экономіи въ расходованіи пищевыхъ продуктовъ.

Когда германское правительство спохватилось, оказалось уже поздно.

А между тѣмъ прошло 6 мѣсяцевъ и рѣшительной побѣды не было. Огромное число мобилизованныхъ людей и лошадей потребовало гораздо большаго расхода пищевыхъ продуктовъ, чѣмъ тѣ же люди и лошади требовали въ мирное, и въ особенности не рабочее время (осенью и зимой). Уменьшеніе подвоза изъ за границы различныхъ дополнительныхъ продуктовъ питанія (мяса, дичи, масла), заставило съ одной стороны стремиться возмѣщать ихъ хлѣбными продуктами, а съ другой подняло на нихъ цѣну, и потому толкало сельское населеніе не продавать хлѣбныя продукты, на которые существовала невыгодная для продавца низкая такса, а усиленно расходовать ихъ на откормъ скота и птицы, чтобы превратить ихъ въ болѣе дорогіе продукты.

Вотъ тогда и почувствовался въ Германіи недостатокъ хлѣбныхъ продуктовъ, и она начала предъявлять усиленные на нихъ требованія на мировомъ рынкѣ.

Но къ этому времени блокада англійскимъ флотомъ германскихъ береговъ приняла особенно интенсивный характеръ, пищевые припасы уже были объявлены абсолютной контрабандой, и вромѣ того и мировые запасы хлѣбовъ оказались уже значительно истощенными. Хлѣба уже не хватало не въ одной Германіи. Недостатокъ его уже началъ опу-

щаться и въ Швеціи, и Норвегіи, и Давіи, и Голландіи, и Италіи, и Швейцаріи.

Причина этого, во-первыхъ, недоборъ мірового урожая по сравненію съ прошлымъ годомъ почти въ 2.000 м. п. четырехъ главныхъ хлѣбовъ (изъ этого на долю пшеницы пришлось 600 м. п. и овса 900 м. п.), а во вторыхъ—отсутствіе на міровомъ рынкѣ русскихъ хлѣбовъ, которые составляютъ въ среднемъ 25% мірового потребленія (67% для ячменя и 46% для овса).

Значитъ только изъ-за отсутствія на рынкѣ русскихъ хлѣбовъ, примѣрно къ маю мѣсяцу окажется міровой нехваткой хлѣба, и больше всего онъ скажется на Германіи, куда русскіе хлѣба совсѣмъ не должны попадать. Изъ-за этого же недостатка кормовъ для скота (ячмень, овесъ) долженъ былъ сказаться еще раньше, опять въ особенности для Германіи, животноводство которой обосновано на привозныхъ кормахъ, главнымъ образомъ, русскихъ. Это такъ и случилось, и въ Германіи уже идетъ усиленный убой скота, чтобы изъ полученнаго мяса заготовить консервы.

Хлѣбная казенная монополія, введенная въ Германіи, неосуществима.

Когда положеніе достаточно выяснилось, т. е. сдѣлалось ясно, что война не закончится до новаго урожая, а хлѣбовъ до него тоже не хватитъ, германское правительство, съ точки зрѣнія профессора Мигулина, рѣшилось на отчаянную мѣру. Оно приступило къ регистраціи и реквизиціи всѣхъ хлѣбныхъ и картофельныхъ запасовъ страны и къ установленію потребительской нормы хлѣба на ѣдока, т. е. прибѣгло къ мѣрѣ, допускавшей доселѣ лишь въ осажденныхъ крѣпостяхъ.

Вводимая такимъ путемъ хлѣбная казенная монополія, по мнѣнію профессора Мигулина, безусловно неосуществима и заранее обречена на неуспѣхъ. Можно конфисковать всѣ хлѣбные запасы торговцевъ, запасы готоваго зерна въ элеваторахъ, складахъ, мельницахъ, но совершенно нелегко реквизировать запасы, находящіеся у сельскихъ хозяевъ, особенно у крестьянъ. Прежде всего эти послѣдніе запасы въ точности никому не извѣстны: много хлѣба еще не обмолочено, обмолоченный хлѣбъ не отсортированъ и не очищенъ. Запасы хлѣба у сельскихъ хозяевъ далеко не всѣ предназначены для рынка, большая часть ихъ идетъ на сѣмена, на кормъ рабочему скоту и на содержаніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

Отобрать эти запасы значило-бы лишиться будущего урожая: хлѣбъ не будетъ вовсе посеянъ, а посеянный не будетъ убранъ, и тогда, если-бы голодъ и удалось предотвратить въ маѣ и іюнѣ, то ужъ, навѣрное, онъ будетъ въ августѣ или въ сентябрѣ.

При 15 милліонахъ гектаровъ посѣвной площади въ Германіи для четырехъ хлѣбовъ потребуется око-

ло 100 м. п. сѣмянъ, а для $3\frac{1}{2}$ м. гектаровъ картофельной площади не менѣе 300 м. п. отборнаго картофеля. Посѣвъ производится въ мартѣ—апрѣлѣ, и значитъ въ это время запасъ пищевыхъ продуктовъ въ Германіи сильно понизится. Къ этому необходимо добавить, что до 60% всѣхъ сельскихъ хозяевъ изъ крестьянъ въ Германіи *покупаютъ*, а не продаютъ хлѣбъ.

Можно-ли реквизировать хлѣбъ у такихъ его владельцевъ? Далѣе—кто займется этой реквизиціей? Куда будетъ отправленъ и гдѣ помѣщенъ реквизируемый хлѣбъ? На сѣвѣ создаваемая организациія казенной хлѣбной монополіи, конечно, окажется въ высшей степени несовершенной. Всѣ эти „военно хлѣбныя общества“, „центрально-закупочныя общества“ и коммунальные союзы, реквизирующіе запасы хлѣба, отправляющіе ихъ на мельницы для перемола въ муку по установленной цѣнѣ (гдѣ будетъ храниться эта мука? Кто будетъ охранять ее отъ порчи?) и затѣмъ сдающіе его въ „имперское распределительное учрежденіе“, очень хороши на бумагѣ, но съ увѣренностью можно сказать, что на практикѣ изъ ихъ дѣятельности ничего не выйдетъ, кромѣ скандала.

Правительство установило и нормы для потребленія хлѣба и овса: 2 кило въ недѣлю на человѣка, т. е. приблизительно $\frac{5}{7}$ фунта въ день, и по 3 фунта въ день овса на лошадь, что явно недостаточно, вызываетъ нареканія и всевозможные обходы закона *). Распределеніе хлѣба возложено на коммунальные союзы и отдѣльныя общины. Въ Берлинѣ, разбитомъ для этого на 170 участковъ, вводятся особыя книжки съ отрѣзными купонами на полученіе хлѣба, выдаваемого черезъ полицію (какое широкое поле для злоупотребленій и взяточничества). Только по предъявленіи купона будетъ продаваться хлѣбъ.

Пекари, въ свою очередь, будутъ получать муку лишь соотвѣтственно количеству продаваемого ими по купонамъ хлѣба. Цѣна за выпеченный хлѣбъ опредѣлена въ 13 коп. за фунтъ (5 р. 20 к. за пудъ), на пшеничную муку 3 р. за пудъ и ржаную 2 р. 40 к. за пудъ (всѣ эти цѣны *ниже рыночныхъ*).

Печеніе хлѣба безъ примѣси ржи и картофельной муки не разрѣшается. Безъ купоновъ не допускается отпускъ хлѣба и въ ресторанахъ; посетители безъ купоновъ могутъ туда приносить хлѣбъ съ собою. И эти мѣры предполагается примѣнять въ громадномъ государствѣ съ 70 милліонами душъ населенія! И серьезно думаютъ, что онѣ могутъ увѣнчаться успѣхомъ!

* Ужъ послѣ появленія цитируемой нами статьи профессора Мигулина пришло извѣстіе, что эти нормы понижены. Это, новидимому, является слѣдствіемъ обывленія нашихъ союзниковъ о *полномъ* прекращеніи ввоза въ Германію.

Объ успѣхѣ, по мнѣнію профессора Мигулина, не можетъ быть и рѣчи. Онъ считаетъ, что кончится тѣмъ, что пекари откажутся печь хлѣбъ, булочныя торговать хлѣбомъ, мельники молотъ зерно, сельскіе хозяева заниматься земледѣліемъ. Въ Германіи болѣе 400.000 пекаренъ. Легко ли за ними установить надзоръ! А кто будетъ слѣдить за печеніемъ хлѣба на дому, въ деревняхъ, въ хуторахъ?

Нужно будетъ организовать необычайно сильный правительственный контроль за соблюденіемъ явно пелѣпой мѣры по регулированію потребления перваго предмета необходимости. Результаты уже налицо: въ Берлинѣ начались картофельные и хлѣбные бунты. Хозяйки не могутъ дожидаться очереди получить свою порцію хлѣба и картофеля по купонамъ, а когда очередь наступаетъ, часто уже весь товаръ распроданъ. Много хлѣбныхъ и овощныхъ лавокъ закрылось. Хлѣба и картофеля не хватаетъ. Правительственное вѣдѣтельство внесло полную дезорганизацию въ хлѣбную торговлю. Снабженіемъ населенія хлѣбомъ занималось доселѣ множество торговцевъ, преслѣдовавшихъ свои частныя интересы и имѣвшихъ свои собственные расчеты. Ихъ немилосиво замѣнить получимъ невѣжественныхъ въ вопросахъ приготовленія хлѣба и хлѣбной торговли чиновниковъ.

Мы, конечно,—говоритъ профессоръ Мигулинъ,—можемъ только радоваться введенію хлѣбной монополіи въ Германію: она ускоритъ наступленіе голода въ странѣ нашего злѣйшаго и сильнѣйшаго врага. Только великая тревога могла подсказать германскому правительству подобную мѣру. „Что-то неблагополучно въ Датскомъ королевствѣ“.

Положеніе Германіи и Австріи въ отношеніи пищевыхъ запасовъ безнадежно.

Истощеніе нашего противника, по словамъ профессора Мигулина, уже „не за горами“. Вожди германской арміи употребляютъ все усилія, чтобы добиться какихъ нибудь военныхъ успѣховъ до наступленія въ Германію голода. Все будетъ поставлено на карту для достиженія этихъ успѣховъ.

Но союзники должны быть тверды и не смущаться возможными военными неудачами. Положеніе Германіи все равно безнадежно, какъ безнадежно и положеніе Австріи, гдѣ голодъ уже начался и гдѣ онъ приметъ еще болѣе грозныя размѣры, чѣмъ въ Германіи. При извѣстной выдержкѣ наша побѣда обезпечена.

Конечно, мы можемъ ошибаться,—говоритъ профессоръ Мигулинъ, въ заключеніе своей въ высшей степени интересной статьи.—Выводы свои мы дѣлаемъ на основаніи довольно скудныхъ свѣдѣній, получающихся изъ германскихъ-же источниковъ. Эти источники могутъ быть неточными и прямо завѣдомо невѣрными.

Запасы продовольствія въ Германіи могутъ ока-

заться большими, чѣмъ извѣстно намъ. Тогда самыя нелѣпыя мѣропріятія германскаго правительства еще не приведутъ тамъ къ голоду, а лишь къ извѣстнымъ стѣсненіямъ и нуждѣ. Нѣмцамъ удастся тогда собрать извѣстный урожай. Въ этомъ случаѣ война можетъ затянуться еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Но вѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній думать такъ. Та тревога, о которой краснорѣчиво говоритъ каждая строка германскихъ газетъ, каждая строчка правительственныхъ предписаній о хлѣбной торговлѣ и продовольствіи населенія, безусловно подтверждаетъ, что мы правы,—что расчеты наши достаточно точны,—что Германія дѣйствительно грозитъ полный крахъ.

Вотъ что говоритъ профессоръ Мигулинъ, крупный авторитетъ въ нашей экономической наукѣ. Мы нарочно привели его интересную статью почти безъ всякихъ пропусковъ, такъ какъ сами мы, конечно, не обладаемъ ни данными, ни знаніями для построенія соображеній и выводовъ по подобнымъ вопросамъ, а между тѣмъ именно такіа соображенія должны лечь въ одну изъ главныхъ основъ плана веденія настоящей войны. Можемъ мы истощить Германію, вызвавъ въ ней острый недостатокъ въ пищевыхъ и военныхъ припасахъ—изолированіе ея отъ заморскихъ нейтральныхъ государствъ получаетъ полный смыслъ и исключительнѣе важное значеніе. Если же этого мы сдѣлать не можемъ, такъ какъ нѣмецкія имперіи могутъ обходиться своими собственными запасами, то борьба наша противъ свободы морской торговли нейтральныхъ съ Германіей получаетъ второстепенное, лишь вспомогательное значеніе.

Заключенія профессора Мигулина не являются вполне убѣдительными.

И вотъ, преклоняясь, конечно, передъ авторитетомъ нашего выдающагося экономиста, въ особенности въ вопросахъ намъ мало знакомыхъ, мы все таки должны сказать, что заключенія его не кажутся намъ достаточно убѣдительными.

Цифры урожайности хлѣбныхъ и ихъ потребленія въ Германіи не даютъ, съ нашей точки зрѣнія, точныхъ, безусловныхъ основаній, что Германія не обойдется своими продуктами до новаго урожая. Выводы профессора Мигулина собственно и не обосновываются главнымъ образомъ на этихъ цифрахъ. Онъ и самъ указываетъ на возможную ихъ сомнительность. Насколько намъ представляется, его заключенія построены на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Сущность соображеній профессора Мигулина.

1) Въ Германіи существуетъ и въ мирное время ввозъ пищевыхъ продуктовъ, значительно превышающій ихъ вывозъ, а значить Германія и въ мирное время, вопреки цифрамъ урожая и потребленія, могущимъ быть неточными, не можетъ обойтись безъ

подвоза пищевыхъ продуктовъ, и этимъ подвозомъ она питается 3—4 мѣсяца въ году.

2) Въ военное время потребление пищевыхъ продуктовъ значительно повышается, такъ какъ масса людей и лошадей (вмѣсто 600 т. людей и 120 т. лошадей, около 5 миллион. людей и миллион. лошадей, а по всей вѣроятности и гораздо больше) должно получать гораздо лучшее питаніе, чѣмъ въ осеннее и зимнее нерабочее время.

3) Тревога въ Германіи, выразившаяся въ нѣдомъ рядѣ мѣръ по ограниченію и наблюденію за потребленіемъ пищевыхъ продуктовъ, показываетъ, что ихъ дѣйствительно не хватаетъ. Но все эти мѣры невыполнимы и даже нелѣпы, а потому намъ даже выгодны, и не принесутъ вреда Германіи лишь въ томъ случаѣ, если запасы пищевыхъ продуктовъ достаточны. Но тогда не было-бы и мѣръ, и самый фактъ ихъ наличія подтверждаетъ недостаточность запасовъ, а нелѣпость мѣръ лишь осложняетъ положеніе Германіи, которое все равно безнадежно.

Продовольственная тревога въ Германіи быть можетъ результатомъ не „растерянности“, а дальновиднаго „расчета“.

Но вотъ именно противъ третьяго пункта, — а онъ то какъ разъ и требуетъ наибольшаго спеціально-экономическаго пониманія, такъ какъ трактуетъ о причинахъ тревоги въ Германіи и о нелѣпости принимаемыхъ германскимъ правительствомъ мѣръ — и хочется возражать.

А что если это совсѣмъ не такъ?

Если въ Германіи эта тревога не растерянность, подвигающая на нелѣпыя мѣры, а дальновидность и строгій расчетъ, можетъ быть вызываемый не недостаткомъ пищевыхъ продуктовъ до новаго урожая, а просто здравымъ расчетомъ на „худшее“, и даже не „неминуемое“ и „ближайшее“, и быть можетъ и очень отдаленное? Можетъ быть, придя къ совершенно опредѣленному заключенію, что приходится оставить всякіе помыслы о быстромъ окончаніи войны блестящими молниеносными ударами — нѣмцы имѣли достаточно основаній убѣдиться въ ошибочности своихъ первоначальныхъ предположеній — они теперь лишь тщательно готовятъ къ борьбѣ на „выносливость“, борьбѣ длительной и упорной, и никакая тщательность въ подготовкѣ къ этой борьбѣ, никакая предупредительность не можетъ явиться излишней — вѣдь на карту поставлено самое существованіе нѣмецкихъ имперій. Вотъ въ этихъ видахъ, эти имперіи можетъ быть готовятся и не къ тому, чтобы продержаться лишь до новаго урожая — быть можетъ въ достаточности для этого пищевыхъ продуктовъ онѣ и не имѣютъ сомнѣній, — а готовятся, рассчитывая на „худшее“ къ борьбѣ впродолженіи слѣдующаго продовольственнаго 1915—1916 года, рассчитывая и на дальнѣйшее уменьшеніе подвоза изъ-за открытаго перехода на сторону ихъ против-

никовъ въ которыхъ сосѣднихъ нейтральныхъ государствъ, черезъ которыя все-таки транзитомъ не мало идетъ въ Германію пищевыхъ и военныхъ продуктовъ, и изъ-за большей дѣйствительности англійской блокады, и, наконецъ, изъ-за возможности, какъ разъ въ періодъ между посѣвомъ и сборомъ урожая, потерять Восточную Пруссію и Венгрію, которыя представляютъ собою житницы нѣмецкихъ имперій.

Мѣры, принимаемыя загодя германскимъ правительствомъ, могутъ быть слѣдствіемъ не „растерянности“, а „строгой обдуманности“ и „здраваго расчета“.

При превосходной „организованности“ нѣмцевъ, ихъ патріотизмъ и готовности къ жертвамъ, хлѣбная государственная монополія можетъ оказаться и осуществимой.

И почему можно позволить себѣ думать, что эти мѣры „нелѣпы“ и „невыполнимы“? Намъ говорятъ, что населеніе имъ не подчинится, и что невѣжественные въ экономическихъ вопросахъ чиновники не сумѣютъ провести ихъ въ жизнь, что для этого нужна длительная и тщательная подготовка, каковой не было, такъ какъ мѣры эти принимаются экспромтомъ, что онѣ продиктованы „растерянностью“.

Но не значить-ли это недооцѣнивать противника, рассчитывать для него на „наихудшее“, а для себя на „наилучшее“. Вѣдь нѣмцы — прекрасно организованный народъ. Призракъ крушенія германскаго пробудилъ въ нихъ крайнее напряженіе всѣхъ народныхъ силъ, патріотическое воодушевленіе охватило все слою германскаго народа. Онъ готовъ на самыя тяжкія жертвы въ борьбѣ за свое существованіе. Все понимаютъ въ Германіи, что эта война настоящая, „отечественная“. И правильно-ли предполагать, что при такомъ всеобщемъ одушевленіи и готовности къ жертвамъ, германское населеніе не пойметъ разумности принимаемыхъ правительствомъ мѣръ, не вѣрило-ли, что оно съ полною готовностью подчинится имъ, съ широкою предупредительностью пойдетъ этимъ мѣрамъ на встрѣчу и усовершенствуетъ ихъ во многихъ отношеніяхъ? Недостатка въ способахъ для разъясненія населенію разумности принимаемыхъ правительствомъ мѣръ, очевидно, въ Германіи не будетъ. Не будетъ, думаемъ мы, недостатка и въ готовности населенія понять эти разъясненія, и въ рвеніи къ ихъ осуществленію. Великіе историческіе моменты подвигаютъ на великія проникновенія, на великія жертвы, на великія дѣла. Вспомнимъ хотя-бы наше освобожденіе отъ „зеленаго змія“.

Не откажемъ-же и нѣмцамъ въ способности и готовности къ великимъ подвигамъ, и, быть можетъ, даже въ большей возможности ихъ осуществленія именно благодаря прекрасной организованности нѣ-

мецкаго народа. Вѣдь едва-ли кто сможетъ отрицать эту организованность.

Какое основаніе у насъ не предполагать со стороны вѣмцевъ исключительныхъ по своей грандіозности усилій и жертвъ? Восемь мѣсяцевъ войны, напротивъ, показали намъ, что они не только способны на такія усилія, но и превосходно осуществляютъ ихъ. Достаточно указать, что они сумѣли выставить армію въ процентномъ отношеніи къ количеству населенія вдвое большую, чѣмъ ихъ противники. Когда это было найдено нужнымъ ихъ начальниками, вѣмецкія войска, при всей губительности современнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня, шли въ атаку такими густыми массами, какъ въ Наполеоновскія времена. Съ какой огромной энергіей и умѣньемъ вѣмцы, живущіе въ странахъ западнаго полушарія, поддерживали и снабжали свои крейсера — безъ этого тѣ не могли-бы и впродолженіи мѣсяца продолжать свою дѣятельность. А отдали-ли вѣмцы въ руки англичанъ хоть одинъ свой корабль, даже будучи атакованы подавляющими силами противника, какъ это было напр., въ Фальклендскомъ бою? Да и много можно-бы было привести еще фактовъ.

„Золотой“ принципъ военнаго расчета не позволяетъ обосновываться на неминувости голода въ Германіи еще въ нынѣшнемъ году.

Но даже если-бы этихъ фактовъ и не было, все-таки „золотое правило“ военнаго расчета предписываетъ намъ не строить наши планы на неминувости голода у вѣмцевъ къ июню этого года, и на „невыполнимости“ тѣхъ мѣръ, которыя они предпринимаютъ для организаціи своей выносливости.

Напротивъ, будемъ считать, что мѣры эти цѣлесообразны, и что вѣмцы до новаго урожая выдержатъ, и именно потому будемъ готовы къ тому, что борьба затянется и на 1915—1916 продовольственный годъ, и въ предвидѣніи этого крѣпко и неустанно будемъ напирать на нашихъ противниковъ со всѣхъ сторонъ и всѣми мѣрами. И блокада должна становиться все строже и строже, и на нейтральныя страны надо воздѣйствовать всей силой замачивыхъ для нихъ соглашеній, чтобы перетянуть ихъ на нашу сторону, и надо поставить себѣ цѣлью именно въ періодъ посѣванія сбора и урожая вторгнуться въ Восточную Пруссію и Венгрію, хотя-бы даже съ расчетомъ не удержаться тамъ, съ опредѣленной цѣлью — уничтожить этотъ урожай, посадивъ потомъ на шею нашего-же противника прокормленіе лишненнаго пищевыхъ продуктовъ населенія. А если не имѣть этого въ виду, и рассчитывать, что къ июню въ Германіи наступитъ голодъ и война прекратится, можно многое упустить въ подготовкѣ всего необходимаго, чтобы побѣдить именно при продолженіи борьбы на „выносливость“ еще на годъ.

А если вѣмцы сдадутъ еще этимъ лѣтомъ, то вса эта подготовка не только не пропадетъ, но именно

она и послужитъ средствомъ, чтобы сокрушеніе нашего противника пошло огромными шагами, когда онъ начнетъ сдавать, и окажется настолько полнымъ, чтобы противникъ подчинился всѣмъ самымъ тяжкимъ, поставленнымъ нами условіямъ. А вѣдь всѣ согласны, что войну нельзя кончать пока сила германизма не будетъ не только надломлена, но сломлена окончательно.

Вотъ тѣ причины, по которымъ, съ нашей точки зрѣнія, не слѣдуетъ обосновывать наши планы на оптимистическихъ соображеніяхъ профессора Мигулина. Окажется онъ правъ — слава Богу. А лучше будемъ думать, что онъ не правъ, нисколько, конечно, не посягая на его научный авторитетъ.

Мнѣніе профессора Чупрова о возможности голода въ Германіи.

Тѣмъ болѣе надо стоять на этой точкѣ зрѣнія, что различные авторитеты въ области экономическихъ наукъ не совсѣмъ согласны въ своихъ выводахъ. Напр. профессоръ Чупровъ, подводя окончательный итогъ цѣлому ряду своихъ статей подъ заглавіемъ: „грозитъ-ли Германіи голодъ“*), говорить:

„Я не думаю, чтобы имѣющіяся у насъ въ распоряженіи свѣдѣнія давали право опредѣленно утверждать, что голодъ вынудитъ Германію сложить оружіе до истеченія сельско-хозяйственнаго года. Но я не считаю и исключенною возможность такого обостренія продовольственной нужды, которое заставитъ германцевъ прекратить борьбу. Для болѣе увѣреннаго прогноза необходимо было-бы располагать данными о количествѣ пищевыхъ припасовъ, имѣющихся, можно полагать, въ Германіи, но для насъ недоступными“.

„Съ болѣею степенью увѣренности можно ожидать, что Германія не сниметъ осенью со своихъ полей такой жатвы, которая сколько-нибудь обезпечитъ ей пропитаніе еще на цѣлый годъ. Это не значитъ, разумеется, что, какъ только выяснятся результаты новаго урожая, Германія запроситъ мира. Напротивъ, слѣдуетъ скорѣе ожидать, что будетъ сперва сдѣлана послѣдняя попытка новымъ отчаяннымъ натискомъ побудить противниковъ завести первыми рѣчь о мирѣ. Но если эта надежда не сбудется, если «furore teutonico» разобьется еще разъ о дружное сопротивление союзниковъ, то, даже при не вполне ясномъ положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, война неминуемо придетъ къ концу. Для войны необходимы, во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги и, въ третьихъ, деньги, — гласитъ завѣтъ государственной мудрости былыхъ временъ. Съ деньгами, казалось-бы, какъ не достать пропитанія. Но мировая война опрокидываетъ всѣ завѣты. Денегъ у Германіи довольно, — ея финансовая подготовка не хуже военной. И тѣмъ не менѣе англійская угроза взятъ Германію взморомъ — далеко не пустой звукъ“.

*) См. „Русскія Вѣдомости“.

Вѣроятно черезъ нейтральныя страны еще много идетъ въ Германію пищевыхъ продуктовъ.

И, собственно, если посмотреть насколько повысились цѣны на нѣкоторые продовольственные продукты въ Берлинѣ и въ Петербургѣ, то особой разницы въ пользу Петербурга нѣтъ.

По даннымъ, опубликованнымъ берлинскимъ статистическимъ комитетомъ *), съ іюля по январь, цѣна на ржаной хлѣбъ увеличилась на 18%, а на пшеничный—на 12¹/₂%. А по опубликованнымъ цѣнамъ въ 40 городахъ Пруссіи по сравненію съ декабремъ 1913 г. въ декабрѣ 1914 г. цѣны значительно повысились, соли—на 8,7%, муки ржаной—на 42,2%, масла на 20%, молока—на 3,3%, сахара на 5,5%.

Но и въ Петербургѣ **) эти продукты во время войны тоже сильно повысились, а именно: соль—на 57%, мука ржаная—на 18%, масло—на 30%, молоко на 25%, сахаръ—на 14%.

Въ числѣ этихъ продуктовъ только ржаная мука у насъ повысилась меньше, а остальные продукты значительно больше, чѣмъ въ Берлинѣ.

Мы не хотимъ ничего доказывать этими цифрами, такъ какъ очень трудно подобрать цифры для Берлина и Петербурга относительно тѣхъ-же продуктовъ, а тѣмъ болѣе составленныя одинаковымъ методомъ и для тѣхъ-же сроковъ ***).

Но все таки эти, хотя и отрывочныя цифры, показываютъ, что по цѣнамъ на нѣкоторые продукты, въ привозѣ которыхъ Германія нуждается, а мы совершенно не нуждаемся, еще особыхъ симптомовъ наступающаго голода въ Германіи нѣтъ. А это все таки показываетъ, что, несмотря на цѣлый рядъ запрещеній вывоза пищевыхъ продуктовъ изъ соседнихъ съ Германіей нейтральныхъ странъ, все-таки эти продукты туда вѣроятно попадаютъ въ значительномъ еще количествѣ.

На это повелѣтъ наводятъ насъ и многочисленныя объявленія въ берлинскихъ газетахъ о предложеніяхъ массовой поставки всевозможныхъ пищевыхъ продуктовъ изъ сопредѣльныхъ странъ. Недавно въ одной вечерней газетѣ были помѣщены точныя воспроизведенія объявленій изъ нѣсколькихъ номеровъ одной только газеты „Berliner Tageblatt“. Изъ нихъ мы узнаемъ, что румынскія фирмы предлагаютъ въ большихъ количествахъ кукурузу, ячмень и керосинъ, итальянскія—оливковое масло, макаронныя, фрукты, консервы, шоколадъ, бисквиты, колбасы, глицеринъ, металлы, и вообще пищевыя припасы и всевозможныя товары (Lebensmittel und alle möglichen Waren; Mailand ober franco geliefert Deutschland oder Oesterreich).

*) Новый Экономистъ. № 7, стр. 13.

**) См. Новый Экономистъ, № 6, статья профессора М. Туганъ-Варащевскаго.

***) Поэтому мы напр. выкинули тѣ продукты, которые не фигурируютъ въ обоихъ указанныхъ нами источникахъ.

Въ Копенгагенѣ-же первоклассная фирма объявляетъ, что беретъ представительство первоклассныхъ германскихъ торговыхъ предпріятій для покупки и перепродажи пищевыхъ и другихъ припасовъ. Датчане предлагаютъ исландскую баранину, соленую и мороженую, свинину, шерсть, кожи, картофель, яйца, масло, сало, гуляшъ (особые мясные консервы), треску, селедки, ветчину, чай, кофе. А между тѣмъ Данія вѣдь всегда нуждалась въ сибирскомъ маслѣ и русскихъ яйцахъ, и, какъ извѣстно, собственныхъ чайныхъ и кофейныхъ плантацій не имѣетъ. Шведы и норвежцы предлагаютъ консервы, а голландцы, крокъ сыра и какао, продаютъ и свиней. Довольно показательныя объявленія объ иерѣ, изъ которыхъ одно буквально гласитъ такъ: „икра малосольная, 12, 16 и 20 марокъ за фунтъ. Кетовая малосольная (красная) 6 марокъ за фунтъ. Высылается въ любомъ количествѣ наложеннымъ платежомъ. Адресовать: Берлинъ, обществу „Икра“.

Конечно икрой не накормить голодающую страну, но не является-ли именно икра показателемъ, что въ Германію проникаетъ многое и гораздо болѣе ей нужное, что проникать въ нее никакъ-бы не должно было.

Исторія заставляетъ крайне вздумчиво относиться къ вопросу объ экономическихъ репрессіяхъ по отношенію къ противнику черезъ нейтральныхъ.

Значитъ еще много щелей надо заткнуть, чтобы изолировать нѣмецкія имперіи, и для этого должны быть употреблены чрезвычайныя усилія. Вотъ почему, будемъ тщательно изучать все, что говорятъ намъ ученые экономисты, но оптимизмомъ ихъ заражаться не будемъ. Это отдаляетъ насъ отъ побѣды. Вспомнимъ лучше исторію, изъ которой мы увидимъ, что въ знаменитой борьбѣ Наполеона съ Англіей, которая велась тоже по существу на экономической почвѣ, и была борьбой за выносливость („континентальная система“),—никакія мѣры, даже самыя драконовскія, не могли прекратить просачиваніе товаровъ и продуктовъ туда, гдѣ въ нихъ нуждались и готовы были платить хорошія деньги, и что именно чрезмѣрные требованія Наполеона къ нейтральнымъ въ вопросѣ о прекращеніи ихъ торговли съ Англіей вызвали тѣ ихъ войны съ Франціей, въ которыхъ и погибъ Наполеонъ. Поэтому къ нейтральнымъ нельзя предъявлять только требованія, надо ихъ привлекать и обширными, конечно въ разумныхъ предѣлахъ, компенсаціями. А въ то-же время для военныхъ силъ должно быть неустанное крайнее напряженіе силъ, какъ будто и не существуетъ никакихъ надеждъ на экономическое истощеніе противника. Всѣ усилія наибольшія и всѣ вмѣстѣ, а не порознь, не одно за другимъ. Вотъ важнѣйшій залогъ дѣйствительно рѣшительныхъ побѣдъ.

Русско-германо-австрійскій театръ.

Хотя планъ послѣдняго германо-австрійскаго наступленія нельзя считать еще ликвидированнымъ, но положеніе наше значительно улучшилось.

Событія восьмого мѣсяца войны на этомъ театрѣ дали много данныхъ надѣяться на скорую ликвидацию германо-австрійскаго плана, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ очеркѣ. Но, какъ мы и указывали въ немъ, этотъ планъ окончательно ликвидированнымъ можно считать лишь тогда, какъ на сѣверѣ нѣмцы отойдутъ отъ Осовца, а на югѣ—когда германо-австрійцы уйдутъ за р. Прутъ, и отступятъ на Карпатскихъ перевалахъ.

Но вотъ ни того, ни другого до сихъ поръ нѣтъ, и значить говорить объ окончательномъ успѣхѣ операций нашихъ армій, на флангахъ ихъ общаго расположенія пока рано, но что можно сказать определенно—наше положеніе значительно улучшилось за этотъ мѣсяцъ на обоихъ флангахъ, и въ особенности на лѣвомъ съ паденіемъ Перемышля.

Наступленіе нѣмцевъ на Праснышь и Ломжу потерпѣло неудачу.

Въ Сѣверной Польшѣ послѣ крупной неудачи подъ Праснышемъ нѣмцы, за исключеніемъ Осовецкаго района, отошли было къ своей границѣ, но съ двадцатыхъ чиселъ февраля, получивши значительныя подкрѣпленія, вѣроятно перебросенныя изъ Западной Литвы, гдѣ они ограничивались строго-оборонительнымъ образомъ дѣйствій, нѣмцы вновь перешли въ наступленіе на путяхъ къ Праснышу и Ломжѣ, на фронтѣ Хоржеле—Щучинъ.

Однако и на этотъ разъ они встрѣтили упорное сопротивленіе съ нашей стороны, перешедшее постепенно въ наступленіе, въ особенности на лѣвомъ нашемъ флангѣ, въ долинахъ рѣкъ Оржица и Омудева.

Нѣмцы упорно продолжали удерживать свои позиціи, обезпечивающія безопасность ихъ операций противъ Осовца.

На правомъ-же флангѣ этой группы нашихъ войскъ нѣмцы продолжали упорно держаться, обезпечивая такимъ образомъ развитіе своихъ операций противъ Осовца. Но обложить крѣпость имъ все-таки не удалось, и все дѣло здѣсь ограничивалось бомбардировкой съ батарей, расположенныхъ на правомъ берегу Вобра.

Особенно усиленно обстрѣливали нѣмцы эту крѣпость изъ 12 дюймовыхъ мортиръ 23-го и 24-го февраля, но все-таки ослабить ея огня они не могли. 1-го марта артиллерія Осовца удалось подбить нѣсколько тяжелыхъ орудій на осадныхъ батареяхъ противника, а съ 3-го марта, по официальнымъ свѣдѣніямъ, германцы начали увозить свои тяжелыя батареи. Первыми были увезены двѣ 42 с/м. мортиры,

изъ которыхъ одна была повреждена нашимъ огнемъ. Ни одинъ выстрѣлъ изъ этихъ мортиръ не попалъ въ бетонныя постройки крѣпости, такъ что мы не могли составить себѣ сужденія объ ихъ разрушительномъ дѣйствіи. Попаданія 11 и 12 дюймовыхъ бомбъ въ бетонъ были довольно многочисленны, но ни одинъ изъ казематовъ крѣпости не былъ пробитъ. За все время боевъ подъ Осовцомъ противнику не удалось вытѣснить нашу пѣхоту изъ полевыхъ укрѣпленій, вынесенныхъ на двѣ версты впередъ отъ крѣпостной позиціи. Съ 9-го марта въ крѣпости могли отмѣтить, что огонь германскихъ батарей значительно ослабѣлъ.

Отступленіе нѣмцевъ отъ средняго Нѣмана.

Въ Западной Литвѣ послѣ Праснышской неудачи сопротивленіе нѣмцевъ значительно ослабѣло и они начали отступать отъ средняго Нѣмана по всей линіи.

Опять съ особеннымъ упорствомъ они защищали участокъ между верхнимъ Бобромъ и Августовымъ, такъ какъ этимъ они обезпечивали безопасность своей операціи въ Осовецкомъ районѣ, и здѣсь нашимъ войскамъ не удалось оттѣснить ихъ дальше Ястрембы.

Сѣвернѣе-же нѣмцы, хотя и медленно, но отступили на линію Сейны—Сямно—Маріамполь—Цильвишки.

Операціи на правомъ берегу Нѣмана.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ отъ средняго Нѣмана, наши войска съ цѣлью рекогносцировки произвели набѣгъ на крайнемъ правомъ флангѣ своего расположенія—на правомъ берегу Нѣмана. Для этого было направлено два отряда: сѣверный изъ Горжды на Мемель, и изъ Таурогена на Тильзитъ. Первому удалось 5-го марта съ палета захватить Мемель, но удержаться онъ тамъ не могъ, и 9-го марта онъ отошелъ на нашу территорію. Второй отрядъ 8-го марта оттѣснилъ нѣмцевъ съ нашей территоріи, и овладѣлъ конечной станціей германской желѣзной дороги, идущей отъ Тильзита къ нашей границѣ—Лауксаргеномъ, гдѣ были захвачены плѣнные и складъ боевыхъ припасовъ и инженернаго имущества.

Германская эскадра обстрѣлила побережье у Полагенга.

Въ отвѣтъ на это германская эскадра въ составѣ 7 большихъ судовъ и 28 миноносцевъ весь день 10-го марта крейсеровала въ виду Полагенскаго побережья, причѣмъ обстрѣлила нѣкоторыя изъ нашихъ прибрежныхъ деревень.

Оборона Галиціи.

Теперь, когда палъ Перемышль, и значить когда уже извѣстно, что вирожденія послѣдняго мѣсяца онъ находился въ агоніи, становятся понятными и тѣ эперичныя успія, которыя проявляли австро-германскія войска на Карпатскихъ перевалахъ, идущихъ

къ Перемышлю и Львову. Они-то очень хорошо знали, что Перемышль не можетъ уже долго держаться и потому хотѣли во что-бы то ни стало его выручить, такъ какъ съ его паденіемъ освобождалась наша осаждающая армія, и тогда планъ вытѣсненія насъ изъ Галиціи въ значительной мѣрѣ становился несбыточнымъ. Съ другой стороны, нѣмцы могли предполагать, что послѣ паденія Перемышля, мы, надѣясь удержать Галицію находившимися тамъ силами и безъ осаждающей арміи—и дѣйствительность показала, что это такъ и есть,—можемъ перебросить эту армію или на Взуру, или на Наревъ, и тогда передъ нѣмцами встанетъ опасность прорыва ихъ линіи въ Польшѣ. Вотъ почему они такъ энергично помогали австрійцамъ въ ихъ усиліяхъ освободить Перемышль. Однако всѣ эти совмѣстныя усилія нашихъ противниковъ не привели ни къ чему. Несмотря на рядъ обшечныхъ ихъ атакъ на всѣхъ перевалахъ, мы не только отражали всѣ эти атаки съ огромными для нихъ потерями, но на правомъ флангѣ нашего расположенія въ Карпатахъ, хотя и очень медленно, но все время продвигались впередъ, и при этомъ продвиженіи, какъ въ этомъ районѣ, такъ и во время контръ-атакъ на другихъ перевалахъ, забирали большія количества плѣнныхъ, орудіи и пулеметовъ.

Столь же неудачны были попытки австрійцевъ пробиться въ тылъ Львовскаго района, по направленію на Галичъ или во всякомъ случаѣ ослабить этимъ движеніемъ наше сопротивленіе въ карпатскихъ проходахъ. Эта неудача уже ясно обрисовалась еще въ концѣ седьмого мѣсяца войны, и наши усилія продолжались здѣсь развиваться и дальше, безъ ослабленія, какъ мы видѣли выше, нашихъ усилій на Карпатскихъ перевалахъ.

19-го февраля наши войска заняли Станиславовъ, и вслѣдъ затѣмъ сбили австрійцевъ съ укрѣпленной ихъ позиціи на р. Выстрицѣ, при чемъ были захвачены сотни плѣнныхъ. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, австрійцы съ подошедшими къ нимъ на помощь нѣмцами попытались было обойти лѣвый флангъ нашей Галичской группы и появились у Днѣстра въ районѣ Нижнева и Незвиска, но и здѣсь они были отгѣснены 1-го марта къ Обертыню, и въ этотъ же день между этимъ пунктомъ и желѣзной дорогой Станиславовъ—Колымыя наша пѣхота, идя въ атаку по грудѣ въ свѣгу, овладѣла непріятельскими укрѣпленіями, причемъ было захвачено свыше 2.000 ч. плѣнныхъ съ 20 офицерами и 7 пулеметами. 6 го марта наши войска уже продвинулись къ Надворной, къ сѣверу отъ которой противникъ занялъ сильно укрѣпленную позицію.

Паденіе Перемышля.

А Перемышль между тѣмъ находился въ агоніи. Фактъ этотъ, хорошо извѣстный нашимъ противникамъ, началъ выясняться и для насъ.

28-го февраля наши войска овладѣли нечаяннымъ нападеніемъ австрійскими позиціями у селенія Малковице, всего въ двухъ верстахъ отъ сѣверо-восточныхъ фортовъ Перемышля, при чемъ весь австрійскій батальонъ былъ взятъ въ плѣнъ, и позиціи эти мы удержали. Вслѣдъ за этимъ завязалась артиллерійская перестрѣлка, и 2-го марта наши войска на сѣверномъ фронтѣ крѣпости заняли высоты на ружейномъ выстрѣлѣ отъ фортовъ.

Эти успѣхи нашихъ войскъ, вмѣсто тщетно ожидаемой выручки своими, заставили гарнизонъ, у котораго пищевые и боевые припасы приходили къ концу, посилить съ послѣдней попыткой прорваться изъ крѣпости, съ тѣмъ, что если эта попытка не удастся, и австрійская армія все-таки на выручку не придетъ, прекратить сопротивленіе и положить оружіе.

5-го марта съ утра австрійцы открыли страшный огонь со всѣхъ фортовъ сѣвернаго и южнаго фронта, какъ бы подготавливая атаку именно по одному изъ этихъ направлений. Огонь этотъ продолжался непрерывно впродолженіи цѣлыхъ сутокъ—около 20.000 снарядовъ выпустили австрійцы, зная уже впередъ, что эти послѣдніе запасы больше не понадобятся, и все-равно ихъ придется въ случаѣ неудачи прорыва уничтожить или отдать противнику.

Однако направленія обстрѣла были лишь демонстративными. На разсвѣтѣ 6-го марта 23-я гонведная дивизія, образующая ядро гарнизона крѣпости, произвела рѣшительную вылазку въ восточномъ направленіи вдоль желѣзной дороги, идущей на Львовъ. Въ случаѣ удачі этой вылазки, направленной въ районъ нашихъ тыловыхъ учрежденій, австрійцы, быти можетъ, надѣялись отвлечь такіа большія наши силы съ западнаго фронта крѣпости, что могъ представиться возможнымъ прорывъ всего гарнизона крѣпости по направленію къ Карпатамъ. При существованіи безпроводнаго телеграфа это движеніе могло быть согласовано съ энергичнымъ натискомъ австро-германской карпатской арміи. Однако вылазка потерпѣла полную неудачу. Уже къ 2-мъ часамъ дня, не достигнувъ даже нашихъ окоповъ, и понеся огромныя потери отъ нашего огня, 23 гонведная дивизія была отброшена за линію фортовъ, при чемъ нами было взято въ плѣнъ 107 офицеровъ и 3.954 няжныхъ чина и захвачено 16 пулеметовъ.

Съ своей стороны наши осаждающія войска перешли въ наступленіе. 7 марта былъ занятъ на западномъ фронтѣ Красичинъ, и на всемъ обводѣ крѣпости гарнизонъ былъ отгѣсненъ на линію фортовъ. Въ ночь на 8-е марта часть гарнизона произвела вылазку по направленію на Уйковецъ, и такъ какъ она легко была отброшена съ большими потерями, комендантъ крѣпости генераль Кусманекъ окончательно убѣдился, что никакой надежды на прорывъ нѣтъ.

9 марта съ разсвѣтомъ по всей линіи укрѣпленій

начались оглушительные взрывы — это австрійцы взрывали свои форты и остатки боевыхъ припасовъ, а въ 6 ч. утра въ ставку командующаго осадной арміей генерала Селиванова явились австрійскіе парламентары съ объявленіемъ о сдачѣ. Генераль Кусманекъ сдалъ крѣпость и гарнизонъ безъ всякихъ условій. По его даннымъ составъ сдавнагося гарнизона опредѣляется въ 9 генераловъ, 93 штабъ-офицера, 2,500 оберъ-офицеровъ и чиновниковъ и 117.000 нижнихъ чиновъ.

Возможныя благоприятныя послѣдствія для насъ паденія Перемышля.

Значеніе для насъ сдачи Перемышля чрезвычайно велико. Прежде всего освобождается наша осадная армія, которая должна была значительно превышать численность гарнизона, и эта большая сила съ многочисленной тяжелой артиллеріей и осаднымъ паркомъ можетъ быть кинута въ любой пунктъ нашего фронта, и долго наши противники не будутъ знать — куда именно мы кинули эту силу. А потому наши противники будутъ ее ожидать на многихъ участкахъ фронта, и изъ этого ожиданія и сопряженной съ этимъ нерѣшительности, мы можемъ надѣяться извлечь извѣстныя выгоды, и въ особенности на томъ участкѣ, куда мы дѣйствительно направимъ эти освободившіяся наши силы.

Затѣмъ Перемышль являлся важнымъ узломъ желѣзныхъ и шоссевыхъ дорогъ, и прерывая ихъ для насъ, онъ значительно затруднялъ передвиженіе нашей арміи вдоль Карпатъ и ея снабженіе изъ района Львова. Въ немъ прерывались всѣ двухколейныя пути галиційской желѣзно-дорожной сѣти, которая теперь полностью поступаетъ въ наше распоряженіе. Вѣроятно найдется въ немъ и значительная часть желѣзнодорожнаго подвижнаго состава.

Такимъ образомъ вслѣдствіе паденія Перемышля армія наша въ Галиціи значительно усилится и получитъ гораздо большую свободу передвиженія и снабженія. Это можетъ оказаться крупнымъ залогомъ дальнѣйшихъ ея успѣховъ.

Турецкій театръ.

Подготовку атаки внутреннихъ фортовъ въ Дарданеллахъ союзный флотъ велъ безъ въ высшей степени цѣннаго въ этомъ случаѣ содѣйствія значительныхъ сухопутныхъ силъ.

Наибольшее значеніе на этомъ театрѣ несомнѣнно имѣютъ операціи въ Дарданеллахъ.

Послѣ того, какъ въ промежутокъ времени съ 6 по 13 февраля союзный флотъ уничтожилъ входные форты, главной задачей его явилось очищеніе отъ минъ такого пространства пролива, чтобы можно было приступить къ рѣшительной атакѣ главной группы турецкихъ фортовъ, расположенныхъ въ самой

узкой части пролива. Это пространство должно было быть таково, чтобы флотъ, обладающій преимуществомъ въ современности, силѣ и дальности орудій, могъ сначала начать бой съ дальнихъ дистанцій, и потомъ, по мѣрѣ ослабленія огня фортовъ, могъ-бы подходить все ближе и ближе, чтобы съ близкихъ дистанцій нанести имъ такіа поврежденія, которыя не могли бы быть исправлены за время перерыва въ атакѣ, являющимся вынужденнымъ, когда вслѣдствіе дурной погоды прекращается возможность точной стрѣльбы и цѣлесообразнаго направленія огня съ помощью аэроплановъ.

И вотъ эта работа по очищенію отъ минъ такого пространства является чрезвычайно длительной, и опасной. Ее приходится производить подъ огнемъ и фортовъ, и полевыхъ батарей, искусно скрытыхъ въ складкахъ мѣстности. Поэтому суда, вылавливающія мины, должны все время поддерживаться броненосцами. Но послѣднимъ очень трудно уничтожать полевые батареи, скрытыя за гребнями горъ, и именно въ этомъ отношеніи дѣло могли значительно облегчить десантныя войска, которыя продвигались-бы отъ входныхъ мысовъ вдоль береговъ при поддержкѣ флота. Но, хотя и появлялись въ печати нѣсколько разъ свѣдѣнія о значительныхъ количествахъ сухопутныхъ войскъ, подготовленныхъ въ Египтѣ и въ Алжирѣ къ отправкѣ въ Дарданеллы, но о высадкѣ ихъ не было слышно, и, повидимому, союзный флотъ по какимъ-то причинамъ былъ лишенъ для выполненія своей исключительно трудной задачи этого драгоценнаго содѣйствія серьезныхъ сухопутныхъ силъ.

Этимъ, пожалуй, надо объяснить тотъ фактъ, что на подготовку пространства внутри пролива необходимаго флоту для маневрированія при рѣшительной атакѣ внутренней группы фортовъ, пошло почти три недѣли. За этотъ промежутокъ времени, броненосцы, прикрывавшія траляція суда, обстрѣливали съ дальнихъ дистанцій форты внутренней группы, но существенныхъ поврежденій, не имѣя возможности свободно маневрировать, нанести имъ не могли. Пробовали союзники обстрѣливать эти форты со стороны Егейскаго моря перекиднымъ огнемъ черезъ Галлипольскій полуостровъ, при чемъ огонь корректировался съ судовъ, находившихся внутри пролива, но и этотъ способъ не далъ существенныхъ результатовъ, хотя перекидной огонь велся съ самыхъ сильныхъ судовъ, находящихся въ составѣ эскадры адмирала Секвилъ-Гардена.

Неудачная атака внутреннихъ фортовъ въ Дарданеллахъ 5 марта.

Къ 5 марта, наконецъ, необходимое пространство для маневрированія значительныхъ морскихъ силъ внутри пролива было очищено отъ минъ, и английскому крейсеру *A methyst* удалось перерѣзать кабель, соединяющій Килидъ-Бахръ съ Чанакъ-Калесси, и тѣмъ нарушить въ извѣстной мѣрѣ сомыѣтность

дѣйствій турецкихъ фортовъ, лежащихъ на различныхъ берегахъ пролива.

5 марта въ 10 ч. 45 м. утра союзный флотъ повелъ рѣшительную атаку изнутри пролива противъ второй группы фортовъ.

Queen Elisabeth, inflexible, Agamemnon и Lord Nelson, т. е. четыре сильнѣйшихъ броненосца союзнаго флота, начали съ дальняго разстоянія обстрѣливать форты Калидъ-Вахръ и Чанакъ-Калесса, а броненосцы Triumph и Prinz George открыли огонь по батареямъ укрѣпленія Дарданосъ, уже значительно пострадавшаго во время работъ по очисткѣ пролива отъ минныхъ загражденій. Полевая турецкая артиллерія приняла дѣятельное участіе въ завязавшемся бою.

Въ 12 ч. 22 м., когда огонь фортовъ былъ уже нѣсколько ослабленъ, французская эскадра въ составѣ броненосцевъ Suffren, Gaulois, Charlemagne и Bouvet продвинулась глубже въ проливъ и атаковала форты на близкомъ разстояніи. Въ 1 ч. 25 м. всѣ форты прекратили огонь, но и броненосцы потеряли отъ турецкаго огня, а потому въ проливъ вошли броненосцы Vengeance, Irresistible, Albion, Ocean, Suifsure и Majestic, чтобы смѣнить тѣ 6 броненосцевъ, которые сражались съ фортами на близкой дистанціи.

И вотъ въ тотъ моментъ, когда французская эскадра направлялась къ выходу изъ пролива, броненосецъ Bouvet наткнулся на плавучую мину и затонулъ меньше чѣмъ въ 3 минуты, на глубинѣ 36 сажень, при чемъ изъ всего его экипажа спаслось всего 64 человекъ. Вѣроятно взрывъ мины имѣлъ послѣдствіемъ взрывъ запаса снарядовъ внутри броненосца.

Естественно, что быстрая гибель французскаго броненосца не могла не отразиться на согласованности и планомерности дальнѣйшаго боя. Атака фортовъ продолжалась, но естественно, что вниманіе въ значительной мѣрѣ отвлекалось ожиданіемъ новыхъ плавучихъ минъ. И дѣйствительно эти опасенія не были напрасны. Въ 4 ч. 9 м. миной былъ подорванъ броненосецъ Irresistible, а въ 6 ч. 5 м. та же участь постигла и броненосецъ Ocean. Оба затонули на глубокомъ мѣстѣ, но все-таки они продержались на водѣ достаточное время, чтобы можно было спасти ихъ экипажъ почти въ полномъ составѣ, хотя и пришлось это дѣлать подъ усиленнымъ огнемъ непріятели. Въ это время наступили сумерки и атака была прекращена.

Эти тяжкія потери, конечно, еще болѣе нарушили дѣйствительность огня съ судовъ, и надо думать, что въ результатъ эта атака не достигла рѣшительныхъ результатовъ, и поврежденія фортовъ могутъ быть въ значительной мѣрѣ исправлены.

Изъ броненосцевъ болѣе серьезныя поврежденія имѣли Inflexible и Gaulois, которые, вѣроятно, направились на Мальту для производства исправленій.

Плавучія мины въ Дарданеллахъ не могли быть неожиданными для нашихъ союзниковъ.

Какъ въ официальныхъ сообщеніяхъ объ этомъ боѣ, такъ и въ отзывѣхъ о немъ въ печати проскальзываетъ представленіе о внезапности для союзнаго флота появленія плавучихъ минъ. Мы положительнo не допускаемъ никакой возможности такого представленія. Могли быть не приняты достаточныя мѣры противъ этихъ минъ, и тогда понятны слова англійскаго сообщенія, что „эта опасность потребуетъ особыхъ мѣръ“, и тогда можно только съ крайнимъ сожалѣніемъ отнестись къ тому, что эти особыя мѣры какъ будто не были примѣнены въ зонахъ, которыя согласно тому-же англійскому донесенію „до этого были совершенно очищены отъ минъ“. Могли быть и приняты всѣ эти особыя мѣры, и онѣ могли оказаться не достаточно дѣйствительными, и несмотря на нихъ броненосцы все-таки могли быть подорваны. Эти мины, потопившія броненосцы, могли быть не только плавучими, шедшими по теченію, но и самодвижущимися, выпущенными изъ хорошо замаскированныхъ складовъ берега.

Но, чтобы появленіе тѣхъ или другихъ минъ могло быть „внезапнымъ“, чтобы не было самыхъ вѣскихъ основаній *обязательно* рассчитывать на ихъ появленіе, — это, повторяемъ, — совершенно немислимо.

Плавучія мины изобрѣтены давно, свойства ихъ хорошо извѣстны всѣмъ флотамъ, и обстановка въ Дарданеллахъ, гдѣ поверхностное теченіе идетъ изъ Мраморнаго моря въ Эгейское — исключительно благоприятна для примѣненія такихъ минъ.

Конечно, возможно, что предполагали отсутствіе такихъ минъ у турокъ, такъ какъ ихъ у нихъ не было до войны. Объ этомъ, конечно, могъ знать англійскій адмиралъ, командовавшій турецкимъ флотомъ еще въ началѣ этой войны. Но едва ли, если дѣйствительно это соображеніе повліяло на непріятели „особыхъ“ мѣръ, — это соответствовало „золотому“ принципу военнаго расчета. Турки могли получить сколько угодно такихъ минъ изъ Германіи, такъ какъ и Румыніа и Болгарія, хотя и дѣлаютъ видъ, что онѣ что то не пропускаютъ въ Турцію, и время отъ времени для вида объявляютъ на весь міръ о задержаніи нѣсколькихъ вагоновъ съ военной контрабандой, на самомъ дѣлѣ пропускаютъ все что угодно. Чѣмъ хуже пойдутъ дѣла нашихъ союзниковъ, тѣмъ больше надѣются нейтральные съ насъ сорвать за степень своего нейтралитета или будущаго участія, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ пропускъ военной контрабанды позволяетъ имъ вести торгъ и съ нашими противниками. Имъ по существу все равно которая группа европейскихъ державъ побѣдитъ. Имъ нужно только дѣйствовать такъ, чтобы непремѣнно оказаться въ лагерѣ побѣдителей и имѣть возможность какъ можно больше потребовать съ нихъ за свое яко бы имъ содѣйствіе.

Неудача союзнаго флота въ Дарданеллахъ отъ плавучихъ минъ еще больше подчеркиваетъ остроту сознания слабости Черноморскаго флота.

Нельзя, кстати, не упомянуть здѣсь еще разъ о томъ горькомъ сожалѣніи, которое мы должны испытывать въ этой войнѣ о неимѣніи у насъ сильнаго флота. Вотъ для него эта опасность, при операціяхъ въ Босфорѣ подобныхъ операціямъ нашихъ союзниковъ въ Дарданеллахъ, дѣйствительно бы не существовала, и судя по тѣмъ успѣхамъ, которыхъ союзники достигли относительно фортовъ,—успѣховъ, рѣзко прерванныхъ плавучими минами,—нашъ флотъ, если бы онъ былъ для этого достаточно могуществененъ, былъ бы у Царь-Града. Но все это лишь горькія мечты!

Принципъ крайняго напряженія силъ требуетъ особеннаго напряженія энергіи въ операціяхъ у Дарданеллъ, именно теперь.

Возвращаясь же къ дѣйствительности, надо отмѣтить, что и удачный выпускъ турками плавучихъ минъ, въ значительной мѣрѣ обусловленъ тѣмъ большимъ промежуткомъ времени, который они имѣли въ своемъ распоряженіи между атаками входныхъ и внутреннихъ фортовъ. Это время, вѣроятно, могло бы быть значительно сокращено, если бы союзники въ самомъ началѣ своихъ операцій высадили на Галлипольскій полуостровъ значительное количество войскъ. О такой высадкѣ, повторяемъ, не слышно, однако, и до сихъ поръ. Неужели дѣйствительно рассчитывали на тѣ 50.000 греческихъ войскъ, которыхъ хотѣлъ дать Венизелосъ за предоставленіе Греціи въ видѣ вознагражденія Смирнскаго вилайета. И неужели, разъ этотъ расчетъ рухнулъ изъ за паденія Венизелоса, (такъ какъ Греція подъ влияніемъ искусной германской дипломатіи начала мечтать о гораздо большемъ), то ужъ не было ничего подготовленнаго на случай неудачи столь сомнительнаго расчета? И неужели и вся операція атаки съ моря Смирны, такъ и оставшаяся незаконченной послѣ паденія Венизелоса и неудачи 5 марта въ Дарданеллахъ, тоже вся зиждилась на такихъ колеблющихся основахъ?

Если что нибудь и было похожее на это, то принципъ крайняго напряженія силъ властно требуетъ именно теперь, чтобы не дать противнику использовать все послѣдствія его крупнаго успѣха, проявленія крайней энергіи въ достиженіи поставленной себѣ цѣли. Если преодолѣть „моральное“ впечатлѣніе отъ крупной, понесенной нашими союзниками неудача, то вѣдь матеріальная потеря трехъ броненосцевъ, и притомъ самыхъ слабыхъ и самыхъ старыхъ изъ тѣхъ шестнадцати, которые принимали участіе въ бою 5 марта, не такова, чтобы что нибудь измѣнить въ соотношеніи силъ флота и береговыхъ укрѣпленій. На мѣстѣ находится еще два англійскихъ броненосца *Cornwallis* и *Salopus*, не принимавшіе участія въ этомъ бою, а въ Эгейскомъ морѣ еще одинъ французскій броненосецъ *Henri IV*, которому уже

приказано французскимъ министромъ замѣнить погибшіи *Boive*. Уже дано приказаніе спѣшить къ Дарданелламъ двумъ англійскимъ броненосцамъ *Queen* и *Implacable*, которые еще заранѣе были отправлены изъ Англии на смѣну такихъ кораблей, которые будутъ серьезно повреждены въ ожидавшемся бою. И уже получено, хотя и частное извѣстіе, что прибыли къ Дарданелламъ англійскій генералъ Гамилтонъ, назначенный командовать войсками, предназначенными къ высадкѣ въ Галлипольскій полуостровъ. Если войска эти достаточно многочисленны, то все послѣдствія неудачи могутъ быть быстро заглажены. Только бы было дѣйствительно „крайнее напряженіе силъ“, и въ сосредоточеніи необходимаго числа кораблей, и въ „особыхъ мѣрахъ“ по охраненію ихъ отъ плавучихъ минъ“, и въ высадкѣ сразу достаточнаго количества войскъ, и въ энергичномъ напорѣ на нейтральныя балканскія государства. Будемъ твердо вѣрить, что все это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, и тогда открытіе проливовъ не за горами.

Операціи въ Черномъ морѣ.

Съ своей стороны черноморскій нашъ флотъ чѣмъ можетъ содѣйствуетъ операціямъ союзниковъ. Сообщеніе Константинополя съ Дарданеллами поддерживается почти исключительно моремъ, такъ какъ путь по берегу кружный и желѣзной дороги нѣтъ. Но для пароходовъ нуженъ уголь, а уголь получается изъ Зунгулдакскихъ копей. И вотъ 22 го февраля черноморскій флотъ подвергъ энергичной бомбардировкѣ Зунгулдакъ и сосѣднія Эрегли, Килими и Козлу. Батареи, защищавшія подступы къ копамъ съ моря, были приведены къ молчанію. Разрушены были сооруженія для добычи, промывки и перевозки угля, пристави и сараи. При этомъ было потоплено 8 пароходовъ и одно большое парусное судно. И опять германо-турецкій флотъ не былъ въ состояніи выйти, чтобы помѣшать этому. Значитъ *Goeben* дѣйствительно выведенъ изъ строя!

Въ отместку одинъ изъ турецкихъ крейсеровъ, типа *Гамидіэ* появился съ разсвѣтомъ 5-го марта въ районѣ Теодосіа и обстрѣлялъ находящуюся въ 12 верстахъ отъ города Двукорную бухту, гдѣ находится заводъ Лесснера. Но опасаясь появленія нашего флота, турецкій крейсеръ долженъ былъ торопиться, и онъ успѣлъ только повредить нѣкоторыхъ зданій завода, при чемъ изъ людей никто не пострадал. Новое и обыкновенное турецкое „озорство“, по существу для насъ безвредное, а для турокъ бесполезное, но предупредить которое нашъ флотъ не въ силахъ изъ-за недостатка въ быстроходныхъ судахъ, кромѣ миноносцевъ.

Операціи на Кавказскомъ театрѣ.

На Кавказскомъ театрѣ наши войска продолжали развивать свои успѣхи въ разныхъ мѣстахъ своего фронта.

Въ зачорохскомъ краѣ вслѣдъ за занятіемъ Хопи наши войска овладѣли Архавой, и такимъ образомъ постепенно отрѣзываютъ турокъ еще продолжающихъ держаться въ нашихъ предѣлахъ въ районѣ Артына отъ моря.

Въ Алашкергской долинѣ, у Зейдеяна, находящагося въ 11 верстахъ къ югу-западу отъ Алашкерта, турки послѣ двухъ-дневнаго боя, были разбиты, при чемъ наши войска взяли въ плѣнъ три роты турокъ и захватили значительное количество боевыхъ припасовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ Азербейджанѣ наши войска двинулись на югъ отъ Хоя и 24-го февраля въ бою у Дильмана, т. е. на пути къ Ханъ-Сурскому перевалу, потѣснили турокъ и взяли у нихъ одно орудіе съ тремя зарядными ящиками.

Демонстрація турокъ у Суэцкаго канала.

9-го марта турки вновь подали признаки жизни у Суэцкаго канала, и столь-же неудачно, какъ и при первомъ своемъ тамъ появленіи. На этотъ разъ они подошли къ самой южной части канала по каранному пути изъ Мекки. Турецкій отрядъ изъ пѣхоты и артиллерія состоялъ всего изъ 1.000 ч. Когда летчики выяснили составъ непріятельскихъ силъ, генералъ Юнгхезендъ направился къ нему навстрѣчу, и принудилъ его къ поспѣшному отступленію. Плѣнные показали, что при отрядѣ находился германскій генералъ фонъ-Траумеръ съ тремя германскими офицерами. Надо думать, эта попытка турокъ имѣла задачей обратить вниманіе англичанъ на южную часть Суэцкаго канала, и помѣшать имъ отправить войска изъ Египта въ Дарданеллы.

Франко-бельгійскій театръ.

Наступательная тенденція перешла отъ нѣмцевъ къ нашимъ союзникамъ.

Какъ и въ предыдущіе мѣсяцы, несмотря на частыя продвижки нашихъ союзниковъ впередъ, не существуетъ пока никакихъ признаковъ того, чтобы они перешли въ серьезное наступленіе. Одно, что можно отмѣтить на этомъ театрѣ — это ослабленіе наступательной тенденціи у нѣмцевъ и переходъ этой тенденціи къ нашимъ союзникамъ. Но, конечно, отъ тенденціи до самаго наступленія еще очень далеко.

Германскія подводныя лодки все не могутъ помѣшать англичанамъ бомбардировать бельгійское побережье.

Однако, что мы находимъ необходимымъ отмѣтить на этомъ театрѣ—это официальное французское сообщеніе, что 1-го марта небольшая англійская эскадра бомбардировала Вестенде и достигла удовлетворительныхъ успѣховъ. Значитъ до сихъ поръ англи-

чане остаются хозяевами у бельгійскаго берега, и германскія подводныя лодки не могутъ помѣшать англійскимъ бомбардировкамъ.

Налетъ цеппелиновъ на Парижъ не оправдывается какими-либо военными цѣлями.

Затѣмъ нельзя обойти молчаніемъ и налета германскихъ цеппелиновъ на Парижъ.

Они показали, согласно французскому официальному сообщенію, въ числѣ четырехъ надъ Парижемъ 8-го марта между 1 ч. 15 м. и 3 ч. утра, приближаясь къ нему вдоль долины р. Уазы. Два изъ нихъ были вынуждены, не долетѣвъ до Парижа, свернуть въ сторону, остальные-же два, обстрѣляемые артиллеріей парижскихъ укрѣпленій, успѣли пролетѣть лишь надъ сѣверо-западной окраиной Парижа и мѣстностью, прилегающей къ пригородамъ. Съ цеппелиновъ было сброшено 12 бомбъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не взорвались. Причиненныя ими разрушенія незначительны. Семь или восемь человѣкъ было ранено, но только одно лицо изъ нихъ серьезно. Цеппелины непрерывно освѣщались прожекторами и съ нѣкоторыхъ изъ постовъ защиты отъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ былъ открытъ по нимъ огонь. Повидимому одинъ изъ цеппелиновъ получилъ поврежденія. Поднявшемуся для преслѣдованія непріятеля отряду аэроплановъ туманъ помѣшалъ достигнуть цеппелины. На обратномъ пути цеппелины сбросили на Компъенъ 12 бомбъ, причинившихъ лишь незначительныя матеріальныя поврежденія. 10-го марта въ долинѣ Уазы были опять замѣчены два цеппелина, но къ Парижу ни одинъ изъ нихъ не подошелъ.

Трудно собственно понять — какую цѣль преслѣдовали нѣмцы, пославъ къ Парижу нѣсколько цеппелиновъ, оказавшихся въ состояніи сбросить около десятка бомбъ. Нанести хоть скольконибудь замѣтный вредъ ни самому Парижу, ни окружающимъ его укрѣпленіямъ, они вѣдь не могли. Рекогносцировочныхъ цѣлей у нихъ не могло быть никакихъ.

Все то же безцѣльное „озорство“, и притомъ озорство, посягающее на жизнь женщинъ и дѣтей, и безъ всякой военной цѣли.

Вотъ если-бы появилась сотня цеппелиновъ, съ которой было-бы сброшено много тысячъ бомбъ, посредствомъ которыхъ была-бы убита такая масса мирныхъ гражданъ, что вся Франція была-бы объята ужасомъ, способнымъ подвинуть ее, во избѣжаніе повторенія такого воздѣйствія, на сепаратный миръ, — противъ цѣлесообразности этого приѣма трудно было-бы спорить, несмотря на всю его отвратительную жестокость, такъ какъ эта жестокость имѣла-бы вполне понятную цѣль, и ускорила-бы окончаніе войны, т. е. въ общемъ уменьшила-бы пролитіе крови.

Но то, что сдѣлала теперь нѣмцы—это жестокость

тѣмъ болѣе отвратительная, что она безцѣльна, что она не болѣе, какъ булавочный уколъ, который вмѣсто „ужаса“ въ странѣ, могущаго повести къ окончанію войны, вызываетъ возмущеніе и раздраженіе, могущее лишь поддержать упорство страны къ продолженію войны. Такъ что и здѣсь, какъ

мы уже имѣли случай говорить относительно налета цеппелиновъ на Англію — это приемъ вредный для нѣмцевъ, усиливающий энергію и упорство ихъ противниковъ. А причинять себѣ явный вредъ можно только въ состояніи безсильной злобы. Иначе нельзя охарактеризовать этотъ приемъ нѣмцевъ.

15 марта 1915 г.

Н. Кладо.

Внутреннее обозрѣніе.

Viribus unitis.

Для окончательнаго успѣха въ войнѣ недостаточно одной воинской доблести, какъ бы изумительна она ни была. Необходима еще, особенно при грандіозномъ масштабѣ совершающейся борьбы, огромная стойкость, выносливость и дружная организованность населенія мирнаго. Въ конечномъ счетѣ именно „глубокой тылъ“ питаетъ армию и матеріально, и духовно. Водрость, отзывчивость и планомерность работы тыла — непременное условіе вѣры въ успѣхъ и жажды побѣды со стороны армии. Всякое разстройство въ укладѣ жизни тыла больно и пагубно отзывается и на передовыхъ позиціяхъ.

Вотъ почему война является экзаменомъ гражданской зрѣлости для націи.

Для русскаго общества настоящій экзаменъ оказался особенно труднымъ и отвѣтственнымъ. Надо было въ организациі работы тыла, въ дѣлѣ оказания помощи больнымъ и раненымъ, въ эвакуациі и лѣченіи ихъ, въ заботѣ о семьяхъ ихъ — проявить не меньшую согласованность и налаженность, нежели противники. Нечего и говорить, что шансы при такомъ состязаніи были далеко не равны. На западѣ имѣлся уже большой опытъ общественной самодѣятельности; намъ же, за отсутствіемъ такого рода навыка, предстояло брать напряженіемъ энергіи. Необычайный подъемъ всѣхъ слоевъ населенія помогъ русскому обществу съ честью выйти изъ труднаго положенія. Уже имѣвшіяся на лицо общественныя организациі тотчасъ же дружно пришли на помощь правительству: земства, объединившіяся во всероссійскій земскій союзъ, города, создавшіе по примѣру ихъ союзъ общегородской, Императорское Вольное Экономическое общество, общество имени Пирогова, комитетъ членовъ Государственной Думы и чисто мѣстныя общества и учрежденія. А около нихъ широко разрослись и разнообразныя организациі частнаго почина. Въ итогѣ забота о воинахъ, о ихъ семьяхъ, объ участи населенія мѣстностей, захваченныхъ военными операціями была выполнена и продолжаетъ выполняться съ неослабнымъ напряженіемъ.

А тѣмъ временемъ на очередь выступаютъ новые запросы, къ разрѣшенію коихъ необходимо приступать теперь же: 1) борьба съ заразными болѣзнями; 2) обмѣненіе полей, и 3) борьба съ дороговизной. Будутъ ли привлечены общественныя организациі къ этой работѣ и въ какой мѣрѣ используетъ правительство опытъ и энергію ихъ, вотъ основной вопросъ переживаемаго момента. Что одному правительству не справиться со сложнымъ и необычайно запутаннымъ узломъ экономическихъ вопросовъ, это очевидно само собой и успѣло уже ясно сказаться въ дѣлѣ борьбы съ дороговизной. Тутъ уже упущенъ

моментъ. Зло не предупреждено. Оно на лицо. Не только растутъ непомерно цѣны на предметы первой необходимости, но появляется прямо кризисъ топлива. Петроградъ находится подъ угрозой приостановки трамвайнаго движенія, а въ Таганрогѣ уже пересталъ функционировать громаднѣй металлургическій заводъ, на которомъ работало около 5.000 рабочихъ. Острота, съ которою выступилъ вопросъ этотъ, побудила группу членовъ Государственнаго Совѣта образовать экономическое совѣщаніе. Во время преній затронуто было не мало крайне серьезныхъ и злободневныхъ темъ, но установить корень зла все же не удалось. Управляющій министерствомъ торговли и промышленности кн. Шаховской держался того взгляда, что кризисъ топлива вызванъ уменьшеніемъ добычи его въ кояхъ. Такъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Донецкій бассейнъ долженъ дать не болѣе 90 милл. пудовъ угля, тогда какъ въ прежніе годы давалъ около 130 милл. Причина — сокращеніе кадровъ рабочихъ. А послѣднее обусловлено крайне низкой заработной платой. Обѣхавъ почти всѣ шахты, кн. Шаховской убѣдился, что въ то время, какъ цѣны на уголь поднялись почти на 100%, заработная плата повысилась лишь на 0,5%.

Московская Городская Дума, тоже съ большимъ запозданіемъ, ассигновала 5 миллионъ руб. на закупку продуктовъ первой необходимости. Въ засѣданіи Думы, имѣвшемъ мѣсто на страстной недѣлѣ, выдвинутъ былъ принципъ, что хозяйственная дезорганизація страны, ведущая къ дороговизнѣ при обилии запасовъ, можетъ быть побѣждена лишь широкой совокупной организаціей всѣхъ силъ страны, какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ. Аналогичную резолюцію вынесла и Петроградская Городская

Дума: „Возбудить ходатайство передъ правительствомъ объ образованіи общеимперской организаціи съ участіемъ представителей заинтересованныхъ министерствъ, городовъ, земствъ, кооперативовъ, общественныхъ организацій и биржевыхъ комитетовъ для выясненія наличнаго запаса пищевыхъ продуктовъ, урегулированія правильнаго подвоза въ крупные центры, распредѣленія продуктовъ и согласованія всѣхъ мѣръ борьбы съ дороговизной, принятыхъ на мѣстахъ“.

Къ какимъ нелѣпымъ курьезамъ приводило предоставленное каждому губернатору право воспрещать вывозъ изъ своей губерніи предметовъ первой необходимости, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Въ Тульской губерніи въ Епифанскій уѣздъ клиномъ врѣзается Данковскій уѣздъ, и у многихъ помѣщиковъ часть ихъ хуторовъ—въ разныхъ уѣздахъ. Такъ и съ имѣніемъ Нечаева Мальцева (нынѣ Демидова). Администрація Тульской губерніи не разрѣшила перевезти сѣмена овса изъ хутора Епифанскаго уѣзда на хуторъ Данковскаго—того же владѣльца... Село Куркино, Ефремовскаго уѣзда, лежитъ на границѣ же Данковскаго: пришедшія на базаръ въ Куркино за мукой бабы изъ Данковскаго уѣзда ушли голодными, такъ какъ имъ не дали муки вывезти изъ Куркина въ чужой уѣздъ. Та же исторія въ Бѣлевѣ, гдѣ покупаютъ хлѣбъ близлежащаго селенія Калужской губерніи.“

Троице-Сергіевская лавра осталась тоже безъ корма, дровъ и хлѣба! Подвозъ въ нее идетъ, главнымъ образомъ, изъ Владимірской губерніи, а такъ какъ лавра—въ Московской, то полиція не пропустила ввозъ черезъ границу Владимірской губерніи, вернувъ ихъ во свояси“ (Петроградскій Курьеръ).

Если въ указанномъ вопросѣ всякому ясно, что только соединенными усиліями всѣхъ силъ страны могутъ быть соблюдены интересы государства безъ ненужнаго обремененія малыхъ ячеекъ его, то въ другихъ случаяхъ нельзя не

порадоваться, до какой степени сами условія жизни толкали правительство къ сближенію съ общественными организаціями. Министръ финансовъ Баркъ внесъ въ совѣтъ министровъ представленіе объ отпускѣ милліона рублей на дѣло попеченія о народной трезвости. „За послѣднее время, говорится въ запискѣ, путемъ запретительныхъ мѣропріятій достигнуты осязательные результаты по упроченію трезвости въ населеніи, но опытъ удостовѣряетъ, что для укрѣпленія трезвости нужны, кромѣ запретительныхъ, еще и другія преимущественно нравственно-воспитательнаго и просвѣтительнаго характера мѣры“.

А цѣлый рядъ губернскихъ земскихъ собраній съ изумительнымъ единодушіемъ пришелъ къ выводу: „Нужны сельскіе народные дома“. И это безъ всякаго сговора, не взирая на трудное финансовое положеніе Ярославское, Тверское, Костромское, Полтавское, Кіевское, Вятское, Пермское, Уфимское, Московское земства всѣ выдвигаютъ на очередь вопросъ о вѣнзкольномъ образованіи вообще и о народныхъ домахъ въ частности.

Такъ жизнь, весь строй ея толкается войною въ сторону примѣненія максимума общественной самостоятельности.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ времени, съ запросомъ момента стоитъ и введеніе Городоваго положенія въ Царствѣ Польскомъ. При всѣхъ недочетахъ Положенія, самый фактъ введенія его нельзя не привѣтствовать, какъ первый шагъ къ обоснованію той самоуправляющейся жизни Польши, которая возвѣщена, Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Такъ всюду, на каждомъ шагѣ выступаетъ принципъ „Viribus unitis“—„Соединенными силами“.

Въ соблюденіи его—залогъ успѣха въ разрѣшеніи очередныхъ задачъ.

Черняевъ.

О Чайковскомъ.

25-го апрѣля текущаго года исполняется 75-лѣтіе со дня рожденія Петра Ильича Чайковскаго, и было бы несправедливо обойти молчаніемъ эту знаменательную дату. Чайковскій является однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и самыхъ популярныхъ русскихъ композиторовъ. Кто хоть разъ не очаровывался его симфоніями и романсами, кого не волновали незабываемыя мелодіи „Евгенія Онѣгина“ и „Пиковой дамы?“

Внѣшнія обстоятельства жизни Петра Ильича не сложны. Родился онъ 25-го апрѣля 1840 года на Воткинскомъ заводѣ, Вятской губерніи, въ интеллигентной и состоятельной семьѣ. На 7-мъ году сталъ играть на фортепиано, обнаруживъ музыкальныя способности, которымъ родители не придавали серьезнаго значенія. Образование получилъ въ С.-Петербургскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Кончивъ училище и сдѣлавшись чиновникомъ, занялся теоріей музыки и поступилъ въ консерваторію, а черезъ полтора

года, подъ вліяніемъ А. Г. Рубинштейна, совсѣмъ бросилъ службу и всецѣло отдался любимому искусству, очень строго относясь къ своимъ композиторскимъ выступленіямъ; объ этой авторской строгости къ самому себѣ краснорѣчиво говоритъ хотя бы одинъ тотъ фактъ, что Чайковскій совершенно уничтожилъ свою большую трехъактную оперу „Ундина“, которая его не удовлетворила.

Въ 1877 году П. И. несчастливо женился, разойдясь съ женой въ томъ-же году. Оправиться отъ этого удара, равно какъ и отъ матеріальныхъ затрудненій, ему помогла дружба съ почитательницей его таланта г-жей Н. Ф. фонъ-Мекель. Эта единственная въ своемъ родѣ дружба замѣчательна тѣмъ болѣе, что ни композиторъ, ни его поклонница ни разу во всю жизнь такъ и не увидели другъ друга, общеніе ихъ было только письменнымъ.

Чайковскій очень много путешествовалъ, объѣздивъ всю Европу, былъ и въ Америкѣ. Оставленное имъ

музыкальное наслѣдство громадно и свидѣтельствуетъ о выдающейся работоспособности композитора. Онъ написалъ 10 оперъ: „Воевода“, „Ундина“, „Опричникъ“, „Кузнецъ Вакула“ („Черевички“), „Евгеній Онегинъ“, „Орлеанская Дѣва“, „Мазепа“, „Чародѣйка“, „Пиковая Дама“ и „Юланта“; кромѣ того, три балета—„Лебединое озеро“, „Спящая красавица“ и „Щелкунчикъ“,—цѣлый рядъ симфоній, концертовъ, романсовъ и т. д.

* * *

Три вѣжныхъ цвѣтка плѣнительно благоухаютъ на темномъ и суровомъ просторѣ русскихъ равнинъ: Чайковскій, Левитанъ и Чеховъ. И какіе-бы новые побѣги ни заглушали ихъ, какіе бы вѣтры и бури ни проносились надъ ними,—они не утратятъ для насъ своей красоты и прелести, потому что съ этой красотой и прелестью мы слишкомъ тѣсно сроднились, и она близка намъ гораздо больше, чѣмъ многое иное, можетъ быть ярко-талантливое, блестящее.

„Есть въ русской природѣ усталая вѣжливость,
Безмолвная боль затаенной печали“,—

художники одного поколѣнія, они почувствовали это равно глубоко, какъ вѣчто извѣчное, значительное и дорогое, и это навсегда осталось въ поэзіи Чехова, въ живописи Левитана, въ музыкѣ Чайковскаго—однимъ одинаковымъ обаятельно звучащимъ лейт-мотивомъ.

Усталой вѣжливости и затаенной печали русской природы соответствуетъ и вѣжковая печаль русской души, нашедшая созвучный откликъ въ творчествѣ названныхъ корифеевъ нашего искусства, и особенно Чайковскаго, наиболее задушевнаго и интимнаго. Говорятъ о творчествѣ Чайковскаго, значитъ прикасаться къ самому завѣтному и дорогому, что живетъ въ тайникахъ нашего внутренняго міра, потому что именно этотъ композиторъ сумѣлъ необыкновенно бережно и чутко подойти къ загадочнымъ тайникамъ души.

Съ сердцемъ, полнымъ любви и вѣжливости, пришелъ Чайковскій въ міръ; но въ то же время слишкомъ пронизательнъ былъ его художническій взоръ, чтобы не видѣть тяжести и горя жизни вообще и нашей русской въ частности,—и щемящая боль медленно и глубоко прокралась въ его сердце. Какъ герой одной элегіи Гейне, онъ навсегда отравилъ свое сердце чужими слезами и потерялъ способность улыбаться безопасно. Хрупкая нервная организація его натуры и обостренная впечатлительность дополнили остальное, и неизмѣнной спутницей его двей стала Печаль. Но Печаль эта родилась отъ любви, и лицо ея осталось все-таки свѣтлымъ, и не къ безднѣ отчаянія вела она, а къ глубокому покою, къ мудрому примиренію съ неизбежнымъ, быть можетъ, къ новому возрожденію въ какой-то новой любви.

„Жалѣть прошедшее, надѣяться на будущее и

никогда не удовлетворяться настоящимъ—вотъ моя жизнь“, писалъ о себѣ Чайковскій, и никто не могъ бы болѣе вѣрно опредѣлить его собственное я, чѣмъ онъ опредѣлилъ его этими немногими словами. Всегда одинокій и тоскующій, онъ такъ и не дождался той большой и прекрасной любви, о которой столь страстно мечталъ. Женитьба, какъ извѣстно, не дала ему ничего, кромѣ мучительнаго и жестокаго разочарованія, а многолѣтняя переписка съ г-жей фонъ-Меккъ носила иной характеръ.

Постоянное сознаніе одиночества, боязнь быть непонятымъ и какія-то лихорадочныя, изнуряющія вспышки надежды, что должна-же, наконецъ, прійти настоящая любовь,—все это держало Чайковскаго въ томительномъ и горькомъ напряженіи, и забывался онъ только тогда, когда уходилъ къ природѣ. Она рано плѣнила его, была дорога ему съ дѣтства, и чѣмъ больше выростала изъ переживаній его душа, тѣмъ ближе, любовнѣе и сознательнѣе подходилъ онъ къ природѣ. Она замѣнила ему мать, которую онъ рано потерялъ, друзей, женщину, а нисѣма его къ близкимъ ему людямъ ясно свидѣтельствуютъ, какую огромную, ничѣмъ незамѣнимую роль играла въ его жизни любовь къ землѣ, сообщая его творчеству простоту, естественность, жизненность и подсказывая многое такое, чего онъ никогда не узналъ бы въ четырехъ стѣнахъ городского кабинета.

„Прогулка лѣтомъ въ Россію,—пишетъ онъ г-жѣ фонъ-Меккъ въ 1877-мъ году,—въ деревнѣ, по полямъ, лѣсу, вечеромъ по степи, бывало, приводила меня въ такое состояніе, что я ложился на землю въ какомъ-то изнеможеніи отъ наплыва любви къ природѣ,—отъ всѣхъ неизъяснимо сладкихъ и опьяняющихъ ощущеній, которыя навѣвали на меня лѣсъ, степь, рѣчка, деревня вдали, скромная церквушка, словомъ все, что составляетъ убогіи русской пейзажъ“.

Интересно и слѣдующее признаніе въ другомъ письмѣ къ ней же, отъ 7-го августа 1880 года: „Я вообще нахожусь теперь въ періодѣ какой-то особенной восприимчивости къ музыкальнымъ впечатлѣніямъ. Пребываніе въ Симакѣхъ и прѣизобиліе чудныхъ счастливыхъ минутъ собесѣдованія съ матерью природой наполнили все мое нравственное существо какимъ-то неопредѣленнымъ и неодолимымъ влеченіемъ къ красотѣ. А при всякомъ ощущеніи красоты въ области искусства, я едва въ состояніи совладѣть съ собой, чтобы не разрыдаться“...

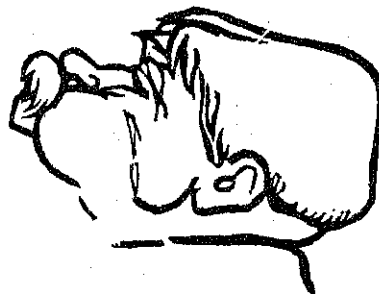
Общеніе съ природой и влеченіе къ красотѣ были для Чайковскаго неразрывны; природа какъ бы давала нравственный резонансъ его эмоціямъ, и гармонію, которую онъ видѣлъ въ ней, онъ потомъ воплощалъ въ своей музыкѣ, и надъ многими его произведеніями можно было-бы поставить, какъ эпиграфъ:

„Есть въ русской природѣ усталая вѣжливость,
Безмолвная боль затаенной печали...“

Изъ всѣхъ цвѣтовъ Чайковскій больше всего любилъ ландыши. Онъ называлъ ландышъ царемъ цвѣтовъ, писалъ въ честь его стихи, радовался, какъ ребенокъ, когда кто-нибудь дарилъ ему букетъ ландышей. Въ любимомъ отражается душа,—душа его отразилась въ этомъ прелестномъ цвѣткѣ: она была такъ-же свѣтла и чиста, и дышала той-же несмѣлой нѣжностью, и цвѣла такъ-же застѣнчиво и затаенно, какъ этотъ цвѣтокъ. Разница между нами лишь въ томъ, что цвѣтокъ, умирая, теряетъ свой ароматъ, душа же Чайковскаго, оставшаяся въ его произведеніяхъ, благоухаетъ и послѣ смерти. Вдохновенный и благородный лприкъ, вѣрный рыцарь Мечты, взыскующій града вышняго, одиноко и скромно прошелъ онъ свой путь съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, съ широко открытыми, ко всему внимательными глазами. Сладко опьяняясь жизнью, онъ чувствовалъ въ ней малѣйшую примѣсь горечи, но и въ этой горечи мудро умѣлъ находить частичку таинственной радости. Все время сердце его исходило

по каплѣ кровью, но въ каждой каплѣ была любовь, и ближе всѣхъ очарованій было ему очарованіе печали, переходящей порою въ высшую и чистѣйшую радость, которую никто отъ насъ не отниметъ.

Г. Вяткинъ.

Лѣсъ пошелъ.

Альбомъ оттисковъ Костромскихъ деревянныхъ рѣзныхъ досокъ. Собралъ и издалъ Иванъ Александровичъ Рязановскій. Кострома. Печатано въ Костромской Губернской типографіи. Вып. I, 1912, 37 экз.; вып. II—III, 1913, 70 экз.; вып. IV, 1915, 30 экз.—не для продажи.

Альбомъ оттисковъ Ярославскихъ пряничныхъ досокъ. Вып. I, 1914, 50 экз.—не для продажи.

Хвала и честь собирателю и издателю!

Его трудъ—вкладъ золотой въ книжную казну русскаго народа и имѣетъ, какъ сказалъ однажды самъ Философовъ, большое значеніе для исторіи русскаго искусства.

Въ четырехъ костромскихъ выпускахъ и въ ярославскомъ даны образцы русскаго народнаго орнамента. Раскроешь альбомъ, и глаза у тебя, какъ у зайчика, разбѣгутся. И чего только нѣтъ тамъ, въ этихъ альбомахъ, какіе тамъ лютые звѣри—львы усатые, кони, коньки, куры и самъ журынька-журавъ нашъ и самоваръ-пыхтунъ и пароходъ-трубачъ, цвѣты тюльпаны-розаны и другіе цвѣты морозовые, царскій миндаль, пряникъ Осокина, пряникъ Подошвенникова, павлины, птица райская, рыбы, пѣтухи, сирины и олени златорогіе и мѣльницы крылатыя. А есть блюдо, на блюдѣ рыба, рюмка и ножъ съ вилкою—закуска. А есть и подорожіе (молитва отпускная, что покойнику въ гробъ кладутъ) съ вѣнчикомъ—под-

вижника старца Пахомія изъ Красноярскаго скита. Въ послѣднемъ, въ IV-омъ выпускѣ, только что вышедшемъ, вы найдете формы (манеры) для набойки, а къ II—III выпуску приложенъ въ моемъ экземплярѣ портретъ собирателя: какъ живой смотреть Иванъ Александровичъ, только что заговорить не можеть.

И. А. Рязановскій—кореня кондоваго изъ города Костромы, отъ дьякона Льва пошелъ. Дѣдъ его о. Ондрей въ Большихъ Соляхъ прожилъ жизнь, отецъ по дѣламъ службы исколесилъ всю губернію. А самъ Иванъ Александровичъ полвѣка отдалъ родной Костромѣ, и на романовскихъ торжествахъ, какъ „строитель“ Романовскаго музея, имѣлъ счастье лично давать отвѣтъ Государю Императору.

Въ Костромѣ Ивана Александровича всякая собака знаетъ, спрости на пристани любого мальчишку, живо доведетъ на Царевскую. Одни его знали, какъ великаго законника, другіе, какъ нѣкоего дебренскаго старца Іоанна-блудборца, третьи, какъ страстнаго археолога, ревнителя старины нашей русской, пятые, какъ отчаяннаго футуриста. Еще въ Варнавинѣ, гдѣ служилъ онъ слѣдователемъ, приходили къ нему люди старой вѣры, о вѣрѣ бесѣдовать, а въ Кострому наѣзжали петроградскіе гости: проѣздомъ въ кинешемскій Теремокъ, жила у него академикъ Кустодіевъ Б. М., гостилъ извѣстный этнографъ М. М. Пришвинъ, художники Г. К. Лукомскій и С. В. Че-

хонинъ. И мнѣ довелось проводить ночи на Царевской въ рязановскомъ книгохранилищѣ.

И вотъ послѣ полувѣкового труда и пустынного житія въ дебри костромской, какъ нѣкогда огненный старецъ Епифаній, благословившись у Воскресенія Христова, что на Нижней Дебрѣ, снялся Иванъ Александровичъ съ родимаго гнѣзда, и ужъ не ищите его нынче на Царевской, не спрашивайте, тутъ онъ на Золотоношской у Комарова въ домѣ, на которомъ домъ шпиль, на которомъ серебряное яблоко и слышно, какъ куры поютъ. И не какъ нѣкое ископаемое въ шубѣ лисичьей появился онъ на берегахъ Невы рѣки.

— Будь у меня глазъ позорче, взялъ бы ружье—воевать!—такъ сказалъ мнѣ Иванъ Александровичъ.

Великія событія грядутъ. Воистину, лѣсъ пошелъ!

Алексѣй Ремизовъ.

Среди журналовъ.

Въ мартовской книжкѣ „Голоса Минувшаго“ начали печататься воспоминанія В. В. Берви (Н. Флеровскаго) о царствованіи Николая I-го, изданія въ свое время за границей. Авторъ родился въ 1829 г.—„въ самую мрачную эпоху Николаевскаго режима“, окончилъ Казанскій университетъ въ 1849 г. и поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Многочисленные анекдоты, приводимые имъ изъ университетской и служебной жизни, живо и ярко иллюстрируютъ режимъ Николая I-го, этого „энтузиаста реакціи“, и читаются съ большимъ интересомъ.

О плачевномъ состояніи университетской науки и студенчества Н. Флеровскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Императоръ Николай довель учащуюся молодежь до послѣдней степени униженія, закрылъ университеты виленскій и варшавскій, чрезвычайно стѣснилъ умственное движеніе въ Россіи. Въ Казани профессоръ государственнаго права читалъ свои лекціи по своду законовъ, изъ свода онъ выбиралъ тѣ статьи, которыя ему были нужны, и читалъ ихъ безъ всякаго измѣненія въ текстѣ, какъ законоучитель повторяетъ буквально слова катехизиса. Вставить свое слово ему запрещалось, онъ могъ внести ересь въ чистоту идей государственнаго права“. Университетская молодежь до 1848 г. влачила самое жалкое существованіе: „студенты университетовъ, въ особенности провинціальныхъ, пьянствовали, играли въ карты и занимались удалыми похождениями, драками съ полиціей, съ кузнецами и другимъ рабочимъ народомъ. Даже въ Петербургѣ нѣрѣдко мертвецки пьяные студенты валялись по улицамъ“. Появленіе Петрашевскаго, „человѣка энергичнаго, смѣлаго, краснорѣчиваго“, образованіе кружковъ его послѣдователей, увлекающихся ученіемъ Фурье—вырвало „молодежь изъ болота за grubлостіи и апатическаго невѣжества“ и оказало на нее самое благотворивающее вліяніе, распространившееся вскорѣ „по всѣмъ интеллигентнымъ центрамъ Россіи“. Но, какъ извѣстно, „репрессалии не замедлили“. Отозвавшись въ Казани довольно комическимъ эпизодомъ (арестъ всѣхъ Благовѣщенскихъ), онъ вскорѣ

приняли грозный характеръ: „военно-судебная комиссія обнародовала произнесенный ею приговоръ о Петрашевскомъ и его сподвижникахъ; 21 человекъ были приговорены къ смертной казни“. Правительство поспѣшило „объявить отечество въ опасности, ограничить число студентовъ и добывать остатки просвѣщенія и цивилизаціи“.

Дальнѣйшее изложеніе касается уже службы Флеровскаго въ департаментѣ министерства юстиціи. Онъ сдѣланъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій, и въ его рукахъ сосредоточились всѣ дѣла по жестокому обращенію съ крестьянами. Авторъ рассказываетъ о многихъ эпизодахъ изъ своей практики, касается положенія „бюрократической администраціи, которая не хочетъ допускать ни гласности, ни мѣстнаго самоуправления“,—рисуетъ состояніе суда, находившагося не въ лучшихъ условіяхъ: „тогда считалось совершенно излишнимъ, чтобы члены высшаго суда, т. е. сенаторы, были знающими юристами: они набирались изъ губернаторовъ и другихъ администраторовъ, достигшихъ большаго чиновъ и сдѣлавшихся вслѣдствіе старости неспособными къ административной дѣятельности“. За недостаткомъ мѣста мы не можемъ привести здѣсь тѣхъ трагикомическихъ фактовъ, которые породились такой системой.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ („Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ“) Ч. Вѣтринскій указываетъ на любопытную для характеристики русской интеллигенціи мысль, встрѣчающуюся у Гоголя, Достоевскаго и Успенскаго (совершенно независимо у каждого): это мысль объ антиноміи любви къ ближнему и любви къ дальнимъ, любви мечтательной и любви дѣятельной. „Еще Гоголемъ“, говоритъ Ч. Вѣтринскій, „указано, какъ глубокой укоръ современному человѣчеству, противорѣчіе между головной гуманностью и словесными виѣщностями ея выраженіями и между дѣйствительнымъ глубокимъ эгоизмомъ жизни и дѣйствій. „Все человѣчество готовъ онъ (современный человѣкъ) обнять, какъ брата, а брата не обвинять“.

У Достоевскаго старецъ Зосима такъ говоритъ объ

этомъ противорѣчи: „...Я люблю человѣчество, но дивлюсь на самого себя: чѣмъ больше я люблю чело- вѣчество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частности, т. е. порознь, какъ отдѣльныхъ лицъ; въ мечтахъ я нерѣдко доходилъ до странныхъ помысловъ о служеніи челоуѣчеству и, можетъ быть, дѣйстви- тельно-бы пошелъ на крестъ за людей, если-бъ это вдругъ какъ-нибудь потребовалось, а между тѣмъ я двухъ дней не въ состояніи ни съ кѣмъ прожить въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта“... и т. д.

Та-же мысль и почти тѣми-же словами у Успен- скаго высказывается устами Тяпушкина: „Если-бъ они какимъ-то не челоуѣческимъ, а „особеннымъ образомъ“ сказали мнѣ: „пропади за насъ“— я-бы немедленно исполнилъ эту просьбу, какъ величайшее счастье... Но попавъ въ деревню, видя это коллективное „мы“, раз- мѣненное на фигуры мужиковъ, бабъ, ребятъ, я... простывалъ, и простывалъ до холоднѣйшей тоски... Личное участіе, личная жалость были мнѣ незнакомы, чужды“. И т. д. Совпаденіе это, поразившее самого Успенскаго, тѣмъ болѣе существенно и важно,—гово- рить Ч. Вѣтринскій,—что Глѣбъ Ив. относился къ Достоевскому съ опредѣленной нелюбовью: послѣдній былъ ему чуждъ и своими политическими взглядами, и характеромъ своего „жестокаго таланта“, угнетав- шаго Успенскаго и возбуждавшаго въ немъ ощущение близкое къ кошмару.

„Разновидностями русскаго интеллигента-скитальца и искателя, „лишняго челоуѣка“ творчество Успен- скаго сливается съ типами Пушкина, Лермонтова,

Тургенева и проч. въ единую вязь художественнаго творчества“; въ обличеніи „мечтательной“ любви рус- ской интеллигенціи къ народу кроется, по мнѣнію Ч. Вѣтринскаго, близость Успенскаго съ Достоевскимъ.

По поводу замѣтки проф. Н. Фирсова о новомъ портретѣ Пугачева, приложенномъ тутъ-же, („Мелочи прошлаго“), скажемъ слѣдующее. Авторъ находитъ, что портретъ этотъ „по реализму изображенія далеко оставляетъ позади себя всѣ извѣстные портреты Пу- гачева заграничнаго, преимущественно нѣмецкаго происхожденія: онъ даже съ ними несомнѣримъ въ от- ношеніи исторической достовѣрности“. Намъ кажется, однако, что аргументъ, приводимый проф. Фирсовымъ въ пользу своего мнѣнія, мало убѣдительно: онъ ука- зываетъ, что „нечинный Рычковъ никогда не рѣ- шился-бы предложить вниманію столь важнаго вель- можи (графа П. И. Панина) портретъ самозванца, не- похожій или мало похожій на извѣстный имъ обоимъ оригиналъ“. Дѣло въ томъ, что Рычкову пришлось-бы волей-неволей на это рѣшиться, выбравъ портретъ лучшій, чѣмъ другіе, но все-же неудовлетворительный. Такое рѣшеніе вопроса наиболѣе вѣроятно, если вспо- нимъ тогдашнюю степень развитія живописнаго ис- кусства.

Въ „Русской Мысли“ (№ 3) напечатано письмо изъ Франціи М. Лотъ-Бородиной— „Парижъ и война“. Живо и выукло передаетъ авторъ настроеніе и жизнь Па- рижя съ первыхъ дней войны до января 1915 г.

Въ боллетристическомъ отдѣлѣ можетъ быть отмѣ- ченъ рассказъ Н. Бромлей „Сестра“.

А. В.

НОВЫЯ КНИГИ.

Юрій Слезкинъ. Ольга Оргъ. Романъ. Книго- издательство б. М. В. Попова. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлая обложка съ круглой виньеткой. Коричневый кругъ. Амуры и розы, заплетенные въ терніи. И похожа на этотъ темный кругъ сама повѣсть, съ исходнымъ и конечнымъ 22 Декабря. Кругъ одного числа, кругъ дней, гдѣ въ еженежное, колючее и оскорбляющее современ- ности заплетена нѣжная и тоскующая дѣвичья душа въ любовь влюбленной Ольги Оргъ.

Амуры и розы, заплетенные въ терніи.

Юрій Слезкинъ сумѣлъ уже достаточно зарекомен- довать себя въ литературѣ, какъ неумоимый выдум- щикъ, тонкій фабулистъ, мастерской и изящный раз- сказчикъ.

Въ „Ольгѣ Оргъ“ авторъ отказался отъ погони за внѣшней занимательностью во что бы то ни стало, и рассказалъ о такомъ извѣчномъ и обычномъ, о любви и смерти дѣвушки, но рассказалъ интересно и не совсѣмъ обычно. Вниманіе читателя точно заперто въ кругъ по- вторяющихся образовъ, проникнутыхъ волнующей и тонкой символичкой. Влекутъ необычные сны, вол- нуютъ живые символы, и душа пробцается къ чуду любви и къ чуду смерти.

Но опытный мастеръ, цѣнящій въ рассказѣ его само- цѣнность, логику его внутренней связанности и закон- ченности, авторъ сумѣлъ сдѣлать рассказъ символич- нымъ, не забывая о превалирующемъ для рассказа по- вѣствовательномъ интересѣ. На бѣломъ экранѣ стра- ницы черныя буквы бѣгутъ необрывающейся лентой, то съ видами и снимками провинціального городка (золо- товолодая дѣвочка Оля Оргъ въ зеленомъ кольцѣ своихъ юныхъ подругъ гимназистокъ), то улицъ и зданій и громадъ Петрограда.

Такъ Психея нашихъ дней должна идти и по за- ламъ кинематографовъ, и по тѣснымъ дворамъ какой

нибудь Ординарной, и по лѣстницамъ Сергіевскихъ особ- ковыхъ. Идти, и искать, и кликать своего бога:

„Эросъ, мой Эросъ, мой свѣтлый богъ“.

Не нашла она, умерла бѣдная Ольга Оргъ. Умерла ли? Вѣдь все будетъ ѣхать другая странная дѣвушка въ коляскѣ безъ кучера и лошадей. Куда? Мы не знаемъ и не скажемъ намъ этого нашъ авторъ, вѣчный рассказчикъ о „томъ чего мы не узнаемъ“.

А. Тришатовъ.

Алексѣй Ремизовъ. „Весеннее порошье“. Изданіе „Сиринь“. Ц. 1 р. 50 к.

Тоже. „За святую Русь. Думы о родной землѣ“. Изданіе журнала „Отечество“. Ц. 40 к.

„Весеннее порошье“—весенній прахъ: „и лепестки тутъ цвѣтовъ опавшихъ, и листочки всякіе, и сережки березовые, и отъ дубу цвѣтъ, и пруттики и усники тра- воекъ“. Такъ опредѣляетъ авторъ заглавіе книги своей. И въ книгѣ подлинно на всемъ печать весенней свѣ- жести и благоуханной чистоты чувства. Къ какой бы мелочи ни обратилъ взоръ свой Ремизовъ, всю напоить ее любовью, всю напитаетъ ласкою. „Я вамъ про птичку еще не рассказывалъ, какая это была птичка умная и чудесная... ласточка“. А въ концѣ рассказа ласточка ужъ не птичка, а Мильда-ласточка, дѣвочка Мильда. И такъ у Ремизова всегда и всюду. Живот- ные ли, предметы ли обихода, или игрушки: зайцы одиноуки, доромидошки трехпалые, змѣи-скоропеи,—всѣ они какъ-то незамѣтно становятся для васъ по челоуѣ- чески близкими, живыми, душевными. И кубики, вотъ тѣ самые, изъ которыхъ домики строятъ, ужъ не чур-очки, а друзья сердечные. И угодники святители—не гдѣ-то тамъ, въ высотѣ недосыгаемой возсѣдающіе праведники, а такіе близкіе, родные, други душевные. Въ лапоткахъ сѣденкій, съ посохомъ ходитъ Никола.

угодникъ Божій, по русской землѣ. Въ томъ мірѣ, который возсоздаетъ творческой фантазіей своей Ремизовъ, отовсюду, изъ всѣхъ угловъ выступаетъ тепло сердечности. Ремизовъ немощно слухавиль, когда въ началѣ разсказа своего „Аленушка“ сказалъ: „Родятся на свѣтъ такіа дѣти, изъ тысячи замѣтишь! изъ глазъ ихъ, въ ихъ улыбки глядитъ самъ свѣтъ Божій“. Конечно же, слухавиль. Да для него не только что изъ каждой пары дѣтскихъ глазъ, а изъ всякаго живого существа, да и къ чему тамъ живого, изъ каждой вещи, изъ всякой мелочи и дрянн, изъ всего „порошья“ вы-смотреть „свѣтъ Божій“. Такъ ужъ умѣеть онъ все повернуть, „по своему“. Именно „по своему“. И слова-то у него свои, и мысли свои, и подходъ свой; все какъ-то не такъ, какъ у другихъ. И всегда-то выдвигаетъ онъ изъ-за вѣшняго покрова,—такого надоѣвшаго, затрепаннаго, засаленнаго, измыганнаго,—самую суть явленія, душу его. Рѣдкостное дарованіе.

Пороку изъ-за своеобразія автора не вдругъ и поймешь, въ чемъ дѣло. Напримѣръ, въ отдѣлѣ „Кузовокъ“ приведены сны. Читаешь, думаешь разгадать, что сіе означаетъ, гдѣ—аллегорія, и ничего придумать не можешь. Анъ въ примѣчаніи авторъ говоритъ: „это самые обыкновенные сны, какіе намъ снятся, я только записалъ“. Записалъ, какъ оно есть, образно, красиво, а поддѣлывать не сталъ. И правильно; искренность дороже всего. Непонятно? Такъ что жъ съ нимъ, сномъ-то, поддѣлаешь, коли онъ непонятный. Ни къ чему? Ну, не скажите. Въ духовной жизни человѣка нѣтъ ничего, лишенаго значенія. А Ремизовъ именно благодаря бережности отношенія своего къ „душѣ“, ко всѣмъ ея проявленіямъ и сталъ Ремизовымъ, талантомъ, все согрѣвающимъ свѣтомъ, ласковымъ, весеннимъ.

Въ сборникѣ „За святую Русь“ есть разсказъ „Полонное терпаніе“ о томъ, какъ „на курячій шагъ отъ русской границы“ задержали автора вмѣстѣ съ прочими русскими въ Германіи, какъ пришлось ему претерпѣть всю сладость нѣмецкаго плѣна. И есть изумительное по силѣ и красотѣ языка стихотвореніе въ прозѣ „Червоный щитъ“.

Изданы обѣ книги прекрасно.

Далецкій.

Михаилъ Сандомирскій. Марина Мнишекъ. Стихи: Москва, кн. „Жатва“ ц. 50 к.

Маленькая книжка изъ палеовой бумаги, въ обложкѣ цвѣта сѣрой замши. На обложкѣ старинный гербъ и надпись: Марина Мнишекъ.

Вѣщность этой книги—тетрадки тѣсно слита съ напечатанными въ ней стихами—если не бояться упрека въ декаденствѣ, можно сказать, что эта стилизованная поэма и дополняющіе ее стихи, лирическіе стихи нѣжно-палеоваго цвѣта, цвѣта очень блѣдныхъ, увядающихъ листьевъ.

Романтично-красивыя, тоскующіе и нѣжные, эти стихи безконечно далеки отъ жизни, и все же въ нихъ сказывается тоска по жизни, по жизни красивой, не нашей.

Идеализація старины—на нее толкаетъ неудовлетворенность, жажда хорошаго. Хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Прекрасно будущее. Прекрасно прошлое.

Надо очень страдать отъ нынѣшней жизни, надо очень желать „того, чего нѣтъ на свѣтѣ“, чтобы такъ экстатически любить прошлое. У поэта живая, взволнованная душа, хотя онъ влюбленъ только въ призракъ, въ призракъ прекрасной Марины.

М. Моравская.

„Рисунки Д. Митрохина“.—Изд. І. Н. Кнебель. Москва.

Это цѣлая серія классическихъ небольшого размѣра произведеній, иллюстрированныхъ уже извѣстнымъ чи-

тателямъ „Новаго Журнала для всѣхъ“ талантливымъ графикомъ. Тутъ и баллады Жуковскаго („Кубокъ“, „Роландъ-оруженосецъ“), и „Споръ“ Лермонтова, и басни Хемницера, и сказки Гауфа и пр. Давно знакомые, казалось бы, выкристаллизовавшіеся въ строго опредѣленныя формы и застывшіе въ нихъ поэтическіе образы, благодаря своеобразному истолкованію художника, снова дѣлаются заманчивыми незнакомцами, обращаются къ читателю еще неизвѣданными сторонами своими. Переводя ихъ въ плоскость графики, Митрохинъ словно-бы снимаетъ съ нихъ путы той конкретной опредѣленности, въ которую мы, читатели, сами, невольно облекаемъ ихъ, освобождаетъ отъ подчиненія реальности, вновь возвращаетъ въ міръ чистой фантазіи. Ибо прелесть графики въ томъ и состоитъ, что отъ предметности восходитъ она къ идеѣ, къ чистому образу предмета и тѣмъ открываетъ широкій просторъ полету воображенія. Разумѣется, особенно выиграли отъ иллюстрацій Митрохина тѣ вещи, которымъ именно недостааетъ взлета, которыя болѣе пригнетены къ землѣ. Разительный примѣръ тому—сказка Гауфа „Маленькій Мужъ“. Благодаря рисункамъ, она утратила всю прозаическую тяжесть свою, стала неожиданно богатой красками и освѣтилась милой символичкой.

Нельзя не порадоваться, что наконецъ-то появляется у насъ подлинная иллюстрація книги, способная не пригнетать фантазію поэта, а лишь переводить ее въ область красокъ и линий, обогащать привнесениемъ элемента графическаго.

С. И.

Мечниковъ. И. Основы современной медицины. Москва, 1915 г. стр. 136, ц. 1 р. 20 к.

Читатели давно уже оцѣнили умѣніе Мечникова затрагивать самые животрепещущіе вопросы и возбуждать научные интересы. Вышедшая только что книга, написанная, по словамъ автора, „если не подъ звуки пушечныхъ выстрѣловъ, то въ ожиданіи таковыхъ“, обладаетъ обычными достоинствами: популярностью—краткостью и сдержанностью, живостью и точностью.

Въ особенности интересна первая половина книги, посвященная историческому обзору, въ которомъ выясняется состояніе до пастеровской медицины, и описывается переворотъ въ ней, связанный съ рожденіемъ бактериологіи. Въ краткихъ словахъ авторъ излагаетъ перепетіи борьбы за новыя открытія, указывая, какъ сильно сопротивленіе рутинѣ и какъ тяжело достается побѣда.—

Нѣсколько слабѣе вторая часть, посвященная жизнеписаніямъ, несмотря на очень интересныя личныя воспоминанія. Фигуры Пастера, Листера и Коха мало выпуклы, изложеніе не достигаетъ главной цѣли, всякой біографіи—быть поучительной. Несмотря на эти незначительныя недостатки работу эту можно горячо при-вѣтствовать и рекомендовать.

Мав.

Галичина, Буковина, Угорская Русь, составл. сотрудниками журнала „Украинская жизнь“. Книгоизд. „Задруга“. М. 1915 г. 230 стр., ц. 1 р. 40 к.

П. Бурчакъ. Галиція, ея прошлое и настоящее. К-во „Читатель“ М. 1914. 38 стр., ц. 20 к.

М. Богдановичъ. Червоная Русь (Австрійскіе украинцы). Библіотека войны № 8—9. Ярославль. 1914 г. 31 стр., ц. 10 к.

Д. Вергунъ. Что такое Галиція. Изд. „Лукоморье“. Петр. 1915 г. 46 стр., ц. 35 к.

Литература о Галиціи въ послѣднее время растетъ, какъ грибы послѣ дождя. Общій недостатокъ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь книгъ—поспѣшность составленія, отражающаяся на ихъ основательности. Самой цѣнной книжкой является изданіе сотрудниковъ московскаго журнала „Украинская жизнь“—„Галичина, Буко-

вина, Угорская Русь". Составители имѣли въ виду дать основной фактической матеріалъ, характеризующій положеніе края наканунѣ текущей войны, что имѣ въ достаточной степени и удалось. Брошюрки Л. Бурчака и М. Богдановича въ популярномъ изложеніи стараются познакомить мало освѣдомленныхъ читателей съ завоеваннымъ краемъ и благодаря ясности и простотѣ изложенія доступны широкимъ кругамъ населенія, среди котораго имѣ можно пожелать большаго распространенія. Всѣ эти указанныя книжки составлены лицами, признающими наличность украинской народности въ Галиціи и съ этой точки зрѣнія рассматривающими всѣ проявленія жизни этого края. Книжки Д. Вергуна и Н. Лагова составлены поборниками другого направленія, считающаго галичанъ просто русскими (а не отдѣльной украинской народностью), стараясь закрыть глаза на дѣйствительность, побѣдно напѣвая: „Въ Карпаты, въ Карпаты, гдѣ спитъ Святогоръ, даже откуда виднѣется русскій просторъ"... Г. Вергунъ пытается увѣрить, что „идея національнаго „украинскаго“ сепаратизма захватила только небольшую горсть мѣстной полуинтеллигенціи, зависѣвшей тѣмъ или инымъ образомъ отъ Вѣнскаго и Будапештскаго правительства“.

Е. Голицынская.

Е. Н. Щепкина. „Изъ исторіи женской личности въ Россіи“. Лекціи и статьи. Петроградъ 1914 г. ч. 1 р. 35 к. 307 стр.

Эта книга—первый трудъ въ области изученія постепеннаго роста женской личности въ Россіи. Въ очень сжатой формѣ авторъ показываетъ путь развитія, пройденный женщиной отъ приниженаго забитаго существа до самостоятельной сильной личности. Величье обширности темы, охватывающей періодъ отъ начала русской исторіи до 70-хъ годовъ 19-го столѣтія, книга Е. Щепкиной является далеко не исчерпывающей по этому вопросу, а только систематизирующей матеріалъ въ известной градации. Но это не простая систематизация, а цѣльная, проникнутая одной связывающей идеей о духовномъ ростѣ русской женщины. Вопросъ о развитіи женской личности очень интересенъ, но, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не изслѣдованъ. Поэтому книга Е. Н. Щепкиной, какъ впервые затрагивающая и изучающая его, заслуживаетъ вниманія.

А. П.

Указатель научно-популярныхъ книгъ по географіи. Изд. 2-ое, увеличенное вдвое. Подв. музея Учеб. Пос. П. 1914 г. Ц. 90 к. 190 стр.

Уже въ теченіи десяти лѣтъ Литературно-Издательскій отдѣлъ при Подвижномъ Музеѣ „систематически слѣдитъ за всѣми книгами, выходящими въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, собираетъ ихъ и отмѣчаетъ все, что заслуживаетъ вниманія“. Результатомъ этой работы являются „Указатели“ книгъ по различнымъ отраслямъ

знанія, а также по дѣтской литературѣ. Осенью минувшаго года вторымъ изданіемъ вышелъ „Указатель“ книгъ по географіи, содержащій отзывы о 1.200 книгахъ. „Оцѣнка каждой рассматриваемой книги вырабатывается во время засѣданія“ и является, такимъ образомъ, мнѣніемъ не одного лица, а сужденіемъ нѣсколькихъ лицъ, знакомыхъ съ данной книгой и взаимно проверяющихъ впечатлѣнія, полученныя отъ нея.

Отличительной особенностью „Указателя“ необходимо признать исключительно внимательное отношеніе къ поставленнымъ себѣ задачамъ. — Для правильнаго веденія, какъ воспитанія, такъ и обученія ребенка руководителю его чтеніемъ необходимо знать не только научно-популярныя книги, но и тѣ изъ беллетристическихъ, которыя въ занимательной формѣ, незамѣтно обогащаютъ читателя фактическими свѣдѣніями и, заинтересовавъ даннымъ вопросомъ, побуждаютъ его прочесть и болѣе трудныя книги. Съ этою цѣлью въ „Указателѣ“ разобраны не однѣ научно-популярныя книги, но и такъ назыв. „географическая беллетристика“, куда включены рассказы, обрисовывающіе жизнь и природу какой-либо страны, а также сказки и преданія народовъ, которыя имѣютъ этнографическій интерес.

Въ широкихъ слояхъ общества еще сильно безразличное отношеніе къ тому, что читаютъ дѣти. Въ лучшемъ случаѣ посмотрятъ, чтобы книга была нарядно издана да носила клеймо „дѣтская“, и спокойно дадутъ ее въ руки своихъ питомцевъ. Такая непродуманность въ вопросахъ дѣтскаго чтенія налагаетъ на изданіе, руководящее имъ, серьезную обязанность указывать тѣ плеveled, которыя такъ буйно разрастаются на нивѣ дѣтской и популярной литературы. Видимо раздѣляетъ эту точку зрѣнія и „Указатель“, такъ какъ къ нему приложенъ списокъ книгъ нерекондуемыхъ и списокъ „этотъ занимаетъ 21 стр.“

Всѣмъ интересующимся научно-популярной литературой по географіи важно знать, какія справочныя изданія по этой отрасли знанія существуютъ еще, и по какимъ изданіямъ можно слѣдить за вновь выходящими книгами. Считааясь съ этой потребностью публики, рассматриваемое изданіе помѣстило списокъ указателей научно-популярной литературы по географіи, а также тѣхъ журналовъ, въ которыхъ помѣщаются отзывы о географическихъ книгахъ.

Чтобы облегчить задачи руководителя чтеніемъ, каждый отзывъ снабженъ указаніемъ для какого читателя (подготовленнаго или нѣтъ, взрослога или ребенка) подходитъ данная книга.

Пользованіе „Указателемъ“ облегчается алфавитнымъ спискомъ авторовъ и тѣхъ сочиненій, которыя разобраны въ немъ.

Будемъ надѣяться, что крупныя достоинства „Указателя“ проложатъ ему самый широкій путь въ школу и семью.

Списокъ книгъ присланныхъ въ редакцію для отзыва.

Инязь А. М. Эрстовъ. Членъ Госуд. Совѣта. О Государственномъ Банкѣ.

А. Глазеръ. Савонарола, историческая повѣсть изъ эпохи возрожденія въ Италіи. Въ изложеніи для юношества Д. Д. Т. издательствъ. „Школьные годы“ Д. А. Травина. Петроградъ. Цѣна 40 коп.

Великіе міра. Рассказы и очерки М. А. Лятскаго. Издан. т-ва Вольфъ.

Викторъ Русановъ. Русскія Свѣтила Науки. Биографическ. очерки и рассказы. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ.

Кинематографъ, его происхожденіе, устройство и значеніе. Составилъ К. Ц. Нельсонъ. Издан. М. О. Вольфъ, цѣна 15 коп. Какъ самому устроить гербарій, сост. А. Остроградскій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ, ц. 15 к.

К. А. Тюлеліевъ. Образовательная цѣнность Латинскаго языка. Издан. т-ва М. О. Вольфъ, цѣна 15 коп.

Нина Рудникова. Гавріиль Елачичъ. Люцифоръ и Антихристъ, цѣна 60 коп.

Г. А. Василевскій. Виновата ли Германская Культура. Издател. „Религія и Жизнь“ цѣна 40 коп.

Новый Мировой Судъ и новое въ его производствѣ. вып. 1-ый. Гражданскія дѣла (въ прил. таксы для судебныхъ прист. и разс.) состав. Евгений Робукъ, част. повѣр., цѣна 25 коп. неофициальное.

Б. Верхоустинскій. Молодое вино. (Передъ бурей) ром. издан. „Освобожденіе“, цѣна 1 р. 50 к.

Н. П. Карабчевскій. Мирные плѣнники, цѣна 1 руб.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

„БЛАГО“ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО
Петроград, Николаевская ул. 44-26.

**30 Т. ПО
1 Р. 50 К.**

ГИМНАЗИЯ НА ДОМУ.

Издание состоит из 30 томов большого формата по 250—300 стр. каждый, и снабжено рисунками, чертежами, атласами (в красках) и проч.

Пользуясь им, наши подписчики успешно готовятся, без всяких пособий и без помощи учителя, к экзаменам на аттестат зрелости на все учительские звания, на вольноопределяющегося, на классный чин, на аптекарского ученика и т. п. Цена тома 1 р. 55 к. с пересылкой.

Академия Иностранных Языков.

Издание дает возможность в кратчайший срок и без помощи учителя изучить в совершенстве французский, английский и немецкий языки. Курс каждого языка состоит из 10 выпусков большого формата (больше 1000 страниц). Цена каждого выпуска 1 руб. (Наложным платежом—1 руб. 25 коп.).

ШКОЛА РИСОВАНИЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИ- КЛАДНОГО ИСКУС- СТВА

Изданіе состоит из 10 томов большого формата, роскошно иллюстрированных, дает возможность каждому, без помощи учителя, практически изучить рисование, живопись и прикладное искусство, а также приобрести теоретические познания, которые необходимы для понимания художественных произведений. Цена тома 2 руб. Налож. плат. 2 р. 25 к.

Академия Коммерческих Знаний.

Издание обнимает полный курс высших коммерческих учебн. завед. и дает возможность каждому без помощи учителя, приобрести познания, необходимые каждому коммерческому деятелю. Издание состоит из 15 томов большого формата по 250 стр. каждый. Цена тома 2 руб. (Налож. платеж. 2 руб. 25 коп.).

ПОСОБИЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

в 4-х томах. Настольная книга по всем отделам русского языка. Цена 1-го тома 1 руб. 50 коп., 2-го тома—2 р., 3-го тома—2 р. 50 к., 4-го тома—1 руб.

В наших изданиях принимают участие **ПРОФЕССОРЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ** высших и средних уч. заведений Петрограда.

При редакциях всех наших изданий имеются постоян. бюро, руководящая занятая учеников и проверяющая присылаемые работы бесплатно.

Подробные проспекты ВСЕХ изданий, отзывы печати и тысячи благодарств. отзывов подписч., засвидетельствован. *нотариусом*, высылаются *бесплатно*.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ.

М. МОРАВСКАЯ.

АПЕЛЬСИНЫЯ КОРКИ.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Рисунки С. ЧЕХОНИНА.

Цена 1 руб. Издание О. Н. Поповой.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ при конторѣ „Новаго Журнала для Всѣхъ“ Петроградъ, Эртелевъ, 3.

Открыта подписка на 1915 г. (8-й год издания) на журналъ

Вѣстникъ курортовъ и лечебныхъ учреждений

съ прибавленіемъ отдѣла „ЗДОРОВАЯ ЖИЗНЬ“

Выходитъ въ теченіи года 10 книжекъ по слѣдующей программѣ:

1) Статьи, рефераты и замѣтки по бальнеотерапіи, климатотерапіи, физіотерапіи и дѣтскѣ. 2) Описаніе курортовъ, лечебныхъ заведеній, санаторій, больницъ и другихъ лечебныхъ учреждений Россіи и заграничи. 3) Курортная жизнь, хроника и мелкія извѣстія. 4) Корреспонденціи и письма изъ русскихъ и заграничныхъ курортовъ. 5) Библиографія, критика и новыя книги. 6) Отчеты ученыхъ обществъ, съѣздовъ и выставокъ по бальнеотерапіи и т. д. 7) Смѣсь. 8) Виды, рисунки и планы курортовъ и лечебныхъ учреждений, а также портреты имѣющихъ къ нимъ отношеніе лицъ. 9) Справочныя свѣдѣнія. 10) Вопросы и отвѣты. 11) Почтовый ящикъ. 12) Объявленія.

Подписная цена на „Вѣстникъ курортовъ и лечебныхъ учреждений“ съ доставкой и пересылкой: на годъ—3 руб., на 1/2 года 1 руб. 75 коп., на 1/4 года 1 руб.

Пробные экземпляры журнала будутъ высылаться интересующимся журналомъ за четыре 7 коп. марки.

Все годовые подписчики за 1913 и 1914 гг. получаютъ журналъ 1915 г. съ доплатой въ 1 руб.

Книжные магазины могутъ удерживать при приемѣ подписной суммы 5% въ свою пользу.

Адресъ: Харьковъ, Николаевская пл. 7.

Открыта подписка на 1915 годъ на двухнедѣльный сельскохозяйственный журналъ (годъ издания II-ой)

Владимірскій Земледѣлецъ,

издаваемый Владимірскимъ губернскимъ сельскохозяйственнымъ обществомъ.

Владимірскій Земледѣлецъ обслуживаетъ главнымъ образомъ нужды мелкаго земледѣлія.

Цѣль изданія—содѣйствіе подъему народнаго благосостоянія, сообщеніе полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству, коопераціи (взаимопомощи) и проч. Предполагается удѣлять въ 1915 г. большое вниманіе на отвѣты редакціи на различные вопросы подписчиковъ журнала, поскольку эти вопросы подходятъ къ программѣ журнала и могутъ представлять интересъ для массы его читателей.

Программа журнала Владимірскій Земледѣлецъ слѣдующая: 1) общеономическій отдѣлъ, 2) кооперативный отдѣлъ, 3) земледѣліе, 4) животноводство, 5) лѣсное дѣло, 6) кустарно-промышленный отдѣлъ, 7) правовой отдѣлъ (распоряженія правительства, постановленія земскихъ собраній и т. п.), 8) народное образованіе, 9) общекультурный отдѣлъ, 10) корреспонденція, 11) хроника, 12) библиографія, 13) разныя полезныя свѣдѣнія, 14) отчеты сельско-хозяйственныхъ и иныхъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ, 15) справочный отдѣлъ и отвѣты редакціи и 16) объявленія.

Журналъ выходитъ въ объемѣ 1 1/4—1 1/2 печатнаго листа черезъ каждыя двѣ недѣли.

Подписная цена на журналъ Владимірскій Земледѣлецъ: за годъ—2 руб. съ пересылкой, на 6 мѣсяцевъ—1 руб. 30 коп., на 3 мѣсяца—65 коп. Все вышедшее въ 1914 г. №№ журнала (всего 17 №№) высылаются по полученіи редакціей 1 руб. 50 коп.

Подписныя деньги за журналъ и плату за объявленія слѣдуетъ адресовать такъ: гор. Владиміръ губернской, Совѣту Владимірскаго сельско-хозяйственнаго Общества.

Отвѣтственный редакторъ-издатель, по уполномочію Совѣта Владимірскаго Губернскаго Сельско-хозяйственнаго Общества, П. И. Невольнѣ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ

На журналъ

„Борьба съ огнемъ и страхование“

издаваемый подъ редакціей присяжнаго повѣреннаго
Д. Н. Бородина.

Журналъ ставитъ своею задачею распространение свѣдѣній по борьбѣ съ огнемъ, страхование и разработку связанныхъ съ ними вопросовъ. Журналъ будетъ выходить въ количествѣ двѣнадцати номеровъ, въ 20-хъ числахъ каждаго мѣсяца.

Г.г. подписчики въ концѣ года получаютъ **бесплатное** приложение книгу: „Справочникъ пожарнаго“, въ которой пожарные дѣятели найдутъ необходимыя справочныя и календарныя свѣдѣнія.

Годовая подписная цѣна съ бесплатнымъ приложениемъ 3 рубля.

Подписку на журналъ просимъ адресовать: Петроградъ, Рыбачья ул., 4, Редактору-издателю Д. Н. Бородину. Отдѣльный номеръ 30 коп. За перемѣну адреса 50 коп.

Открыта подписка на 1915 годъ (6-й годъ изданія) на иллюстрированный, популярно-научный журналъ электротехниковъ-практиковъ (профессионаловъ) и электриковъ-любителей

„Электричество и жизнь“

съ обязательнымъ отдѣломъ „ЭЛЕКТРОТЕХНИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“
Подписная цѣна три рубля 50 к. въ годъ, съ доставкой и пересылкой (допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и 1 р. 50 к. къ 1 июня). На 1/2 г. и на другихъ условіяхъ подписка не принимается.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала: г. Николаевъ, Херс. губ. Спасская собств. д., во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ конторахъ.

Девизъ журнала: „Полная общедоступность изложенія“.

Въ теченіи 5 лѣтъ изданія 5 наградъ на выставкахъ за журналъ и отдѣльныя изданія.

Цѣль журнала: служить пособіемъ профессионалу и любителю, преподавателямъ физики и электротехники и всѣмъ интересующимся успѣхами электричества и его многосторонними приложениями.

Сотрудники журнала являются извѣстные специалисты въ различныхъ отрасляхъ электротехники.

Программа журнала: 1) Электричество и магнетизмъ. 2) Изъ практики въ практику, 3) Электрикъ - Любитель, 4) Научная хроника, 5) Техническая хроника (въ томъ числѣ успѣхи воздухоплаванія), 6) Электричество и жизнь, 7) Электричество въ школѣ, 8) Обзоръ печати, 9) Смѣсь, 10) Справочный указатель, 11) Почтовый ящикъ, 12) Объявленія.

Бесплатное приложение на 1915 годъ: Сборникъ статей по любительской электротехникѣ: „Альманахъ любителя“.

За особую доплату сверхъ трехъ рублей 50 к., въ размѣрѣ 1 руб. 50 к., подписчики получаютъ два цѣнныхъ приложения, необходимыя каждому любителю и многимъ профессионаламъ: А. А. Боровковъ, „Индукционная катушка“ и Л. С. Коробицынъ, „Электрическій звонокъ“.

Доплатныя приложения высылаются тотчасъ по полученіи платы за нихъ и журналъ (5 р.) или стоимости „Приложений“ и перваго взноса платы за журналъ (3 р. 50 к.)

Разсрочка допускается лишь до 1-го июня 1915 года.

Требуйте бесплатно подробный проспектъ журнала на 1915 г. и каталогъ остальныхъ изданій, ссылаясь на это объявленіе.

Редакторъ-издатель инженеръ В. В. Рюминъ.

Открыта подписка на 1915 годъ (XI годъ изданія) на ежедневную газету.

„Голосъ Юга“.

„Голосъ Юга“ помѣщаетъ сообщенія собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій.

„Голосъ Юга“ помѣщаетъ корреспонденціи заграничн. корреспондентовъ изъ Парижа и Лондона.

„Голосъ Юга“ получаетъ, кромѣ агентскихъ телеграммъ, также телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ столицъ и другихъ крупныхъ городовъ. Отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы передаются собственными думскими корреспондентами—членами Государственной Думы.

Въ „Голосъ Юга“ помѣщаются статьи по политическимъ и общественнымъ вопросамъ извѣстныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей.

„Голосъ Юга“ даетъ иллюстрированныя приложения, посвященные важнѣйшимъ событіямъ общей и мѣстной жизни, а также помѣщаетъ портреты и рисунки въ текстѣ газеты.

Во всѣхъ крупныхъ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ нашего района „Голосъ Юга“ имѣетъ корреспондентовъ, доставляющихъ свѣдѣнія по почтѣ, телеграфу и телефону.

Подписная цѣна:

Съ доставкой: На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 25 к., на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на одинъ мѣсяць 75 к.

Безъ доставки: На годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 75 к., 3 на мѣсяца 2 р. 10 к., на 1 мѣсяць 70 к.

Учителя, земскіе и городскіе служащіе, крестьяне и сельскіе священники платятъ въ годъ 6 рублей съ пересылкой.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка—при подпискѣ 3 р., 1-го апрѣля 3 р. и 1-го сентября 2 р.

Контора помѣщается въ г. Елисаветградъ, по Московской улицѣ, въ д. Златкевича. Открыта съ 8 час. утра до 7 час. вечера.

Издатель Д. С. Горшковъ.

Открыта подписка на 1915 годъ. (5-й годъ изданія) на большую, еженедѣльную (по понедѣльникамъ), торгово-промышленную газету

„Сибирскій торгово-промышленный вѣстникъ“

издаваемую въ г. Иркутскѣ.

Газета удѣляетъ особое вниманіе торгово-промышленной жизни въ Сибири. Собственные корреспонденты во всей Российской Имперіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ—3 рубля, на 1/2 года—1 руб. 50 коп., на 1/4 года—75 коп. и на 1 мѣсяць—25 коп.

Цѣна объявленій: за строку петита: среди текста—75 коп., впереди текста—50 к. и позади текста—25 к.; за прилагаемая въ газетѣ летучки—объявленія: въ Иркутскѣ—6 руб., иногороднимъ—8 руб. за каждую 1.000 экземпляровъ, вѣсомъ не болѣе 1 лота.

Подписка принимается каждаго 1-го и 15-го числа.

Вниманію лицъ, ищущихъ побочнаго заработка: Требуются агенты-сотрудники на опредѣленное жалованье отъ 20 до 50 рублей въ мѣсяць.

За условіями обращаться въ Редакцію газеты „Сибирскій Торгово-Промышленный Вѣстникъ“. Г. Иркутскъ, Почтамтская ул. № 18.

Открыта подписка на 1915 годъ на еженедѣльный журналъ

Церковно-Общественный Вѣстникъ,

издающійся въ Петроградѣ съ 1 июля 1912 г. Задачею журнала служить безпристрастное, правдивое, научно-обоснованное и чуждое партійной односторонности освѣщеніе вопросовъ современной церковно-общественной жизни.

Въ журналъ принимаютъ ближайшее участіе: проф. свящ. К. М. Аггеевъ, проф. И. Д. Андреевъ, А. Н. Брянчаниновъ, проф. Н. А. Заозерскій, проф. В. З. Завитневичъ, проф. А. В. Карташовъ, проф. Н. Д. Кузнецовъ, А. А. Папковъ, В. П. Соколовъ, чл. Г. Д. И. В. Титовъ, проф. П. В. Тихомировъ, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. В. И. Экземлярскій и другіе.

Годовые подписчики журнала «Церковно-Общественный Вѣстникъ» получаютъ въ 1915 году (въ январѣ) въ качествѣ бесплатнаго приложенія изд. въ 1914 году кн. Г. А. Василевскаго «Баттизмъ и свобода воли». Природа Церкви. Основы баттизма. Догматы. Культа.

Проповѣдническое Слово,

которое издается ближайшимъ сотрудникомъ журнала «Ц.-О. В.»

В. П. Соколовымъ при участіи свящ. К. Аггеева.

Подписная цѣна на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» на годъ 4 р., на 1/2 г.—2 р., на 3 мѣсяца—1 р. 25 коп., на мѣсяць—65 коп. съ доставкой и пересылкой. Цѣна №-а въ прод. 10 коп., съ перес. 15 к.

Подписная цѣна на «Проповѣдн. Слово»—2 р. въ годъ, а подпис. цѣна на «Ц.-О. В.» и «Проп. Слово» вмѣстѣ—5 р. въ годъ съ дост. и перес.

Вновь подписавшіеся на весь 1915 годъ въ теченіи ноября получаютъ бесплатно декабрьскіе № № журнала.

Подписка принимается въ конторѣ журнала — Петроградъ, Вас. Остр., Больш. пр. 56, кв. 62, въ кн. маг. «Новаго Времени», Вольфа и др. и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ Имперіи.

Контора журналовъ открыта ежедневно, кромѣ праздн. дней, отъ 11 до 4 ч. дня.

Иногороднихъ просятъ адресовать всю корреспонденцію по адр. Петроградъ, В. О. Бол. пр. 56, кв. 62.

Пробный № ж. «Ц.-О. В.» высылается бесплатно по сообщенію адреса.

Редакторъ-издатель А. Н. Брянчаниновъ.

Открыта подписка на 1915 годъ (3-й годъ изданія) на ежедневную общественно-экономическую, политическую и литературно-художественную газету

„КАМА“

издаваемую по программѣ столичныхъ газетъ. Одна изъ главныхъ задачъ газеты: всестороннее освѣщеніе жизни и нуждъ Прикамскаго края, средняго Прикамья, города Сарапула съ Ижевскимъ и Воткинскимъ заводами.

Исключительное вниманіе газета удѣляетъ мировой войнѣ и возникающимъ въ связи съ ней вопросамъ внутренней жизни.

Подписная цѣна: за 12 мѣсяцевъ 6 р., за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 80 к. и за одинъ мѣсяць 60 к.

Крестьяне, рабочіе, духовенство, низшіи медицинскій и учительскій персоналъ платятъ: за 12 мѣсяцевъ 4 р., за 6 мѣсяцевъ 2 р., за 3 мѣсяца 1 р. 25 к. и за одинъ мѣсяць 50 к. при пересылкѣ по земской почтѣ въ Сар. уѣздъ; иногородніе подписчики доплачиваютъ по казенной почтѣ по 11 к. за мѣсяць.

Подписныя деньги адресовать: Сарапулъ, конторѣ газеты «Кама».

Издатель Ѳ. В. Грачевъ.

Редакторъ Н. И. Новиковъ.

Открыта подписка на 1915 годъ на общедоступный сельско-хозяйственный журналъ

Вѣстникъ Орловскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

выходящій два раза въ мѣсяць.

Журналъ поставилъ себѣ задачу выясненіе техническихъ и экономическихъ условій мѣстнаго сельскаго хозяйства и распространеніе знаній въ широкихъ кругахъ сельскаго населенія.

Съ этою цѣлью, редакция даетъ мѣсто статьямъ по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственной жизни губерніи: полеводству, луговодству, садоводству, животноводству, пчеловодству, дѣлу кооперативнаго объединенія, кустарнымъ промысламъ и сельско-хозяйственной промышленности.

Кромѣ оригинальныхъ статей, журналъ содержитъ: 1) правительственныя сельско-хозяйственныя сообщенія и извѣстія, 2) обзоры дѣятельности земства и общественныхъ учреждений, 3) корреспонденціи изъ губерніи, 4) мѣстную хроніку, 5) обзоръ сельско-хозяйственной литературы, 6) вопросы и отвѣты, 7) обзоры хлѣбнаго рынка и 8) объявленія.

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 1 1/2 до 2 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: за годъ 1 руб. 50 коп., за полгода 75 коп. №№ для ознакомленія бесплатно.

За отвѣтственнаго редактора Н. Н. Поздняковъ.

Адресъ редакціи: Орель, Борисоглѣбская, д. Сентъ-Венсаъ.

Открыта подписка на 1915 г. (IV-й годъ изданія) на Еженедѣльный Иллюстрированный Художественно-Литературный Журналъ

ЖИЗНЬ

выходящій въ г. Казани.

Журналъ освѣщаетъ всѣ текущіе событія въ Россіи и за границей.

а) Въ Литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщены произведенія: Ан. Амнуэль, Астраханцева, Н. Брешко-Брешковскаго, Д-ра В. Бѣляева, Д-ра В. Бузунова, Волгаря, В. Васильковой, В. Вячеславскаго, А. Галкина, С. Гортинскаго, Л. Гумилевскаго, О. Дымова, Н. Ильина, И. Ивина, Б. Илышева, Н. Куприна, К. И. Калинина, прис. пов. Ледницкаго, Н. Лѣскова, И. Лаврентьева, П. Михайловичъ, И. Морозова, Милорада Петровичъ (серб. писат.), Э. Ожешко (польск. пис.), Кн. Н. Отяева, Пшебышевскаго (пол. пис.), Н. Скворцова, С. Семенова-Волжскаго, Кн. С. Трубецкаго, Тюбякъ-Чирковскаго, Н. Твардовскаго, П. Тодорова (болгар. пис.), Е. Чирикова, Ю. Шишкова, Ю. Юшкова, А. Шевалье, (бельг. пис.), Я. Эрнстонъ, (англ. пис.).

б) Въ Художественномъ отдѣлѣ: Б. Анисфельдъ, А. Бенуа, И. Билибина, акад. Е. Волкова, В. Васнецова, А. Гаушъ, В. Завѣрева, проф. Д. Кардовскаго, К. Констанди, Г. Лукомскаго, Е. Лансере, Н. Лансере, Д. Митрохина, С. Милорадовичъ, А. Мантель, К. Петрова-Водкина, Н. Рерихъ, А. Семеновъ, Н. Самокишъ, А. Таланцева, В. Чемберсъ, С. Яремичъ.

Собственныя корреспонденты на войнѣ. Соб. цинкографія исполняютъ фотогр. снимки эпизодовъ войны, присылаемые сотрудниками. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой. На годъ 2 р. 50 к.—На 6 мѣсяцевъ 1 р. 35 к.—На 3 мѣсяца 70 к.—На 1 мѣсяць 25 к. Адресъ редакціи и конторы: Казань, Проломная, 27.

Открыта подписка на 1915 годъ 3-й годъ изданія. На журналъ

Зубоврачебный Ежемѣсячникъ

посвященный вопросамъ научной одонтологіи и быту зубоврачебной корпораціи.

Всѣмъ подписчикамъ въ 1915 г. будутъ разосланы бесплатныя приложенія **ДВѢ КНИГИ** сочиненія извѣстн. одонтологовъ со мног. иллюстраціями.

Подписная цѣна: одинъ рубль въ годъ.

Адресъ для корреспонденціи: Конторѣ журнала «Зубоврачебный Ежемѣсячникъ». Одесса, Екатерининская 32.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при конторѣ журнала „Новый журналъ
для Всѣхъ“

Петроградъ, Эртелевъ пер., 3.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

1-я книга стиховъ **ЮСИФА
МОЗАЛЕВСКАГО**

„Утренній
Туманъ“.

Цѣна 75 коп.

Наложнымъ платежомъ 1 руб.

НИЖНИЙ СКЛАДЪ при конт. журн.
Нов. Журн. для Вс. Петрогр., Эртелевъ, 3.

Мѣстечкѣ въ продажѣ изящное изданіе

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

Г. Г. ПОМЯЛОВСКАГО

въ 5 кн.

портр. автора раб. Т-ва Р. Голдкел А. Вхльборгъ).
Цѣна—1 р. 50 к. Съ перес.—1 р. 85 к.

КУРСЫ ПОЖАРНЫХЪ ТЕХНИКОВЪ

(Школа брандмейстеровъ)

Петроградскаго городского обществ. управленія.

(Петроградъ, Лиговская ул., № 151, тел. 1-41 и 443-00).

На Курсы принимаются по уставу молодые люди не моложе 18 лѣтъ отъ роду, окончившіе учебное заведеніе не ниже городского училища по положенію 1872 г., причемъ можетъ быть назначенъ повѣрочный экзамень. Окончившимъ среднія техническія и общеобразовательныя учебныя заведенія отдается предпочтеніе и таковыя принимаются безъ экзамена.

Полный курсъ обученія проходитъ въ два года. Плата за ученіе, учебныя пособія и содержаніе на полномъ пансіонѣ 300 руб. въ годъ. Стипендіи предоставляются городскими и земскими общественными управленіями, страховыми обществами и пр. Приемъ на Курсы и вступительныя повѣрочныя экзамены производятся въ концѣ августа. Прошенія подаются на имя Попечительнаго Совѣта (Петроградъ, Лиговская 151), съ приложеніемъ слѣдующихъ документовъ: 1) Свидѣтельство объ образованіи, 2) Свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку и 3) Метрическое свидѣтельство. Окончившіе Курсы получаютъ званіе пожарнаго техника и занимаютъ мѣста брандмейстеровъ и инструкторовъ противопожарнаго дѣла, на первоначальныя оклады до 1.200 руб. въ годъ. На указанные мѣста могутъ быть рекомендованы соответственныя лица.

При Курсахъ состоитъ Технической Совѣтъ, въ составѣ котораго находятся г.г. преподаватели Курсовъ, профессора высшихъ учебныхъ заведеній и др. специалисты въ области пожарно-страхового дѣла. Технической Совѣтъ даетъ отзывы, заключенія, справки и проч. по разнаго рода вопросамъ въ области борьбы съ огнемъ.

ВЕЛИКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1914-15 г.

Открытыя письма со снимковъ съ войны, самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ, хорошей художественной работы, цѣна—4 руб. 50 к. за сотню, безъ пересылки, а при большемъ количествѣ дѣлается соответствующая скидка.

I. Альбомъ снимковъ Великой Освободительной Войны 1914-15 г., каждый альбомъ содержитъ въ себѣ 16 фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ на поляхъ брани, офицерами-участниками войны. Печать на хорошей флюовой бумагѣ художественнаго исполненія. Цѣна 35 коп. за экземпляръ, безъ пересылки. Для торговцевъ соответствующая скидка.

УВЕРЕННЫЕ СТЕНОГРАФИИ

Курсы лекцій для самообученія „СТЕНОГРАФІЯ НА ДОМУ“ подъ ред. ст. сов. Д-ра И. Л. Циммермана. Цѣна за курсъ 1 р. 50 коп. Вступительныя лекціи высыл. за 50 коп. ал. пл. 75 коп. Проверка работъ. Аттестатъ на званіе преподавателя и стенографа-корреспондента. Личное обученіе на отдѣлахъ: корреспондентскомъ, парламентскомъ и педагогическомъ. По окончаніи аттестатъ и рекомендація на мѣста. Новыя группы организуются ежемесячно. Проспекты и программы высылаются бесплатно. Изд. „Стенографъ“.

БУХГАЛТЕРІЯ двойная—ит., америк. заочное обученіе подъ руководствомъ канд. комм. И. Д. Бѣлостоцкаго. Проверка работъ. Ручательство. Аттестатъ бухгалтера. Цѣна за полный курсъ 6 р. 60 к. Вступительныя лекціи высылаются за 60 к. (можно марками). Проспекты и программы бесплатно. Ввидѣ бесплатнаго приложенія подписчики получаютъ **ТОРГОВУЮ ПРАКТИКУ** подъ ред. Н. И. Иванова, цѣна въ отд. продажѣ 1 р. 20 к. Въ качествѣ пособія для учащ. бухгалтер. и коммерсантовъ рекомендуемъ книгу—Религъ Рэсъ „УПРОЩЕННОЕ СЧИСЛЕНІЕ“ переводъ инженера-технолога Л. Филлеръ. Цѣна 2 руб. 25 коп. безъ пересылки. Изд. „Стенографъ“.

нижній складъ журнала: „Новый Журналъ для Всѣхъ“, Эртелевъ пер., д. 3, Петроградъ.

При заказѣ необходимо высылать задатокъ (можно марками).

1 р. 90 к.

в год
без доставки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1915-й годъ

и

Н О В Ы Й

2 р. 20 к.

в годъ
съ пересылкой.

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХЪ

(VIII-й годъ изданія) (Подписной годъ съ января). (VIII-й годъ изданія)

Вступая въ восьмой годъ изданія, журналъ ставитъ своей задачей дать, при доступной для всѣхъ цѣнѣ, возможность самымъ широкимъ кругамъ читателей, интересующихся вопросами самообразования, имѣть серьезное ежемѣсячное изданіе одного характера съ дорогими, такъ называемыми «толстыми» журналами.

Являясь, такимъ образомъ, демократическимъ, «Новый Журналъ для Всѣхъ» будетъ по прежнему заключать въ себѣ отдѣлы: изящной литературы, популярно-научный, общественно-политическій, критическій, художественный и др., отводя мѣсто только лучшимъ произведеніямъ, независимо отъ имени ихъ авторовъ.

Художественность, серьезность и популярность изложенія и прогрессивность мысли—таковы пути къ общенію журнала съ установившимся въ теченіи 7 лѣтъ кругомъ читателей, весьма обширнымъ.

Слѣдуя разъ принятому курсу, журналъ будетъ стремиться освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни, чуждый какого либо пристрастія и партійности.

Въ связи съ переживаемымъ временемъ въ журналѣ будетъ особое вниманіе обращено на военно-морской отдѣлъ, вести который будетъ проф. Николаевской Морской Академіи Н. Л. Кладо и отдѣлъ художественный, подъ руководствомъ пом. хран. музеевъ Императорской Академіи Художествъ С. К. Исакова. Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями, виньетками и карриатурами. Для каждаго номера будетъ даваться новая иллюстрированная обложка.

Вѣруя, что въ народной массѣ таится непочатый источникъ творческихъ силъ, журналъ будетъ стремиться дать своимъ подписчикамъ не только выдающіяся произведенія русской и иностранной литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставить своей задачей идти навстрѣчу молодымъ талантамъ, съ особымъ вниманіемъ и радушіемъ представляя имъ страницы своего журнала, дабы облегчить первые, особо трудные шаги на литературномъ поприщѣ.

Въ ближайшемъ будущемъ намѣчены къ помѣщенію произведенія: Анны Ахматовой, С. Ауслендера, Л. Андрусона, Александра Блока, А. Боане, Николая Бруни, С. Бахланова, А. Богданова, Бориса Верхоустанскаго, Г. Вяткина, М. Ге, Л. Гуревичъ, Сергія Городецкаго, Н. Гумилева, Е. Голицынской, Елены Грековой, А. Добровольскаго, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, Г. Кваша, Н. Кладо, Т. Кладо, Н. Краснова, К. Крайцова, М. Кузмина, Вл. Кохановскаго, Арт. Лурье, М. Моравской, О. Миртова, И. Накатова, Ю. Л. Орловъ, К. Одинцова, Н. Оцупъ, А. Петричъ, Проф. В. Д. Плетнева, А. Ремизова, А. Рославлева, С. I. Сватикова, Юрія Слезкина, А. Смирновъ, проф. Н. Фирсова, М. В. Федулова и др.

Въ иллюстр. отд. принимаютъ участіе: Натанъ Альтманъ, Левъ Бруни, Дмитрій Митрохинъ, Н. Митурячъ, проф. Н. С. Самокишъ и др.

Въ отдѣлахъ художественной критики журналъ намѣренъ удѣлять большое вниманіе переживаемому въ настоящее время сдвигу въ сферѣ искусства и давать безпристрастное освѣщеніе, всѣмъ явленіямъ, какъ русской, такъ и заграничн. худож.-артистическ. жизни.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками въ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 стр.).

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 1 р. 90 к., съ перес.—2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к., на 1 м.—33 к. За границу—3 р. 25 к., отдѣльн. книжки въ магаз. 25 к., пробн. № высылается за двѣ 10 коп. марки. Подписная плата марками не принимается.

Для сельскихъ учителей, учительницъ, сельскихъ священниковъ, рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка: 80 к.—при подпискѣ, 80 к.—1 марта и 60 к.—1 июля.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Эргелевъ пер., д. 3. Телеф. 107—88.

Редакторъ-издатель А. Боане-Яворовская.

Типографія Т-ва „Нацѣ Вѣкъ“, Петроградъ, Малая Подьяческая, 12.